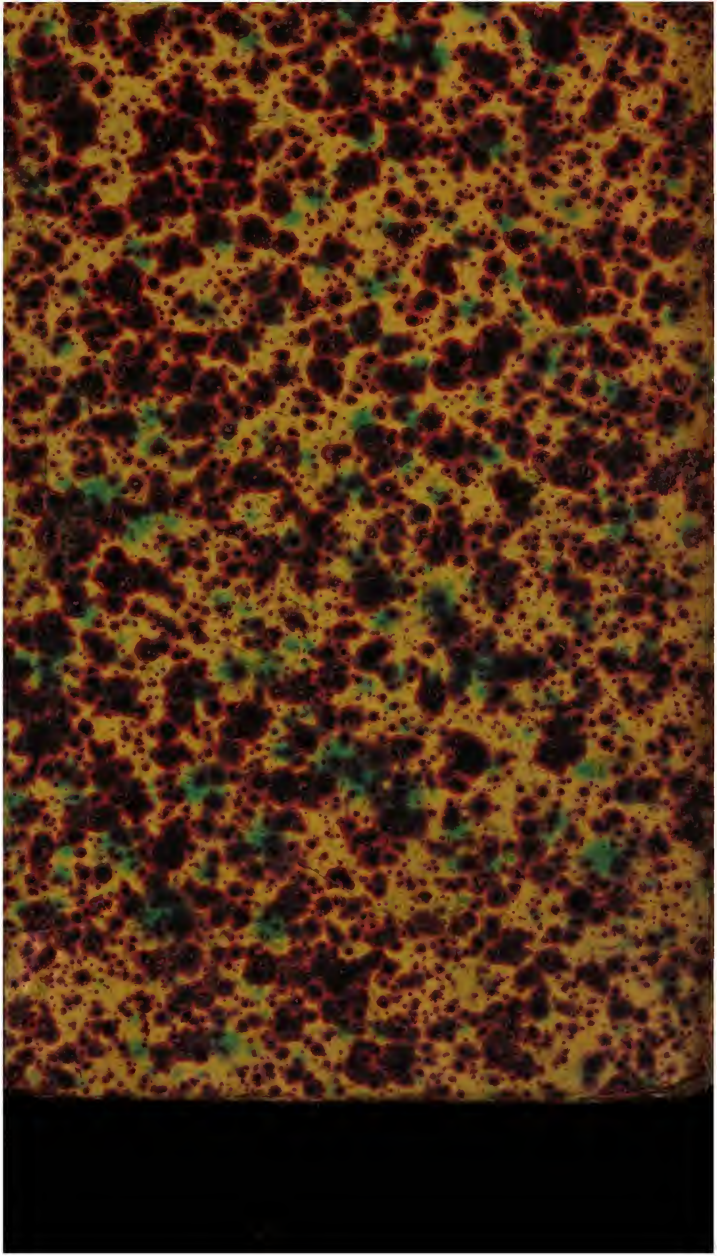


N. 864

NAZIONALE
BIBLIOTECA
CENTRALE V. E. II.
ROMA
GOGOL
B
3354 /4

98/7
N 161

ЗАПИСКИ
Г. БУРІЕННА.

BIBLIOTECA NAZIONALE V. EMANUELE II - ROMA
DEPOSITO PERMANENTE

ЗАПИСКИ
Г. БУРІЕННА,
ГОСУДАРСТВЕННАГО МИНИСТРА
О
НАПОЛЕОНѢ,
ДИРЕКТОРІИ, КОНСУЛЬСТВѢ, ИМПЕРІИ И ВОЗСТАНОВЛЕНІИ БУРБОНОВЪ.

Перевелъ съ Французскаго
С. ДЕ ШАПЛЕТЪ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЧАСТЬ VII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

1834.

Gocd B 2254 /4.f

Печатать Позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. С. Петербургъ 30 Ноября 1834 года.

Цензоръ *П. Гаевскій.*

BVE035000811
4.f BVE035000824

ЗАПИСКИ

Г. БУРІЕННА,

ГОСУДАРСТВЕННАГО МИНИСТРА.

ГЛАВА I.

Первое время пребыванія моего въ Гамбургѣ. — Уничтоженіе Республиканскаго словаря. — Вооруженія Австріи. — Сообщеніе Дипломатической ноты. — Жалобы Наполеона противъ Императора Австрійскаго. — Бонапарте выхваляетъ самъ свое поведеніе.—Императоръ въ Сенатѣ. — Проэктъ учрежденія Національной Гвардіи. — Наполеонъ въ Страсбургѣ.—Отзывъ его о Макѣ. — Воззваніе Императора. — Желаніе Наполеона выставлять себя всегда атакованнымъ. —Рекогносцировка подъ стѣнами Вѣны.—Планъ кампаніи. —Притворный гнѣвъ и внутреннее удовольствіе Императора. — Капитанъ Бернаръ въ Иллиріи. — Продолжительное забвеніе. — Нужда узнать Рагузу.—Полковникъ Бернаръ, Адъютантъ Наполеона.—Быстрое и заслуженное повышеніе. —Первый Инженеръ и глупость Кларка.

Я уже три мѣсяца находился въ Гамбургѣ, когда узналъ что Императоръ уничтожилъ послѣднюю вещь, напоминавшую еще Республику, т. е. Республиканскій календарь. Этотъ ка-

лендарь былъ одною изъ самыхъ глупыхъ выдумокъ Революціи, ибо названіе мѣсяцовъ никогда не могло быть вездѣ примѣнено, даже и ограничивалсь одною Франціею; и дѣйствительно хлѣбы въ Провансѣ не ожидали для созрѣнія, солнца Межидора мѣсяца. 9 Сентября, Сенатскимъ указомъ было опредѣлено, чтобы съ 1-го числа будущаго Генваря мѣсяцы и дни воспріяли свои прежнія названія. Я помню, что я съ участіемъ читалъ докладъ Лапласа Сенату, и признаюсь, что очень былъ доволенъ введенію вновь Грегоріанскаго календаря. Особенно въ чужихъ земляхъ чувствовали мы неудобства счисленія, не вездѣ употребляемаго.

Черезъ нѣсколько дней по возстановленіи прежняго календаря, Императоръ отправился въ армію. Въ Гамбургѣ, какъ можно себѣ вообразить, я очень жаждалъ извѣстій; я получалъ много оныхъ изъ внутренности Германіи и отъ нѣкоторыхъ Парижскихъ друзей; и этой то перепискѣ я обязанъ возможностью представить моимъ читателямъ краткую и вѣрную картину состоянія публичныхъ дѣлъ въ минуту выступленія Наполеона въ походъ. Я сказалъ въ предъидущихъ частяхъ, какая была его всегдашняя тактика, доводить другихъ до объявленія ему войны, дабы показывать видъ свой искренней любви къ миру: поприще его представляетъ мало примѣровъ столь разительныхъ, какъ

обстоятельства, предшествовавшія первому завоеванію Вѣны. Весьма было очевидно, что преобразованіе Цизальпинской Республики въ Королевство Италію, и присоединеніе Генуи къ Франціи, были дѣйствія, противныя договорамъ; однако же Императоръ, не смотря на то, утверждалъ будто бы Австрія сама нарушаетъ оное. Истина же состояла въ томъ, что Австрія съ наивозможною скрытностью вооружалась, и сбирала свои войска на границахъ Баваріи; Австрійскій корпусъ даже вступилъ въ нѣкоторыя области Курфиршества: съ этой минуты Наполеонъ могъ уже выставить предлогомъ необходимость итти на помощь къ союзникамъ Франціи.

Я получилъ въ Гамбургѣ копію съ весьма любопытной ноты, въ коей Императоръ исчислялъ жалобы свои противъ Австріи; онъ очень хвалился своею умѣренностью, выставляя то, что онъ безъ сопротивленія допустилъ пріобрѣтеніе Линдау, сдѣланное Австріею послѣ Люневильскаго договора. Нота, мною упоминаемая, была писана къ Сейму, собранному тогда въ Ратисбонѣ. «Императоръ,» было сказано въ ней, «показалъ видъ будто бы онъ не знаетъ, что «долгъ Венеціи, не только остался неуплаченнымъ, но даже вовсе былъ уничтоженъ, вопреки смыслу и духу Кампо Формійскаго и Люневильскаго договоровъ: онъ умалчивалъ о не-

«оказаніи въ Вѣнѣ правосудія его Миланскимъ «и Мантуйскимъ подданнымъ, которые не смо«тря на точныя условія, не получили никакой «уплаты, и о пристрастіи, съ коимъ Австрія на «дѣлѣ признала чудовищное право блокады, ко«торое хотѣла присвоить себѣ Англія; и когда «нейтральность Австрійскаго флага, столько разъ «нарушенная ко вреду Франціи, не возбудила «со стороны Вѣнскаго двора никакихъ жалобъ, «то онъ принесъ любви своей къ миру еще «жертву, сохранивъ молчаніе.»

Обстоятельства, изложенныя въ нотѣ, были справедливы; но Наполеонъ не говорилъ, что снисходительность, съ коею онъ закрывалъ глаза на нѣкоторыя изъ этихъ статей, происходила единственно отъ его желанія допустить Австрію сдѣлать столько, чтобы дать предлогъ къ нападенію, удержавъ наружный видъ справедливости на сторонѣ Французскаго правительства; для сего, въ противоположность этихъ жалобъ онъ выставлялъ свое поведеніе съ Австріею. «Императоръ Французовъ,» было сказано въ той же нотѣ, «очистилъ Швейцарію, «сдѣлавшуюся спокойною и счастливою чрезъ «дѣйствіе посредства; онъ оставилъ въ Италіи «только необходимое число войскъ для удержа«нія позицій, которыя онъ долженъ былъ за«нимать на оконечности сего полуострова съ «тою цѣлью, чтобы покровительствовать тор-

«говлѣ своей на Востокѣ и обезпечить себѣ «предметъ вознагражденія, который могъ бы «заставить Англію очистить Мальту, а Россію «очистить Корфу; онъ оставилъ на Рейнѣ и во «внутренности своей Имперіи только войска, «необходимыя для охраненія крѣпостей. Совер«шенно занятый пріуготовленіями къ войнѣ, къ «коей не онъ подалъ поводъ, которую онъ под«держиваетъ для выгодъ Европы, столько же «какъ для своихъ собственныхъ, и въ коей глав«ную его цѣль составляетъ возстановленіе рав«новѣсія въ торговлѣ, и равенства правъ всѣхъ «флаговъ на моряхъ, онъ собралъ всѣ свои си«лы на берегахъ океана, далеко отъ Австрій«скихъ границъ; онъ употребилъ всѣ способы «своей Имперіи къ постройкѣ флотовъ, къ на«бору матросовъ, къ устроенію гаваней: и въ «ту самую минуту, какъ онъ успокоился въ «полной увѣренности въ исполненіи договоровъ, «возстановившихъ миръ на твердой землѣ, Ав«стрія вдругъ выходитъ изъ мирнаго положе«нія, устроиваетъ войска свои на военную но«гу, посылаетъ одну армію въ свои Италіян«скія владѣнія; становитъ другую, столь же «многочисленную въ Тиролѣ; запасается ло«шадьми; учреждаетъ магазины; строитъ поле«выя укрѣпленія; устрашаетъ всѣми этими при«готовленіями народы Баваріи, Швабіи и Швей«царіи, обнаруживая тѣмъ очевидное намѣре-

«ніе сдѣлать благопріятную для Англіи диверсію, столь же непріязненно вредную для Франціи, сколь моглабъ быть открытая война. Въ «такихъ важныхъ обстоятельствахъ и тщетно «пытавшись привести Вѣнскій Дворъ къ чувствамъ, истинно миролюбивымъ, не взирая «на безпрестанныя ея увѣренія, что она не «имѣетъ противъ Франціи никакихъ враждебныхъ замысловъ, Императоръ Французовъ «считаетъ долгомъ съ своей стороны объявить, «что онъ сочтетъ за объявленіе войны, явно «противъ него устремляемой, всякое посягательство, сдѣланное противъ Германскаго корпуса, «а въ особенности противъ Баваріи, ибо Императоръ твердо рѣшился никогда не раздѣлять выгодъ своей Имперіи, съ выгодами Германскихъ Принцевъ, ему преданныхъ.»

Я получилъ эту ноту 15 Сентября. Черезъ двѣнадцать дней послѣ сего въ день перваго Вандеміера, долженствовавшій въ послѣдній разъ явиться въ лѣтописяхъ Императорской Республики, Наполеонъ пріѣхалъ въ Сенатъ, а на другой день отправился въ армію.

Въ достопамятное засѣданіе предъ его отъѣздомъ, Императоръ приказалъ представить проэктъ Сенатскаго указа объ учрежденіи Національной Гвардіи. Министръ Внѣшнихъ Сношеній прочиталъ обзоръ взаимнаго поведенія Франціи и Австріи со времени Люневильскаго

мира; обзоръ, въ коемъ вины Франціи были прикрыты съ удивительнымъ искусствомъ (*). Наконецъ предъ закрытіемъ засѣданія, Императоръ произнесъ къ Сенаторамъ слѣдующее:

«Въ настоящихъ обстоятельствахъ Европы, «я чувствую нужду быть посреди васъ и сообщить вамъ мои чувства.

«Я ѣду изъ Столицы для того, чтобы принять начальство надъ арміею, оказать скорую «помощь моимъ союзникамъ и защитить драгоцѣннѣйшія выгоды моихъ народовъ.

«Желаніе вѣчныхъ враговъ твердой земли «исполнились: война въ Германіи начинается. «Австрія и Россія присоединились къ Англіи, и «наше поколѣніе вновь вовлечено въ бѣдствія «войны. Не давно еще я надѣялся, что миръ не «будетъ нарушенъ; угрозы и оскорбленія на «меня еще не дѣйствовали; но Австрійская «армія перешла чрезъ Иннъ, вступила въ Минхенъ; Курфирстъ Баварскій выгнанъ изъ своей «Столицы; всѣ мои надежды исчезли.

«Въ эту то минуту обнаружилась злоба враговъ твердой земли. Они все еще опасаются, «видя что я объявляю мою сильную любовь «къ миру; они боятся чтобы Австрія при видѣ «бездны изрытой ими подъ ея стопами, не об-

[*] Смотри извлеченіе изъ сего обзора, приложенное въ концѣ книги.

«ратилась къ чувствамъ справедливости и умѣ-
«ренности; они подстрекнули ее къ войнѣ.
«Сокрушаюсь о крови, которой она будетъ
«стоить Европѣ, но Французское имя пріобрѣ-
«тетъ новый блескъ.

«Сенаторы,—когда по вашему желанію, по
«гласу всего Французскаго народа я надѣлъ на
«главу Императорскую корону, то я получилъ
«отъ васъ и отъ всѣхъ гражданъ обязательства
«охранять ее чистою и неомраченною никакимъ
«пятномъ. Народъ мой представлялъ мнѣ во
«во всѣхъ обстоятельствахъ доказательство сво-
«ей довѣренности и любви. Онъ полетитъ подъ
«знамена своего Императора и его арміи, кото-
«рыя чрезъ нѣсколько дней прейдутъ черезъ
«границу.»

«Сановники, солдаты, граждане, всѣ хотятъ
«избавить отечество отъ вліянія Англіи, которая
«одержавъ верхъ, дала бы намъ только позор-
«ный, постыдный миръ, коего главными усло-
«віями были бы сосженіе нашихъ флотовъ, за-
«крытіе нашихъ гаваней и уничтоженіе нашей
«промышленности.

«Я сдержалъ всѣ обѣщанія, данныя мною
«Французскому народу.

«Народъ Французскій въ свою очередь, не
«далъ мнѣ никакого обязательства, котораго бы
«онъ не превзошелъ. При этомъ обстоятельствѣ,
«столь важномъ для его славы и для моей, онъ

«будетъ продолжать заслуживать имя великаго «народа, коимъ я привѣтствовалъ его съ боевыхъ полей.

«Французы, вашъ Императоръ исполнитъ «свою обязанность; солдаты исполнятъ ихъ «долгъ; а вы исполните свой.»

Эта рѣчь произвела въ Гамбургѣ очень сильное впечатлѣніе; что касается до меня, то я увидѣлъ въ ней обыкновенное хвастовство Наполеона; но на этотъ разъ событія казалось старались оправдать оное. Императоръ могъ сдѣлать кампаніи, болѣе ученыя чѣмъ Аустерлицкая; но ни одна изъ нихъ не была окружена такимъ очарованіемъ. Все въ ней казалось чудеснымъ, и я часто думалъ о тайной радости, которую долженствовалъ ощущать Бонапарте достигнувъ наконецъ того, чтобы предпринять большую войну въ Германіи, каковое желаніе онъ часто мнѣ изъявлялъ. Сперва онъ отправился въ Страсбургъ, куда ему сопутствовала Іозефина, и тогда то я получилъ повѣсть *Джуліо*, помѣщенную мною въ концѣ шестой части.

Всѣ получаемыя мною донесенія соглашались съ частною перепискою въ изображеніи невѣроятнаго восторга, одушевлявшаго армію, когда она узнала, что пойдетъ на Германію. Въ первый еще разъ Наполеонъ прибѣгнулъ къ ускореннымъ способамъ перевозки; двадцать

тысячъ повозокъ перевезли его армію, какъ бы волшебствомъ, съ береговъ Океана на берега Рейна. Всѣ юныя честолюбія были подстрекаемы предстоящимъ походомъ; всѣ мечтали о славѣ, о скоромъ производствѣ, о надеждѣ отличиться предъ глазами вождя, кумира его арміи и который такъ хорошо умѣлъ увлекать людей въ сферу своей невѣроятной дѣятельности. А посему въ краткое свое пребываніе въ Страсбургѣ, Императоръ съ нѣкоторымъ основаніемъ могъ предсказывать успѣхъ ожидавшій его подъ стѣнами Вѣны. Я узналъ отъ Раппа, ему сопутствовавшаго, что онъ сказалъ при многихъ, предъ выѣздомъ своимъ изъ Страсбурга: «Можно сказать, что какъ будто я со«ставилъ планъ кампаніи Мака. Онъ будетъ «разбитъ въ Ульмѣ.» Опытъ доказалъ, что Наполеонъ не ошибся и я долженъ при этомъ случаѣ опровергнуть слухъ, распространенный тогда клеветою, и послѣ повторенный злобою. Сказали будто бы Макъ былъ въ согласіи съ Бонапарте, купившимъ у того Генерала открытіе воротъ Ульма; я имѣлъ случай удостовѣриться въ совершенной лживости этого слуха; ему придало нѣсколько вѣса ходатайство Наполеона послѣ войны о томъ, чтобы Макъ не былъ отданъ подъ судъ; но онъ повиновался въ этомъ одному только чувству человѣколюбія.

Выступивъ въ походъ, Бонапарте принялъ

предводительство надъ Баварцами, съ коими онъ разбилъ непріятельскую армію, прежде чѣмъ подоспѣли его собственныя войска. Какъ только онѣ собрались, то дабы возбудить еще болѣе, если возможно, усердіе и преданность этой удивительной арміи, онъ объявилъ въ приказѣ слѣдующее воззваніе:

«Солдаты,

«Война третьяго союза началась. Австрійская «армія перешла чрезъ Иннъ, нарушила договоры, «атаковала и изгнала изъ Столицы нашего со«юзника. Вы принуждены были ускореннымъ «движеніемъ спѣшить для защиты нашихъ гра«ницъ. Но уже вы перешли чрезъ Рейнъ: мы не «остановимся до тѣхъ поръ, пока не утвердимъ «независимость Германскаго Корпуса, не спасемъ «нашихъ союзниковъ и не смиримъ гордость не«справедливыхъ зачинщиковъ. Мы не заключимъ «уже мира безъ обеспеченія: наше великодушіе «не обманетъ уже болѣе нашу политику.

«Солдаты, вашъ Императоръ посреди васъ. «Вы составляете только передовую рать вели«каго народа: если будетъ нужно, то онъ опол«чится весь, по гласу моему, для того чтобы «ниспровергнуть и раздробить этотъ новый со«юзъ, сплетенный ненавистью и золотомъ Англіи.

«Но, солдаты, намъ придется дѣлать трудные «переходы, переносить усталость и всякаго ро«да лишенія: какія препоны намъ бы ни встрѣ-

«тились, мы преодолѣемъ ихъ, и не вкусимъ «покоя до тѣхъ поръ, пока не водрузимъ орловъ «нашихъ, на землѣ нашихъ непріятелей.»

Повсюду видно, въ нотахъ его дипломатическимъ агентамъ, въ рѣчахъ и воззваніяхъ, что Наполеонъ всегда представлялъ себя атакованнымъ, и такъ усиливался всѣхъ въ томъ увѣрить, что одного этого было достаточно для открытія истины тѣмъ, которые привыкли читать въ его мысляхъ не то, что онъ выражалъ словами.

Къ эпохѣ выступленія Наполеона въ походъ относится одинъ случай, о которомъ я узналъ послѣ и который вывелъ на стезю фортуны человѣка, одареннаго отличными достоинствами. Императоръ, находясь еще въ Страсбургѣ спросилъ у Генерала Мареско, Начальника Инженеровъ, нѣтъ ли въ этомъ корпусѣ, обильномъ юными талантами, кого нибудь такого, которому можно бы дать важное порученіе; надобенъ былъ молодой человѣкъ храбрый, благоразумный и свѣдущій для произведенія рекогносцировки, сколь возможно далѣе. Офицеръ, котораго выбралъ Генералъ Мареско, былъ простой Инженерный Капитанъ по имени Бернаръ, воспитанникъ Политехнической школы. Молодой человѣкъ отправился съ даннымъ ему порученіемъ, между тѣмъ, какъ на него никто не обратилъ почти никакого вниманія. Онъ

доѣхалъ почти до самой Вѣны и возвратился въ Главную Квартиру Императора по сдачѣ Ульма. Бонапарте хотѣлъ самъ разспросить его, и былъ очень доволенъ его отвѣтами. Не довольствуясь словесными отвѣтами на вопросы Наполеона, молодой человѣкъ приготовилъ донесеніе о томъ что онъ замѣтилъ и по какимъ дорогамъ должно было итти; онъ, между прочимъ говорилъ, что весьма выгодно было бы двинуть армію прямо на Вѣну, миновавъ крѣпости; и что овладѣвъ Столицею Австріи, Императоръ предпишетъ законы всей Австрійской Монархіи. «Я былъ при Императорѣ,» сказалъ мнѣ Раппъ, «когда онъ разговаривалъ съ молодымъ Инженернымъ Офицеромъ. Вообрази себѣ, что прочитавъ его донесеніе, Наполеонъ ужасно разсердился:—«Какая смѣлость!» вскричалъ онъ, «простой Офицеръ позволяетъ «себѣ предписывать мнѣ планы кампаніи. Изволите итти и ожидайте моихъ приказаній.»

Въ томъ, что мною сказано и въ томъ что я имѣю еще прибавить о поприщѣ службы Капитана Бернара, Наполеонъ является весь вполнѣ. Раппъ сказывалъ мнѣ, что по выходѣ молодаго Офицера, Императоръ заговорилъ совсѣмъ иное: «Вотъ, достойный молодой человѣкъ,» сказалъ онъ, «какой у него вѣрный «взглядъ; я не хочу пускать его въ огонь; «онъ мнѣ можетъ быть впередъ понадобится;

«скажи Бертье, чтобы онъ далъ ему предписаніе «отправиться въ Иллирію.»

Предписаніе было дано и Капитанъ Бернаръ, пылкій какъ всѣ его товарищи, при началѣ кампаніи увидѣлъ себя лишеннымъ участія въ оной и счелъ наказаніемъ то, что было со стороны Императора только расчетомъ и предосторожностью, дабы сохранить себѣ молодаго человѣка, котораго онъ умѣлъ оцѣнить. По окончаніи похода когда Императоръ произвелъ Офицеровъ, наиболѣе отличившихся, имя Капитана Бернара, котораго считали въ немилости, не было помѣщено въ спискѣ Бертье между Инженерными Капитанами, которыхъ онъ представлялъ къ производству въ чинъ Баталіонныхъ Командировъ. Императоръ самъ вписалъ имя Бернара выше именъ всѣхъ прочихъ Офицеровъ. Однакожъ Императоръ долго оставлялъ его въ забвеніи, и одинъ только случай напомнилъ ему объ этомъ Офицерѣ. Я никогда не имѣлъ личныхъ сношеній съ Г. Бернаромъ, но узналъ отъ Раппа, какимъ образомъ онъ сдѣлался его товарищемъ по званію Императорскаго Адъютанта, и разскажу здѣсь это обстоятельство, хотя относящееся къ позднѣйшей эпохѣ.

Императоръ, находясь въ Парижѣ за нѣсколько времени до отбытія своего въ походъ 1812 года, пожелалъ имѣть обстоятельныя свѣдѣнія о Рагузѣ и объ Иллиріи. Онъ позвалъ Мармон-

та, котораго отвѣты не совершенно его удовлетворили; онъ спрашивалъ еще нѣсколькихъ Генераловъ, но послѣ всѣхъ этихъ разспросовъ говорилъ: «Хорошо, но не совершенно то, что «мнѣ надобно: я еще не знаю Рагузу.» Тогда онъ позвалъ къ себѣ Генерала Дежана, заступившаго мѣсто Г. Мареско, по званію Главнаго Инспектора Инженеровъ. «Нѣтъ ли между ва«шими Офицерами,» спросилъ онъ у него, «кого «нибудь, кто бы хорошо зналъ Рагузу?» Тогда Дежанъ, вспомнивъ объ одномъ Офицерѣ, сказалъ Императору: «Государь, есть одинъ Бата«ліонный Командиръ, долго остававшійся въ заб«веніи, который совершенно знаетъ Иллирію.— «Какъ его зовутъ?—Бернаромъ.—А!.... позволь«те.... Бернаръ!.... я знаю это имя. Гдѣ онъ? «—Въ Антверпенѣ, Государь, при крѣпостныхъ «работахъ.— Послать чрезъ Телеграфъ депешу, «чтобы съ полученія сего приказа онъ немед«ленно садился на лошадь и скакалъ сюда.»

Извѣстно, съ какою быстротою исполнялись приказы Императора. Черезъ нѣсколько дней Баталіонный Командиръ Бернаръ былъ въ Парижѣ у Генерала Дежана, и вскорѣ потомъ въ кабинетѣ Императора. Наполеонъ, тотчасъ узнавъ своего сочинителя плановъ кам[illegible]іи, очень хорошо его принялъ и сказалъ е[illegible] вмѣсто всякихъ вопросовъ, какъ онъ часто при мнѣ дѣлывалъ, когда ему хотѣлось узнать какія либо

подробности: «Говорите мнѣ о Рагузѣ!» Первый Консулъ сказалъ мнѣ однажды, что спрашивая такимъ образомъ, вѣрнѣе всего можно узнать то, что человѣкъ замѣтилъ наиболѣе заслуживающаго вниманія въ какомъ либо краю. Какъ бы то ни было, а онъ остался совершенно довольнымъ разсказомъ Г. Бернара объ Иллиріи и, когда Баталіонный Командиръ пересталъ говорить, то Наполеонъ сказалъ ему: «Полковникъ «Бернаръ, теперь я знаю Рагузу.» Потомъ Императоръ началъ дружески съ нимъ разговаривать; вошелъ во многія подробности на счетъ расположенія укрѣпленій въ Антверпенѣ, приказалъ подать планъ онаго, и сталъ охуждать нѣкоторыя его части, говоря какимъ образомъ, еслибъ ему пришлось осаждать его, онъ уничтожилъ бы его оборонительныя средства. Новый Полковникъ такъ хорошо объяснилъ Императору то, какъ бы онъ защищался противъ его атаки, что Бонапарте былъ имъ восхищенъ и тотчасъ удостоилъ молодаго Офицера такого знака отличія, какого сколько мнѣ извѣстно, онъ никому другому не оказывалъ. Императоръ, отправляясь предсѣдательствовать въ Государственномъ Совѣтѣ, приказалъ Полковнику Бернару ему туда сопутствовать и въ продолженіе засѣданія, нѣсколько разъ спрашивалъ его мнѣнія о предметахъ, о коихъ тамъ было разсуждаемо. Вышедъ изъ засѣданія, Наполеонъ ска-

залъ ему: «Бернаръ, вы мой Адъютантъ.» Послѣ похода онъ былъ сдѣланъ Бригаднымъ Генераломъ; потомъ вскорѣ Дивизiоннымъ Генераломъ, и теперь признанъ во всей Европѣ первымъ изъ живущихъ Инженеровъ. Глупость Кларка лишила Францiю столь отличнаго человѣка, который отказавшись отъ блистательныхъ предложенiй, сдѣланныхъ ему многими Европейскими Государями, удалился въ Соединенные Американскiе Штаты, гдѣ онъ начальствуетъ Инженерами и гдѣ построилъ къ сторонѣ Флориды укрѣпленiя, которыя Инженеры считаютъ образцовымъ произведенiемъ. Я узналъ всѣ эти обстоятельства какъ отъ Раппа, такъ и отъ другихъ, заслуживающихъ довѣрiя людей; я нахожу въ нихъ, какъ я выше сказалъ, Наполеона всего вполнѣ; въ особенности вижу я тутъ замѣчательный примѣръ того орлинаго взгляда, которымъ онъ угадывалъ достоинство вездѣ, гдѣ оное находилось и того рода инстинкта, который побуждалъ захватывать его, какъ отъ него происшедшее и долженствующее къ нему возвратиться.

ГЛАВА II.

Каждый день по побѣдѣ. — Быстрота Наполеонова похода.— Мюратъ въ Вертингенѣ.— Завоеваніе Неева Герцогства.— Французская армія предъ Ульмомъ.—Извлеченіе изъ моей переписки.— Порученіе Генерала Сегюра.—Непастная погода.—Генералъ Сегюръ у Мака.—Страшное упорство Мака и заблужденіе его на счетъ движенія Русскихъ.—Обзоръ положенія Ульма.—Жалобы Мака на Нея.—Отчаяніе и твердость Мака.—Восемь дней или смерть. — Князь Лихтенштеннъ въ главной квартирѣ Императора.—Отвергнутое предложеніе и надменность Наполеона. — Договоръ подписанный Бертье и Макомъ. — Непостижимая беспечность Вѣнскаго кабинета. — Ліонъ, обѣщанный Королю Сардинскому.—Бонапарте предъ побѣдою и послѣ оной — Плѣнные Генералы предъ Императоромъ.— Слова, сказанныя въ утѣшеніе.

Еслибъ я хотѣлъ дать понятіе о блистательной кампаніи 1805 года, то мнѣ бы слѣдовало, сдѣлавъ извлеченіе изъ всѣхъ, получаемыхъ мною въ Гамбургѣ писемъ и донесеній, нѣкоторымъ образомъ уподобиться издателямъ календарей и означить каждый день по крайней мѣрѣ одною побѣдою, или однимъ изъ тѣхъ

быстрыхъ движенiй, которыя присутствiе Наполеона производило въ его армiи и которыя столь сильно содѣйствовали, чудеснымъ успѣхомъ этой трехмѣсячной кампанiи. Въ самомъ дѣлѣ до тѣхъ поръ было неслыханною вещью быстрота первыхъ дѣйствiй Императора. 24 Сентября онъ выѣхалъ изъ Парижа, а 2 Октября началась война; 6 и 7 Французы переправились за Дунай и обошли всю непрiятельскую армiю; 8 Мюратъ въ Вертингенскомъ сраженiи на Дунаѣ взялъ въ плѣнъ двѣ тысячи Австрiйцевъ, между коими, въ числѣ прочихъ Генераловъ находился Графъ д'Ауфембергъ. На другой день разбитые Австрiйцы отступили къ Гунцбургу, предъ нашими храбрыми полчищами, которыя продолжая свой побѣдоносный путь, вошли 10 числа въ Аугсбургъ, а 12 въ Минхенъ. Получая депеши, я думалъ что читаю баснословныя повѣствованiя. Черезъ два дня по вступленiи Французовъ въ Минхенъ т. е. 14, шеститысячный Австрiйскiй корпусъ сдался въ Метингенѣ Маршалу Сульту, между тѣмъ какъ Ней завоевывалъ съ оружiемъ въ рукахъ свое Эльхингенское Герцогство. Наконецъ 17 Октября воспослѣдовала знаменитая сдача Ульма, и въ тотъ же день начались враждебныя дѣйствiя въ Италiи между Французами и Австрiйцами, изъ коихъ первые были подъ предводительствомъ Масссены, а послѣднiе Прин-

ца Карла. Я увѣренъ, что Наполеонъ очень жалѣлъ о томъ, что Принцъ сей не начальствовалъ войсками, съ которыми онъ долженъ былъ лично сразиться; ибо я часто слышалъ жалобы его на неспособность непріятельскихъ Генераловъ; искусно пользуясь ихъ ошибками, онъ иногда воображалъ себѣ, что эти ошибки вредили его славѣ, дѣлая побѣду болѣе легкою, и можетъ быть, никогда еще никто столько какъ онъ не желалъ встрѣтить достойныхъ себя непріятелей.

Въ перепискѣ моей нахожу я нѣсколько относящихся къ сдачѣ Ульма подробностей, которыя кажутся мнѣ довольно любопытными для помѣщенія оныхъ здѣсь. Во время нахожденія своего въ Аугсбургѣ, Наполеонъ познакомился съ Эпископомъ этого города, бывшимъ Курфиретомъ Тревскимъ. Почтенный прелатъ сей, считая себя обязаннымъ Императору за свое богатое эпископство, искренно къ нему привязался, и въ послѣдствіи, во всѣхъ случаяхъ, оказывалъ большую преданность къ его особѣ. Въ Аугсбургѣ Бонапарте остановился на короткое время для наблюденія движеній, которыя дѣлала Австрійская армія; потомъ онъ двинулся къ ней съ такою невѣроятною быстротою, что Эрцгерцогъ Фердинандъ счастливымъ себя счелъ успѣвъ перейти обратно за Дунай. Но всѣ прочія Австрійскія силы были

откинуты въ Ульмъ, коего гарнизонъ простирался почти до тридцати тысячъ при сдачѣ сей крѣпости, прослывшей неприступною.

Генералу Сегюру, служившему послѣ у Мюрата въ Неаполѣ, было поручено сдѣлать первый приступъ къ переговорамъ съ Макомъ, для склоненія сего Генерала къ сдачѣ. Полагаю что съ любопытствомъ прочтутъ донесеніе его по этому предмету:

«Вчера, 24 Вандеміера (16 Октября), Императоръ позвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ; онъ «приказалъ мнѣ ѣхать въ Ульмъ и склонить «Мака къ сдачѣ черезъ пять дней, а если онъ «непремѣнно потребуетъ шести дней, то дать «ему оные. Болѣе я не получилъ никакихъ на«ставленій. Ночь была темна; поднялся жесто«кій вихрь при проливномъ дождѣ; надобно «было ѣхать по проселочнымъ дорогамъ, избѣ«гая ямъ, въ которыхъ всадникъ, конь и пору«ченіе могли найти себѣ преждевременный ко«нецъ. Я доѣхалъ почти до самыхъ городскихъ «воротъ, не видавъ нашихъ передовыхъ постовъ: «часовые, объѣзды, караулы всѣ укрылись отъ «непогоды; даже артиллерійскіе парки были «оставлены; не видно было ни огней, ни звѣздъ. «Надобно было проѣздить три часа для того, «чтобы отыскать Генерала. Я проѣхалъ чрезъ «многіе деревни и безполезно разспрашивалъ «занимавшихъ оные.

«Наконецъ я отыскалъ Артиллерійскаго тру-«бача, почти утонувшаго въ грязи подъ заряд-«нымъ ящикомъ; онъ окостенѣлъ отъ холода. «Мы приблизились къ стѣнамъ Ульма. Насъ «вѣроятно ожидали, ибо на первый звукъ тру-«бы явился Офицеръ Г. Латуръ, говорящій «очень хорошо по Французски. Завязавъ мнѣ «глаза, онъ повелъ меня прямо черезъ валъ. Я «замѣтилъ моему проводнику, что въ такую «темную ночь повязка совершенно безполезна, «но онъ сослался на обычай. Дорога показалась «мнѣ очень длинною, и я завелъ разговоръ съ «моимъ спутникомъ: мнѣ хотѣлось вывѣдать, «какія войска стоятъ въ городѣ. Я спросилъ у «него, далеко ли Генералъ Макъ живетъ отъ «Эрцгерцога.» Очень близко,» отвѣчалъ мнѣ про-«водникъ мой. Изъ этого я заключилъ, что мы «загнали въ Ульмъ всю остальную Австрійскую «армію. Продолженіе разговора утвердило меня «въ этомъ заключеніи. Наконецъ мы дошли до «трактира, въ которомъ жилъ Главнокомандую-«щій. Онъ показался мнѣ высокимъ, пожилымъ, «блѣднымъ; выраженіе лица его показывало «пылкое воображеніе. Въ чертахъ его обнару-«живалось безпокойство, которое онъ тщетно «старался скрывать. Послѣ обыкновенныхъ при-«вѣтствій, я объявилъ мое имя, и потомъ при-«ступивъ къ дѣлу сказалъ, что я присланъ отъ «Императора для приглашенія его къ сдачѣ и

«для постановленія съ нимъ условій. Эти выраженія показались ему нестерпимыми и онъ «не тотчасъ согласился въ необходимости ихъ «выслушать. Я настаивалъ, замѣтивъ ему, что «будучи имъ принятъ, я долженъ предполагать, «какъ и Императоръ, что ему извѣстно его положеніе: но онъ съ живостью отвѣчалъ мнѣ, «что оно скоро перемѣнится; что Русская армія «идетъ къ нему на помощь, что она поставитъ «насъ между двухъ огней и что можетъ быть «скоро намъ придется говорить о сдачѣ. На «это я возразилъ, что въ его положеніи, не «удивительно, если онъ не знаетъ о происходящемъ въ Германіи; въ слѣдствіе чего я долженъ извѣстить его, что Маршалъ Бернадотъ «занимаетъ Ингольштадтъ и Минхенъ и что передовые отряды его стоятъ на Иннѣ, гдѣ Русскіе еще не показывались.» — Будь я . . . . . «вскричалъ съ гнѣвомъ Макъ, «если я изъ вѣрныхъ донесеній не знаю, что Русскіе въ Дахау! «Не ужели меня думаютъ этимъ обмануть? Неужели меня считаютъ ребенкомъ? Нѣтъ, господинъ Сегюръ. Если черезъ восемь дней я «не получу помощи, то согласенъ сдать крѣпость съ условіемъ, что солдаты будутъ военноплѣнными, а Офицеры въ плѣну на честное «слово. Тогда будутъ имѣть время прислать «мнѣ помощь и я исполню мою обязанность; «но я увѣренъ что меня избавятъ отъ осады.

«—Имѣю честь повторить вамъ, Господинъ Ге-
«нералъ, что не только Дахау, но и Минхенъ
«въ нашей власти: притомъ же предположивъ
«справедливымъ ваше заблужденіе, если Русскіе
«находятся въ Дахау, то дабы прійти атаковать
«насъ имъ довольно пяти дней, и Его Величест-
«во дастъ ихъ вамъ. — Нѣтъ Милостивый Госу-
«дарь, возразилъ Маршалъ, я требую осми дней.
«Не могу принять никакого другаго предложе-
«нія; мнѣ надобно восемь дней; они необходимы
«для моей отвѣтственности.—И такъ, отвѣчалъ
«я, все затрудненіе состоитъ только въ этой
«разницѣ между пятью и осмью днями! Но я не
«постигаю важности, которую Ваше Превосхо-
«дительство въ этомъ полагаете, тогда какъ Его
«Величество стоитъ предъ вами со ста тысяч-
«нымъ войскомъ, и когда корпусовъ Маршала
«Бернадота и Генерала Мармонта достаточно
«для задержанія эти три дня Русскихъ, даже и
«предположивъ ихъ тамъ, откуда они еще очень
«далеко. — Они въ Дахау, повторилъ Генералъ
«Макъ.—Положимъ, что такъ, Г. Баронъ и да-
«же хоть въ Аугсбургѣ; мы тѣмъ болѣе торо-
«пимся кончить съ вами это дѣло: и такъ не
«принуждайте насъ брать Ульмъ приступомъ;
«ибо тогда, вмѣсто пятидневнаго ожиданія,
«Императоръ вступитъ туда въ одно утро. —
«Ахъ! Генералъ,» возразилъ Главнокомандующій,
«не думайте чтобы пятнадцать тысячъ человѣкъ

«такъ легко допустили до приступа: онъ доро-«го будетъ вамъ стоить! — Нѣсколькихъ сотъ «человѣкъ,» отвѣчалъ я, «а вамъ, вашей арміи «и разрушенія Ульма, за которое Германія бу-«детъ упрекать васъ; наконецъ, всѣхъ бѣдствій «осады, которыя Его Величество желалъ бы «предупредить чрезъ предложеніе, которое онъ «поручилъ мнѣ вамъ сдѣлать. — Скажите,» воскликнулъ Маршалъ, «что это будетъ вамъ сто-«ить десяти тысячъ человѣкъ! Слава Ульма до-«вольно извѣстна. — Она состоитъ въ высотахъ, «его окружающихъ, а мы ихъ занимаемъ. — Въ «такомъ случаѣ, невозможно чтобы вы незна-«ли силу Ульма! — Безъ сомнѣнія Г. Маршалъ и «тѣмъ еще болѣе, что мы видимъ его внутрен-«ность. — Когда такъ, Милостивый Государь!» сказалъ тогда злополучный Генералъ, «то вы «видите людей, готовыхъ защищаться до по-«слѣдней крайности, если вашъ Императоръ не «дастъ имъ осми дней. Я долго здѣсь продержусь. «Въ Ульмѣ три тысячи лошадей, которыхъ мы «скорѣе съѣдимъ, чѣмъ сдадимся, и сдѣлаемъ это «съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ бы и «вы тоже самое сдѣлали, еслибъ были на на-«шемъ мѣстѣ. — Три тысячи лошадей?» возразилъ я; «ахъ! Г. Маршалъ, стало быть недоста-«токъ въ съѣстныхъ припасахъ слишкомъ уже «великъ, когда вы думаете прибѣгнуть къ та-«кому печальному средству?»

»Маршалъ началъ меня увѣрять, что у него есть съѣстныхъ припасовъ на десять дней, но я этому не повѣрилъ. Начинало разсвѣтать, а мы нисколько не подвигались впередъ. Я могъ бы дать шесть дней; но Генералъ Макъ, столь упорно настаивалъ на своихъ осми дняхъ, что я счелъ эту прибавку одного дня безполезною, и потому не упомянулъ о ней. Я всталъ, сказавъ, что мнѣ приказано возвратиться до свѣта и въ случаѣ отказа, сообщить Маршалу Нею приказъ, начать атаку. Тутъ Генералъ Макъ сталъ жаловаться на насиліе, оказанное этимъ Маршаломъ посланному имъ переговорщику, котораго онъ не хотѣлъ выслушать. Я воспользовался этимъ случаемъ, дабы хорошенько дать ему замѣтить, что дѣйствительно этотъ Маршалъ имѣетъ характеръ вспыльчивый, горячій, необузданный; что онъ начальствуетъ самымъ многочисленнымъ и наиболѣе сосредоточеннымъ корпусомъ; что онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ приказанія начать приступъ и что я долженъ былъ сообщить ему этотъ приказъ по выѣздѣ моемъ изъ Ульма. Старый Генералъ не испугался; онъ настаивалъ объ осми дняхъ, убѣждая меня представить его предложеніе Императору.

«Этотъ несчастный Генералъ готовъ подписать погибель Австріи и свою собственную; и однакожъ, въ этомъ отчаянномъ положеніи,

онъ еще не совершенно потерялся; умъ его сохранилъ свои способности; разсужденія его живы и настойчивы. Онъ защищаетъ единственную вещь, которая у него остается— время. Онъ старается замедлить паденіе Австріи, коего онъ виновникъ; онъ хочетъ дать ей нѣсколько дней для того, чтобы къ тому приготовиться; гибня самъ, онъ споритъ еще за нее. Увлеченный своимъ характеромъ, болѣе политическимъ, чѣмъ военнымъ, онъ хочетъ еще употребить хитрость противъ силы; голова его теряется въ тмѣ соображеній.

«25 числа, около девяти часовъ утра я прибылъ къ Императору въ Эльхингенское Аббатство, и отдалъ ему отчетъ о моемъ порученіи; онъ повидимому остался доволенъ; но опять потребовалъ меня къ себѣ, и какъ я нѣсколько замедлилъ, то онъ прислалъ ко мнѣ Генерала Бертье съ новыми письменными предложеніями, которыя мнѣ должно было тотчасъ отвезти для подписанія къ Генералу Маку. Императоръ давалъ Австрійскому Генералу восемь дней, но считая съ 23 числа, перваго дня блокады; что дѣйствительно ограничивало срокъ тѣми же шестью днями, которыя я могъ сначала предложить, чего я не хотѣлъ сдѣлать.

«Однакоже, въ случаѣ упорнаго отказа, я былъ уполномоченъ предоставить ему счетъ

этихъ осми дней съ 25 числа и Императоръ все еще выигрывалъ одинъ день черезъ эту уступку. Онъ желалъ поскорѣе вступить въ Ульмъ для того, чтобы увеличить славу своей побѣды ея быстротою, чтобы дойти до Вѣны прежде чѣмъ она опомнится отъ своего изумленія и прежде чѣмъ Русская армія приметъ какія либо мѣры, а наконецъ потому, что у насъ начиналъ оказываться недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ.

«Дежурный Генералъ, Маршалъ Бертье предупредилъ меня, что онъ приблизится къ городу и что по утвержденіи условій, онъ очень будетъ радъ, если я открою ему туда входъ.

«Я былъ впущенъ въ Ульмъ около полудня опять съ тѣми же предосторожностями; но на этотъ разъ я нашелъ Генерала Мака у самыхъ городскихъ воротъ. Я вручилъ ему окончательныя предложенія Императора, онъ пошелъ совѣтоваться со многими Генералами, между коими я кажется замѣтилъ Князя Лихтенштейна и Генераловъ Кленау и Гіулая. Черезъ четверть часа онъ опять воротился спорить со мною на счетъ числа. По недоразумѣнію онъ вообразилъ что получаетъ восемь дней начиная съ 25 числа. Тогда со страннымъ упоеніемъ радости: Господинъ Сегюръ! любезный господинъ Сегюръ!» воскликнулъ онъ, «я надѣялся «на великодушіе Императора: я не ошибся....

«Скажите Маршалу Бертье, что я его почи-«таю.... Скажите Императору, что я не имѣю «болѣе сдѣлать нималѣйшаго возраженiя; что «я подпишу все что вы мнѣ привезли....,. Но «скажите Его Величеству, что Генералъ Ней «очень жестоко поступилъ со мною.....; что «не такимъ образомъ ведутъ переговоры..... «Повторите Императору, что я надѣялся на его «великодушiе.....» Потомъ съ усиливающимъ сердечнымъ излiянiемъ: «Господинъ Сегюръ, «я очень цѣню ваше уваженiе и мнѣнiе, кото-«рое вы будете имѣть обо мнѣ: я покажу вамъ «бумагу, мною подписанную; ибо я уже преж-«де рѣшился.» При этихъ словахъ онъ развернулъ листъ бумаги, на которомъ я прочиталъ сiи слова: *Восемь дней или смерть!* подписано *Макъ*.

Князь Морицъ Лихтенштейнъ также былъ присланъ переговорщикомъ въ главную квартиру, гдѣ по обычаю, его повезли верхомъ и съ завязанными глазами. Раппъ послѣ разсказывалъ мнѣ объ этомъ свиданiи, на которомъ онъ находился при Наполеонѣ со многими другими его Адъютантами. Кажется что и Бертье былъ притомъ. «Представь себѣ,» сказалъ мнѣ Раппъ, «удивленiе, или лучше сказать смущенiе бѣднаго Князя, когда ему развязали глаза: онъ совершенно ничего не зналъ, и даже не подозрѣвалъ того, что Императоръ

прибылъ уже къ арміи. Узнавъ, что находится въ присутствіи Наполеона, онъ не могъ преодолѣть своего изумленія, которое не укрылось отъ Императора и откровенно признался, что Генералъ Макъ и не подозрѣваетъ присутствія его подъ стѣнами Ульма. Князь Лихтенштейнъ предложилъ сдачу сей крѣпости, съ тѣмъ условіемъ, чтобы гарнизону оной было дозволено возвратиться въ Австрію. Это предложеніе, прибавилъ Раппъ, сдѣланное въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находился, заставило Императора улыбнуться: «Вы не подумали объ этомъ,» сказалъ онъ ему; «я не имѣю никакихъ при«чинъ исполнить ваше требованіе, что я чрезъ «это выиграю: восемь дней? Черезъ восемь дней «вы будете моими безъ всякихъ условій. Развѣ «вы полагаете, что мнѣ ничего неизвѣстно? . . . . . «Вы ждете Русскихъ? . . . Они много что въ Бо«геміи. Если я васъ выпущу, то кто меня увѣ«ритъ, что вы не присоединитесь къ нимъ для «того, чтобы драться потомъ со мною? Ваши «Генералы уже довольно часто меня обманыва«ли, и я не хочу больше быть ихъ игрушкою. «При Маренго я имѣлъ слабость выпустить изъ «Александріи войска Меласа; онъ обѣщалъ дого«вариваться о мирѣ, и чтоже вышло? черезъ «два мѣсяца послѣ того Моро пришлось сра«жаться съ Александрійскимъ гарнизономъ. При«томъ же эта война не есть война обыкновен-

«ная. Послѣ поведенія вашего Правительства, я «не обязанъ оказывать никакой пощады; я не «имѣю нималѣйшей вѣры къ его обѣщаніямъ. «Вы меня атаковали. Еслибъ я согласился на то, «чего вы требуете, то знаю, что Макъ далъ бы «обязательство; но даже и предположивъ его «искреннимъ, властенъ ли онъ былъ бы сдер«жать свое слово? что касается до него самого, «такъ; но для его арміи, нѣтъ. Еслибъ еще Эрц«герцогъ Фердинандъ былъ съ вами, то я бы «могъ положиться на его слово, потому что на «немъ лежала бы отвѣтственность за условія, и «потому что онъ не захотѣлъ бы себя обез«честить; но я знаю, что онъ вышелъ изъ «Ульма и переправился чрезъ Дунай; однакожъ «я его догоню.»

«Ты не можешь себѣ представить, продолжалъ Раппъ, замѣшательство Князя Лихтенштейна, едва опомнившагося отъ своего изумленія, пока Императоръ ему говорилъ. Однакожъ онъ нѣсколько оправился и сталъ увѣрять, что безъ условій, которыя ему поручено предложить, крѣпость не сдается.» Въ такомъ случаѣ, сказалъ ему Наполеонъ, «вы можете воротить«ся къ Маку, ибо я никогда не предоставлю «ему такихъ условій. Шутятъ со мною что ли? «Вотъ вамъ Меммингенская Капитуляція; пока«жите ее вашему Генералу; пусть онъ сдастся «на тѣхъ же условіяхъ: я не требую другихъ.

«Одни только ваши Офицеры возвратятся въ «Австрію; но солдаты останутся военноплѣнны- «ми. Скажите ему чтобы онъ поторопился, ибо «мнѣ нѣкогда терять время. Чѣмъ дольше онъ «станетъ медлить, тѣмъ будетъ хуже для него, «и для васъ. Завтра придетъ сюда корпусъ, ко- «торому сдался Меммингенъ, и мы посмотримъ. «Да будетъ извѣстно Маку, что ему нечего «больше дѣлать, какъ повиноваться моей волѣ.»

Этотъ повелительный тонъ, который Бонапарте употреблялъ со своими непріятелями, почти всегда ему удавался и произвелъ на Мака свое обыкновенное дѣйствіе. Въ тотъ же самый день, въ который Князь Лихтенштейнъ пріѣзжалъ въ главную квартиру, Макъ написалъ къ нему, что со всякимъ другимъ онъ не сталъ бы договариваться на такихъ условіяхъ, но что онъ уступаетъ силѣ его фортуны, и на другой день Бертье былъ посланъ въ Ульмъ, откуда онъ возвратился съ подписанными условіями; и такъ Наполеонъ не ошибся въ томъ, что Австрійская армія найдетъ себѣ въ Ульмѣ погибель. Ульмскій гарнизонъ вышелъ съ такъ называемыми воинскими почестями и былъ отведенъ военноплѣннымъ во Францію. Я уже имѣлъ случай замѣтить, что изъ всѣхъ войскъ, съ которыми Наполеонъ сражался въ продолженіе своего воинскаго поприща, Австрійскія скорѣе прочихъ сдавались военноплѣнными.

Какую перемѣну пятнадцати-дневныя успѣхи, увѣнчанные взятіемъ Ульма, произвели въ дѣлахъ! Я узналъ въ Гамбургѣ, чрезъ моихъ агентовъ, до какой степени безумія достигали надежды непріятелей Наполеона, прежде чѣмъ онъ выступилъ въ походъ. Беспечность Вѣнскаго Кабинета была истинно непостижима; въ немъ не только не страшились этой цѣпи побѣдъ, которая сдѣлала Бонапарте властелиномъ всей Австрійской Монархіи; но сообщники Драка и другіе подобные ему производители козней считали Францію какъ бы завоеванною уже землею, располагали нѣкоторыми изъ областей ея, и въ припадкахъ своего съумасшествія, — котораго я привожу одну только черту — обѣщали городъ Ліонъ Королю Сардинскому, въ вознагражденіе за временное отнятіе у него Піемонта.

Наполеонъ, который такъ сильно раздражался при препятствіяхъ и такъ высокомѣрно поступалъ со всякимъ, дерзавшимъ противиться его непреклонной волѣ, — былъ совсѣмъ не тотъ человѣкъ, когда, одержавъ побѣду, онъ допускалъ къ себѣ побѣжденныхъ Генераловъ. Онъ утѣшалъ ихъ о понесенномъ ими несчастіи и могу увѣрить, что утѣшенія его не были дѣйствіемъ гордости, скрытой подъ завѣсою притворнаго великодушія. Извлекая пользу изъ ихъ пораженія, онъ искренно жалѣлъ о нихъ; сколько разъ говаривалъ онъ мнѣ: «Какъ Гене-

«ралъ долженъ быть несчастливъ на другой «день послѣ потери сраженія.» Онъ самъ испыталъ это несчастіе тогда, какъ былъ принужденъ снять осаду Сен-Жанъ д'Акры. Въ эту минуту, мнѣ кажется, онъ былъ бы готовъ задушить Джеззара; но еслибъ Джеззаръ сдался, то онъ оказалъ бы ему тѣ же отличія, какъ Маку и другимъ Генераламъ Ульмскаго гарнизона; когда они предъ него предстали, то я увѣренъ, что онъ соболѣзновалъ о ихъ огорченіи. Этихъ Генераловъ было семнадцать, между коими замѣчались: тотъ самый Князь Лихтенштейнъ, который наканунѣ изумился увидѣвъ Императора; Генералъ Кленау и Баронъ Гіулай, пріобрѣтшіе довольно значительную славу въ прошедшихъ войнахъ; наконецъ Генералъ Френель, коего положеніе было щекотливѣе положенія товарищей его бѣдствія, ибо онъ былъ Французъ и эмигрантъ.

«На этихъ Генераловъ,» сказалъ мнѣ Рапп, «точно жалко было смотрѣть; они почтительно «поклонились Императору, имѣя впереди Мака. «Они хранили печальное молчаніе и Наполеонъ «самъ заговорилъ съ ними: Господа,» сказалъ онъ имъ, «я жалѣю что такіе храбрые люди «какъ вы, сдѣлались жертвою безразсудства ка«бинета, который питаетъ нелѣпые замыслы и «не боится помрачить достоинство Австрійской «Державы, торгуя службою своихъ Генераловъ.

«Ваши имена мнѣ извѣстны; они пріобрѣли «себѣ честь вездѣ, гдѣ вы сражались. Разсмотрите поведеніе тѣхъ, которые довели васъ до «этой бѣды. Можетъ ли что нибудь быть несправеднѣе, какъ придти, безъ объявленія войны, схватить меня за горло? Не значитъ ли «сдѣлаться виновными предъ народами, привлекши къ нимъ вторженіе иноземцевъ? Не значитъ «ли измѣнять цѣлой Европѣ, призывая къ себѣ «въ участники Азіятскія полчища? По правиламъ «благоразумной политики, Австріи слѣдовало «бы искать моего союза для того, чтобы откинуть Русскихъ къ Сѣверу. Этотъ союзъ вашего кабинета будетъ вѣчно казаться ужасною «вещью въ исторіи; это союзъ пастуховъ, собакъ и волковъ противъ овецъ; такое соображеніе не могло выйти изъ головы Государственнаго человѣка. Счастіе ваше, что я не палъ «въ неправедной борьбѣ, на которую меня вызвали; а то бы Вѣнскій Кабинетъ скоро увидѣлъ свою ошибку и можетъ быть, что онъ «когда нибудь еще дорого за нее заплатитъ.»

ГЛАВА III.

Снисходительность къ плѣннымъ Офицерамъ.—Воззваніе Императора къ его солдатамъ.—Важныя послѣдствія пятнадцатидневнаго похода.—Военное краснорѣчіе Наполеона.—Французскіе и Русскіе солдаты. — Конецъ свѣта, и преувеличенья.— Десять тысячъ плѣнныхъ, взятыхъ Мюратомъ.— Битва при Кальдіеро въ Италіи. — Письмо Дюрока.— Францискъ I-й отмщенъ Наполеономъ. — Дѣло Маркграфствъ.—Безполезныя попытки замедлить походъ Императора и Г. Гіулай.—Первые Французскіе орлы, взятые Русскими.—Досада Наполеона.—Вѣнскій мостъ.— Счастливая отвага Ланна и Мюрата.— Взятіе Вѣны хитростью.— Разсказъ Ланна, его храбрость и веселость.— Вліяніе подвига Ланна и Мюрата на слѣдствія Аустерлицкой кампаніи.—Посылка Савари къ Императору Александру.—Основательныя разсужденія Александра.

Оказывая снисходительность самолюбію своихъ плѣнниковъ на счетъ ихъ Правительства, Наполеонъ въ тоже время желалъ изъявить арміи свою живѣйшую признательность и для

сего издалъ достопримѣчательное воззваніе, въ которомъ находится какъ бы перечень всего происшедшаго съ открытія кампаніи. Вотъ оно:

«Солдаты Большой Арміи,

«Въ пятнадцать дней мы кончили кампанію. «То что мы предполагали сдѣлать, исполнено: «мы выгнали изъ Баваріи Австрійскія войска, и «возстановили нашу союзницу во владѣніи ея «землями.

«Эта армія, которая съ такимъ же хвастов«ствомъ, какъ и неблагоразуміемъ вздумала по«дойти къ границамъ нашимъ, уничтожена.

«Но что до этого нужды Англіи! цѣль ея «выполнена: мы уже болѣе не въ Булони, и «обѣщанная ею вспомогательная сумма чрезъ «это не увеличится и не уменьшится.

«Изо ста тысячъ, составлявшихъ эту армію, «шестьдесятъ тысячъ взято нами въ плѣнъ: они «пойдутъ замѣнить нашихъ конскриптовъ въ «сельскихъ работахъ.

«Двѣсти пушекъ, весь паркъ, девяносто зна«менъ и всѣ Генералы въ нашей власти. Изъ «этой арміи не ушло и пятнадцати тысячъ че«ловѣкъ.

«Солдаты, я возвѣстилъ вамъ большую би«тву; но благодаря дурнымъ соображеніямъ не«пріятеля, дѣло обошлось безъ оной, между «тѣмъ какъ мы пріобрѣли тѣ же выгоды; и, «что безпримѣрно въ исторіи, пріобрѣтеніе

«этихъ выгодъ не стоило намъ и пятнадцати «тысячъ человѣкъ, выбывшими изъ строя.

«Солдаты! вы пріобрѣли этотъ успѣхъ не«ограниченною вашею довѣренностью къ ва«шему Императору, вашимъ терпѣніемъ при «перенесеніи усталостей и всякаго рода лише«ній и вашею рѣдкою храбростью.

«Но мы на этомъ не остановимся. Вы съ «нетерпѣніемъ желаете начать вторую кампа«нію. Мы подвергнемъ тому же жребію эту «Русскую армію, которая въ слѣдствіе проис«ковъ Англіи пришла *съ конца свѣта.*

«Съ этою битвою въ особенности связана «честь Французской пѣхоты; тамъ-то вторично «рѣшится вопросъ, который былъ уже рѣшенъ «въ Швейцаріи и въ Голландіи, вопросъ о томъ «первое или второе мѣсто въ Европѣ должна «занимать Французская пѣхота.

«Тамъ нѣтъ такихъ Генераловъ, противъ ко«торыхъ я бы могъ пріобрѣсть сію славу. Всѣ «мои старанія ограничатся тѣмъ, чтобы полу«чить побѣду съ наименьшимъ пролитіемъ кро«ви: мои солдаты мнѣ дѣти.»

Это воззваніе всегда казалось мнѣ образцемъ военнаго краснорѣчія; Наполеонъ хваля солдатъ своихъ, съ тѣмъ вмѣстѣ возбуждалъ въ нихъ самолюбіе, представляя имъ Русскихъ способными оспорить у нихъ первенство между солдатами Европы, и въ заключеніе называлъ ихъ

своими дѣтьми. Надобно было видѣть самому необычайный восторгъ, производимый словами Наполеона на его войска для того, чтобы вообразить себѣ оный.

Между тѣмъ вторая кампанія, которую они, по словамъ Наполеона горѣли желаніемъ начать, не замедлилась: и враждебныя дѣйствія производились на всѣхъ точкахъ съ тѣмъ восторгомъ и ревностью, которыя одушевляли арміи. Богъ знаетъ также какія нелѣпыя сказки сочиняли о Русскихъ, которыхъ Бонапарте высокопарно приводилъ *съ конца свѣта*: они были полунагіе дикіе, грабившіе и сожигавшіе все; они убивали и ѣли дѣтей, и такъ далѣе. Въ эту же эпоху придумано столь прославившееся въ послѣдствіи названіе сѣверныхъ варваровъ. Какъ бы то ни было, а черезъ два дня послѣ сдачи Ульма, Мюратъ также принудилъ къ сдачѣ Генерала Вирнека, запертаго въ крѣпости Трохтельфингенѣ и взялъ у него десять тысячъ плѣнныхъ такъ что, не считая убитыхъ и раненыхъ, Австрійская армія уменьшилась уже болѣе чѣмъ пятидесятью тысячами послѣ двадцатидневнаго похода. 27 Октября Французская армія перешла чрезъ Иннъ и, вступивъ на Австрійскія земли, немедленно овладѣла Зальцбургомъ и Бранау. Во всѣхъ, доходившихъ ко мнѣ изъ арміи извѣстіяхъ, говорили о невѣроятномъ восторгѣ, одушевлявшемъ вой-

ска и о производимыхъ имя вездѣ чудесахъ. Италіянская армія, подъ предводительствомъ Массены, также пріобрѣтала большія выгоды. Въ то самое время, какъ Большая Армія овладѣла упомянутыми мною двумя крѣпостями, Италіянская армія, перешедъ чрезъ Адижъ, вступила при Кальдіеро въ кровавый бой и взяла у Австрійцевъ пять тысячъ плѣнныхъ.

Безъ преувеличенья можно сказать, что въ этой знаменитой кампаніи, которую привыкли называть Аустерлицкою, подвиги нашихъ войскъ свершались быстрѣе самой мысли. Каждый, получаемый мною курьеръ привозилъ мнѣ извѣстія, еще болѣе благопріятныя, чѣмъ какихъ я надѣялся. Хотя уже я зналъ о занятіи Линца и о смѣломъ движеніи Нея на Инспрукъ, что дѣлало насъ повелителями Тироля, а признаюсь, что я столько же удивился, какъ и обрадовался, получивъ съ нарочнымъ письмо отъ Дюрока, который вкратцѣ сообщалъ мнѣ: «Мы «въ Вѣнѣ; Императоръ здоровъ, и въ наилуч«шемъ расположеніи духа; онъ очень доволенъ «услугами, которыя ты оказываешь ему въ «Гамбургѣ, а также и порученіемъ, съ кото«рымъ я ѣздилъ въ Берлинъ, хотя тебѣ из«вѣстно, что я ни въ чемъ не могъ успѣть; но «онъ не сомнѣвается въ моемъ усердіи. Онъ «ждалъ меня съ нетерпѣніемъ, и я донесъ ему «обо всѣхъ увертках, которыхъ я былъ сви-

«дѣтелемъ. Старайся по возможности узнавать о происходящемъ въ Пруссіи и извѣщай меня.»

Письмо Дюрока было отъ 13 Октября и слова: *мы въ Вѣнѣ*, показались мнѣ сномъ. Столица Австріи, этотъ городъ, съ незапамятныхъ временъ не бывшій занятъ иноземцами; этотъ городъ, спасенный Собіескимъ отъ храбрости Оттомановъ, сдѣлался добычею Императорскаго Французскаго Орла, который симъ отмстилъ чрезъ три вѣка, и послѣ сорокадневной кампаніи, за уничиженіе причиненное нѣкогда Франциску I Карломъ V (*).

Дюрокъ разстался съ Наполеономъ прежде снятія Булонскаго лагеря; по окончаніи порученія своего въ Берлинѣ онъ прибылъ къ Императору въ Линцъ. Дюрокъ очень образовался въ дипломатіи со времени первой своей порученности въ началѣ Консульства; порученность, которая, какъ читатели вспомнятъ, состояла въ томъ, чтобы искусно разсказать Королю Прусскому о главныхъ событіяхъ Египетскаго похода. Если послѣднее его порученіе и не имѣло успѣха, то онъ по крайней мѣрѣ могъ замѣтить, что не смотря на наклонность Берлинс-

(*) Наполеонъ, сдѣлавшись Императоромъ объявилъ, что къ нему относятся всѣ оскорбленія, нанесенныя Королямъ, которыхъ онъ называлъ своими предшественниками. Все, составлявшее Францію, было для него священно, и въ послѣдствіи увидятъ съ какою радостью онъ и похитилъ Росбахскую колонну съ земли Прусской.

каго кабинета присоединиться къ Австріи и къ Россіи, въ немъ царствовала еще какая то нерѣшимость, препятствовавшая ему объявить свои намѣренія, въ случаѣ если успѣхъ окажется на сторонѣ Наполеона; но по сдачѣ Ульма, Бонапарте успокоился на счетъ Берлина. Въ Линцѣ же посѣтилъ Императора Курфирстъ Баварскій, который не возвращался еще въ свою столицу, тогда какъ Бонапарте туда прибылъ. Пруссія, какъ видѣли, изъявила сильное неудовольствіе за нарушеніе поземельныхъ правъ Маркграфствъ Барейтскаго и Анспахскаго, но это дѣло устроилось потому, что Король Прусскій не посмѣлъ рѣшиться; думали было что онъ возстанетъ противъ Французовъ, и Г. Делафоре сообщилъ уже о томъ Императору; но Наполеонъ, какъ сказано, успокоился чрезъ одержанный имъ успѣхъ. Пруссія не тронулась съ мѣста и какъ ниже увидятъ, дорого заплатила за свои колебанія.

Прежде чѣмъ займусь страннымъ порученіемъ Г-на Гаугвица къ Императоту Наполеону и послѣдствіями этого порученія, которое обстоятельства сдѣлали совершенно противнымъ первоначальной его цѣли, я долженъ разсказать то, что я узналъ о другихъ переговорахъ, заведенныхъ съ Наполеономъ Австріею съ цѣлью замедлить ходъ его, слишкомъ очевидною, дабы онъ могъ даться въ обманъ. Г. Гіулай,

одинъ изъ Генераловъ, находившихся при сдачѣ Ульма, отправился къ своему Императору для донесенія ему объ этомъ бѣдственномъ событіи. Онъ не скрылъ отъ Императора Франциска и отъ Вѣнскаго кабинета уничтоженіе Австрійской арміи и невозможность остановить быстрый ходъ Французскихъ войскъ. Въ слѣдствіе этого донесенія, Генералъ Гіулай былъ посланъ переговорщикомъ въ Главную Квартиру Наполеона для увѣренія его въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ его Государя и для испрошенія перемирія. Сѣти были слишкомъ очевидны для того, чтобы столь прозорливый человѣкъ, какъ Наполеонъ, тотчасъ ихъ не увидѣлъ. Бонапарте, всегда желавшій внушать мысль о искренней его любви къ миру, хотя онъ и восхищался при одной мысли продолжать войну, столь хорошо начатую и разбить Русскихъ,— поручилъ Генералу Гіулаю увѣрить Императора, что онъ не менѣе его желаетъ мира и что готовъ договариваться объ ономъ; но не прерывая для сего военныхъ дѣйствій. Бонапарте точно не могъ, безъ неблагоразумія, ему несвойственнаго, согласиться на перемиріе, ибо Г. Гіулай, уполномоченный отъ Австріи, не былъ уполномоченъ Россіею, которая могла не признать перемирія и подоспѣть во время для защиты Вѣны, коей занятіе долженствовало быть столь важно для Французской арміи. Русскіе дѣйст-

вительно шли на встрѣчу къ нашимъ войскамъ, и корпусъ нашей арміи, состоящій подъ начальствомъ Маршала Мортье на лѣвомъ берегу Дуная, при первой встрѣчѣ съ ними даже подвергся урону, который очень разсердилъ Императора. Первый разъ еще въ эту кампанію фортуна показала ему сопротивленіе, правда что весьма незначительное; но взятіе Русскими трехъ орловъ причинило ему сильную досаду и заставило его пробыть въ Сен-Польтенѣ гдѣ онъ тогда находился, нѣсколько дней долѣе, чѣмъ онъ полагалъ

Взятіемъ Вѣны мы были обязаны счастливой отвагѣ двухъ человѣкъ, нисколько неуступавшихъ другъ другу въ храбрости и смѣлости, Мюрату и Ланну. Въ то время много толковали объ отважной хитрости этихъ двухъ Маршаловъ, которые воспрепятствовали неминуемому разрушенію Вѣнскаго моста, называемаго Таборскимъ, безъ коего армія не могла бы проникнуть въ столицу Австріи иначе, какъ съ наивеличайшими трудностями, ибо Вѣна тогда была бы защищена Дунаемъ. Вотъ какимъ образомъ это дѣло, исполненное мужества и присутствія духа и имѣвшее столь большое вліяніе на послѣдствія кампаніи, было мнѣ послѣ пересказано Ланномъ, который говорилъ о немъ весело, вовсе себя не выставляя и скорѣе какъ о шуткѣ, сыгранной имъ съ Австрійцами, чѣмъ

какъ о блистательномъ подвигѣ. Предпрiятiя самыя отважныя, казались ему столь простыми, столь естественными, что часто одинъ только онъ не видѣлъ въ нихъ ничего необыкновеннаго. Какiе люди сдѣлались жертвами Наполеонова честолюбiя!

И такъ Ланнъ сказалъ мнѣ однажды, кажется, что это было во время Прусской кампанiи: «Вообрази себѣ, что прогуливаясь одинъ разъ съ Мюратомъ по правому берегу Дуная, гдѣ стояли наши войска и дошедъ до оконечности Таборскаго моста, мы увидѣли, что на лѣвомъ берегу, занятомъ Австрiйцами, производятъ работы съ очевидною цѣлью взорвать мостъ на воздухъ при подходѣ нашихъ войскъ. Эти бездѣльники вздумали работать у насъ подъ носомъ; но мы славно ихъ проучили. Согласясь и условясь хорошенько въ нашемъ планѣ, мы воротились для того, чтобы отдать приказанiя, и я ввѣрилъ начальство надъ моею Гренадерскою колонною Офицеру, котораго я зналъ храбрость и смѣтливость. Сдѣлавъ всѣ распоряженiя, я воротился къ мосту съ Мюратомъ и еще съ двумя или съ тремя Офицерами. Мы потихоньку подвигались впередъ съ такимъ спокойствiемъ что насъ приняли за простыхъ Офицеровъ. Мы вступили въ разговоръ съ начальникомъ поста, находившагося посреди моста и старались непримѣтнымъ образомъ

поддержать въ немъ мысль о скоромъ заключеніи перемирія (*). Продолжая разговаривать съ Австрійскими Офицерами, мы обратили ихъ вниманіе на лѣвый берегъ, и когда они туда засмотрѣлись, то колонна моихъ гренадеръ вступила на мостъ. Австрійскіе артиллерійсты, видя своихъ Офицеровъ посреди насъ, не посмѣли стрѣлять; а моя колонна быстро двинулась впередъ; мы съ Мюратомъ шли предъ оною и такимъ образомъ достигли лѣваго берега. Всѣ снаряды, приготовленные для взорванія моста, были побросаны въ рѣку; и люди мои овладѣли защищавшими мостъ батареями. Наконецъ, бѣдные Австрійскіе Офицеры совершенно ошеломѣли, когда я сказалъ имъ, что они наши плѣнники.»

Такъ, если память моя меня не обманываетъ, пересказывалъ мнѣ это дѣло Ланнъ, который отъ чистаго сердца смѣялся, говоря мнѣ о томъ, какъ смутились Австрійскіе Офицеры, когда они замѣтили сдѣланную ими глупость. Ланнъ вовсе не думалъ о важности своего предпріятія въ ту минуту, какъ онъ его исполнилъ, но оная въ скоромъ времени обнаружилась. Онъ не только обеспечилъ Французской арміи вѣр-

(*) Въ Вѣнѣ тѣмъ болѣе вѣрили заключенію перемирія, что видѣли Барона Гіулая, проѣхавшаго въ главную квартиру Императора и что онъ оттуда еще не возвращался въ то время, какъ Ланнъ и Мюратъ сдѣлали свою, столь же удачную какъ и дерзкую попытку.

ный и легкій способъ вступленія въ Вѣну; но поставилъ, и самъ того не зная, непреодолимую преграду присоединенію къ Русской арміи Австрійскаго корпуса, которымъ предводительствовалъ Эрцгерцогъ Карлъ и который Принцъ сей, тѣснимый Массеною, велъ съ наивеличайшею поспѣшностью въ сердцѣ наслѣдственныхъ владѣній, гдѣ онъ предвидѣлъ, что должна произойти большая битва. Принцъ Карлъ, мимоходомъ сказать, находился весьма въ непріятномъ положеніи; принужденный принять участіе въ войнѣ, явно имъ неодобряемой, онъ получилъ себѣ подъ начальство только второстепенный корпусъ, коему было предназначено наблюдать Италію; послѣдствія войны могли повредить его славѣ, справедливо имъ пріобрѣтенной: этого не случилось, потому что ему не пришлось бороться съ самимъ Наполеономъ, но съ тѣхъ поръ онъ отказался отъ принятія начальства въ Австрійской арміи.

Какъ только корпуса Мюрата и Ланна овладѣли Вѣною, то Императоръ приказалъ всѣмъ дивизіямъ арміи двинуться къ этой столицѣ, которая сдѣлалась какъ бы столицею Французской арміи, а Императоръ, какъ будто бы живя въ Сен-Клу, учредилъ свою Главную Квартиру въ Шёнбруннѣ, предписывая оттуда движенія, которыя еще слѣдовало выполнить, какъ для того, чтобы принудить корпусъ Принца

Карла къ отступленію въ Венгрію, такъ и для посылки арміи на встрѣчу Русскимъ. Оставивъ въ Вѣнѣ и въ окрестностяхъ только четыре дивизіи, подъ начальствомъ Маршала Мортье и Генерала Мармонта, онъ двинулся по Знаимской дорогѣ, гдѣ, по полученнымъ Императоромъ донесеніямъ, сосредоточивались главныя силы Русской арміи; но какъ эта армія сдѣлала движеніе къ Бруину, то Наполеонъ, узнавъ о томъ, также направилъ путь въ эту сторону.

Мюратъ и Ланнъ постоянно начальствовали авангардомъ при этихъ ускоренныхъ и, такъ сказать чудесныхъ, маршахъ; высокая прозорливость казалось возрасла еще при распоряженіяхъ, предшествовавшихъ Аустерлицкой битвѣ; достовѣрно, и многіе бывшіе очевидцами Офицеры меня увѣряли, что онъ заблаговременно назначилъ мѣсто, куда ему хотѣлось завести Русскихъ, и что онъ приказалъ своимъ Генераламъ внимательнѣе разсмотрѣть всѣ извилины почвы увѣряя ихъ, что имъ придется тутъ дѣйствовать.

Однакоже, дабы лучше увѣрить всѣхъ въ желаніи своемъ заключить миръ, какъ только ему будутъ предложены разсудительныя условія, Наполеонъ взялъ съ собою своего Министра Внѣшнихъ Сношеній, который расположился въ Вѣнѣ съ Французскою канцеляріею. Кларкъ былъ назначенъ Генералъ-Губернато-

ромъ этого города. Императоръ, прежде чѣмъ начать сражаться, далъ Генералу Савари порученіе къ Императору Александру; это порученіе было мнѣ извѣстно еще въ то время, какъ обстоятельство, котораго я не могъ не знать въ моемъ тогдашнемъ положеніи; но обстоятельныя подробности онаго узналъ я только изъ разсказа объ ономъ Герцога Ровиго въ его защитительныхъ запискахъ. Какъ онъ ни старается увѣрить въ искренности Наполеона при его миролюбивыхъ предложеніяхъ, а самыя обстоятельства, на коихъ онъ основываетъ свои заключенія, при ближайшемъ разсмотрѣніи оныхъ, приводятъ къ заключеніямъ, совершенно противнымъ. Наполеонъ хотѣлъ предписать свои условія тогда, какъ развязка битвы могла еще казаться сомнительною Россійскому Императору, и эти условія были таковы, какія онъ могъ предписать по одержаніи уже побѣды нашими орлами. Ясно, что предлагая всегда то, на что, какъ онъ зналъ, нельзя было согласиться, онъ придавалъ себѣ видъ миротворца, доставляя себѣ удовольствіе войны. Герцогъ Ровиго невольно доказываетъ справедливость моего заключенія, приводя слѣдующія слова Императора Александра: «Должно быть, что предложенія, дѣлаемыя мнѣ вашимъ Государемъ согласуются съ чувствами, которыя внушили ему прислать васъ ко мнѣ. Это дѣлаетъ величай-

шую честь его умѣренности; но значитъ ли желать мира, предлагая оный на такихъ гибельныхъ для Государства условіяхъ, какія предложены Императору Франциску?»

Императоръ Александръ равномѣрію не ошибался и тогда, какъ на сдѣланное Герцогомъ Ровиго замѣчаніе, что весьма естественно стараться уменьшить могущество своего непріятеля, онъ отвѣтствовалъ: «Это то расположеніе уменьшать могущество своихъ сосѣдовъ, увеличивая свое собственное, и вовлекаетъ его въ безпрестанныя войны. Ваше Государство безъ того уже столь сильно само собою, соединеніемъ своимъ подъ одними законами, единообразіемъ обычаевъ и языка, что оно естественнымъ образомъ внушаетъ страхъ. За чѣмъ вамъ стараться безпрестанно увеличиваться?»

Не правъ ли былъ Государь, такимъ образомъ изъяснявшійся? и чтобы подумали о немъ, еслибъ для избѣжанія битвы, которую была надежда выиграть, онъ заключилъ отдѣльный договоръ, покинувъ свою союзницу, и предоставилъ Австрію на произволъ взыскательнаго побѣдителя?

ГЛАВА IV.

Обязанности мои въ Гамбургѣ.— Король Шведскій въ Стральзундѣ.—Бюлетень мой о позиціи Русскихъ армій.— Высадка Англичанъ на Эльбѣ и Везерѣ. — Причина того, что Императоръ доволенъ моею службою.—Дюрокъ въ Берлинѣ.—Дюмурье и Сен-Мартенъ. — Наборъ войскъ Англичанами въ Гановрѣ.—Анекдотъ, разсказанный Раппомъ.—Дочь Г. Марбёжа.—Измѣна Короля Неаполитанскаго.—Аустерлицкое солнце.—Князь Долгорукій и Монмартрскія высоты.—Разсказъ Раппа объ Аустерлицкомъ сраженіи.—Смерть Полковника Морланда.—Раппъ подъ Аустерлицемъ и Келлерманъ при Маренго.—Раненый Раппъ и картина Жерарда.

Я уже сообщилъ часть того, что мнѣ было извѣстно о событіяхъ, происшедшихъ на театрѣ войны предъ Аустерлицскимъ сраженіемъ. Теперь я разскажу, что я дѣлалъ въ Гамбургѣ, для содѣйствія успѣхамъ Французской арміи, по смыслу данныхъ мнѣ наставленій; а потомъ опишу то, что я могъ узнать объ этомъ достопа-

мятномъ событіи и о Пресбургскомъ трактатѣ, который перемѣнилъ политическую форму Европы, создавъ новыя Королевства.

Я послалъ агента на встрѣчу Русскимъ войскамъ, которыя шли ускоренными маршами по берегамъ Эльбы. Агентъ сей написалъ мнѣ изъ Гадбуша, что Русская колонна, слѣдуя по Виженбургской дорогѣ перейдетъ чрезъ Эльбу въ Бётцембургѣ; другая колонна, шедшая чрезъ Рену и Плацбургъ, долженствовала переправиться чрезъ рѣку сію въ Лауенбургѣ; третья колонна, идущая чрезъ Гюстринъ и Грабо намѣревалась переправиться въ Домитцѣ. Тогда полагали, что эти войска, идутъ въ Голландію чрезъ Герцогства Бременское и Ольденбургское. По полученіи этихъ извѣстій, Курфиршество Гановерское было очищено Французами, и начальствовавшій тамъ Генералъ Барбу сосредоточилъ силы свои въ Гамельнѣ.

2 Ноября 1805 года, Король Шведскій прибылъ въ Стральзундъ. Я предупредилъ Правительство, что его армія вѣроятно дастъ другой оборотъ движеніямъ союзной арміи; ибо до сихъ поръ, нерѣшительность въ ея маршахъ, не дозволяли замѣтить никакого положительнаго плана. Сначала казалось, что всѣ Шведско-Россійскія войска перейдутъ чрезъ Эльбу, въ одной точкѣ въ Лауенбургѣ въ шести миляхъ отъ

Гамбурга, и 5 Ноября не было еще ни одного Русскаго на южномъ берегу Эльбы.

Первая колонна Большой Русской Арміи прошла чрезъ Варшаву 1 Ноября; 2 ожидали Великаго Князя Константина съ Гвардіею. Эта колонна, состоявшая изъ шести тысячъ человѣкъ, первая еще проходила чрезъ Прусскую Польшу.

Въ эту минуту намъ еще угрожала скорая высадка въ Везерѣ и на Эльбѣ Гановрской арміи, усиленной нѣсколькими тысячами Англичанъ. Намѣреніе ихъ вѣроятно состояло въ томъ, чтобы атаковать Голландію, или покуситься на какое либо дѣйствіе въ тылу Большой Французской Арміи.

Французское Правительство очень желало имѣть точныя свѣдѣнія о движеніяхъ Шведско-Русскихъ войскъ въ Гановрѣ и Россійской арміи въ Польшѣ. Мои агенты въ Варшавѣ и въ Стральзундѣ отлично хорошо дѣйствовали. Я послалъ слѣдующій бюлетень:

«Русскія войска находятся на марцѣ въ Гановрѣ; онѣ переходятъ чрезъ Эльбу въ двухъ «мѣстахъ на разстояніи трехъ миль, въ Лауенбургѣ и Болцбургѣ. Шведы придутъ въ слѣдъ «за ними.

«Король Шведскій также отправился въ Гановрѣ. Онъ выѣхалъ изъ Стральзунда 9 Ноября.

«Въ Гановрѣ терпятъ большой недостатокъ

«въ хлѣбѣ и во всѣхъ прочихъ необходимѣй-«шихъ предметахъ. Тамъ нѣтъ никакихъ мага-«зиновъ, и я не знаю, какимъ образомъ Англи-«чане, Шведы и Русскіе долго тамъ продержат-«ся; тѣмъ болѣе, что Прусскія войска увеличи-«ваютъ потребленіе и дороговизну съѣстныхъ «припасовъ.

«Первая колонна третьей Русской арміи, иду-«щей чрезъ Варшаву, прошла чрезъ этотъ го-«родъ 2 Ноября; она состояла изъ четырехъ «тысячъ человѣкъ и при ней находились: Ге-«нералъ Князь Волконскій, Генералъ-Лейтенантъ «Фонъ Эссенъ, Принцъ Мекленбургскій и другіе «Генералы. Эта колонна имѣла при себѣ двѣнад-«цать пушекъ 12-ти фунтовыхъ, четырнадцать «9-ти фунтовыхъ, двадцать двѣ 6-ти фунтовыхъ; «всего 48 орудій. Триста человѣкъ легкой «артиллеріи.

«Вторая колонна прошла чрезъ Варшаву 4 «числа. Она состоитъ изъ 2400 Гренадеръ изъ «2000 пѣхоты, 500 казаковъ, десяти орудій и «70 фуръ.

Сила соединенныхъ армій въ Гановерѣ.

«Пятнадцать тысячъ Русскихъ, восемь ты-«сячъ Шведовъ, двѣнадцать тысячъ Англичанъ, «всего 35,000. Вотъ сколько черезъ двѣ недѣли «будетъ собрано войскъ въ Курфиршествѣ. По «общему мнѣнію, эти войска назначены для «произведенія диверсіи въ Голландіи

«Англичане дѣлаютъ высадку въ Эльбѣ и на «Везерѣ, куда они приплыли на сто шести су«дахъ. По причинѣ слишкомъ продолжительна«го переѣзда, большая часть лошадей пала отъ «недостатка фуража; транспортное судно съ дву«стами человѣкъ потонуло въ устьѣ Везера; ни«кого не могли спасти.

«Короля Шведскаго ожидаютъ въ Люнебургъ «сегодня или завтра »

Вѣроятно въ слѣдствіе этого бюлетеня, Наполеонъ сказалъ Дюроку, что онъ доволенъ моею службою; изъ другаго письма его, писаннаго прежде того, которое я помѣстилъ выше, читатели увидятъ, отъ чего Императоръ, отозвавъ Дюрока, не обнаружилъ ему никакого безпокойства на счетъ Пруссіи; ибо Дюрокъ надѣялся еще на возможность соглашенія, выѣзжая изъ Берлина. Пруссія совершенно рѣшилась воевать, но имѣя въ виду непріятеля, колебалась еще на счетъ принятія мѣръ. Вотъ это письмо:

«Любезный Буріеннъ, Его Величество, сочтя «службу мою нужною въ арміи, отозвалъ меня «къ себѣ. Я вчера имѣлъ прощальную аудіен«цію у Короля и Королевы, и удостоился чрез«вычайной благосклонности. Его Величество по«жаловалъ мнѣ свой портретъ, осыпанный бри«ліантами.

«Императоръ Александръ выѣдетъ вѣроятно

«завтра и Эрцгерцогъ Антонъ также въ непро-«должительномъ времени. Мы не можемъ не на-«дѣяться, что съѣздъ ихъ здѣсь будетъ содѣй-«ствовать всеобщему соглашенію.

«ДЮРОКЪ.»

Всякой разъ, какъ иноземныя арміи выступали противъ Французовъ, эмигранты одушевлялись надеждою, воображая себѣ, что соединившіяся противъ Наполеона державы, воевали за ихъ дѣло; многіе даже вступили въ службу въ арміи Россійскую и Австрійскую. Генералъ Дюмурье находился въ этомъ числѣ. Я узналъ, что онъ вышелъ на берегъ въ Стадѣ 21 Ноября; неизвѣстно было, куда онъ намѣревается ѣхать. Но нѣкто Сен-Мартенъ, котораго жена жила съ Дюмурье, и который прибылъ съ этимъ Генераломъ изъ Англіи въ Стадъ, пріѣхалъ съ большою осторожностью и скрытностью въ Гамбургъ для покупки подъ чужимъ именемъ двухъ каретъ, которыя онъ немедленно отправилъ въ Стадъ, куда и самъ тотчасъ возвратился. Мнѣ были сдѣланы нѣкоторые упреки за то, что я не задержалъ этого Сенъ-Мартена, но онъ былъ снабженъ свидѣтельствомъ, что онъ состоитъ въ Англійской службѣ, и я уже сказалъ, что это одно обстоятельство было въ Гамбургѣ охраною, противъ которой ничего нельзя было сдѣлать.

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1805 года наборъ Англи-

чанами войскъ въ Гановрѣ, продолжался безпрерывно и съ чрезвычайнымъ успѣхомъ. Были дни, въ которые нахватывали по сту человѣкъ. Великая нищета, царствовавшая въ Германiи, опустошаемой войною и пребыванiемъ столькихъ армiй, ненависть къ Французамъ и высокая цѣна за вступленiе въ службу, доставляли Англичанамъ столько людей, сколько имъ было угодно.

Король Шведскiй, выступая на войну въ Гановръ, имѣлъ съ собою походную типографiю для печатанiя бюлетеней *Большой Шведской Армiи*. Первый изъ этихъ бюлетеней возвѣщалъ *Европѣ*, что Его Шведское Величество отправляется изъ Стральзунда, и что армiя его займетъ позицiю, частью между Нельсеномъ и Гарбургомъ; а частiю между Домитцомъ и границами Гамбурга.

7 Декабря 1805 года начались враждебныя дѣйствiя между Русскими и гарнизономъ Гамельна, куда удалился Генералъ Барбу. Англичане имѣли въ это время нѣсколько судовъ, нагруженныхъ деньгами для набора войскъ.

Я узналъ 20 Декабря, что Дюмурье отправился въ Моравiю. Со времени прибытiя его въ Стадъ, о немъ не было слуха. Полагали, что онъ будетъ употребленъ въ Русской армiи въ Моравiи; другiе говорили, что его назначатъ *предводителемъ той*, которая шла изъ Вар-

шавы. Наконецъ многіе увѣряли, что онъ отправился въ Моравію для соглашенія о планѣ экспедиціи, предположенной въ Голландіи, куда онъ возвратится для начальствованія надъ этою экспедиціею.

Возвращаюсь къ имѣвшимся у меня свѣдѣніямъ о дѣйствіяхъ Большой Арміи, ибо послѣднія извѣстія о надеждахъ, или лучше сказать, о козняхъ Дюмурье, были получены мною, если сравнить числа, послѣ уже Аустерлицкой битвы, происшедшей 2 Декабря, въ день, соотвѣтствующій коронаціи Наполеона.

Нѣкоторые анекдоты о Бонапарте относятся къ этому походу: одинъ изъ нихъ былъ пересказанъ мнѣ Раппомъ. За нѣсколько дней до вступленія своего въ Вѣну, Наполеонъ, ѣхавъ верхомъ въ обыкновенной своей походной одеждѣ, въ Полковничьемъ мундирѣ Гвардейскихъ Егерей, повстрѣчался съ коляскою, въ которой сидѣла заливающаяся слезами дама со священникомъ. Наполеонъ, остановясь, спросилъ у этой дамы, куда она ѣдетъ и какая причина слезъ ея. Не зная Императора, она сказала ему: «Ахъ! Милостивый Государь, меня ограбили на дачѣ въ двухъ миляхъ отсюда солдаты, убившіе моего садовника. Я ѣду искать вашего Императора, который очень зналъ мое семейство и много ему былъ обязанъ. Ваше имя? — Де Бюнни; я дочь Г. Марбёфа, бывшаго Губернато-

ромъ въ Корсикѣ.» Я очень радъ сударыня, отвѣчалъ Наполеонъ, «что имѣю случай сдѣлать вамъ прiятное. Я Императоръ.»

«Ты не можешь себѣ представить,» сказалъ мнѣ Раппъ, «какое отличiе Императоръ показалъ Г-жѣ де Бюнни: онъ успокоивалъ ее, сожалѣлъ о ней, даже почти извинялся о случившемся съ нею несчастiи. «Прошу васъ Милостивая Государыня,» сказалъ онъ ей, «ѣхать въ мою Главную Квартиру и подождать тамъ меня; я скоро туда буду; все, принадлежащее Г-ну Марбёфу, имѣетъ право на мое уваженiе.» Императоръ тотчасъ приказалъ дать ей для охраны отрядъ своихъ Егерей, увидѣлся съ нею въ тотъ же день, удостоилъ ее особеннаго вниманiя и щедро вознаградилъ ее за понесенную ею потерю.

Въ продолженiе времени, предшествовавшаго Аустерлицкой битвѣ, разные корпуса армiй, проходили чрезъ Германiю и Италiю по всѣмъ направленiямъ, двигаясь къ Вѣнѣ, какъ къ общему средоточiю. Въ первыхъ числахъ Ноября, корпусъ подъ начальствомъ Маршала Бернадота, прибылъ въ Зальцбургъ въ ту минуту, когда Императоръ подвинулъ свою Главную Квартиру въ Браунау, гдѣ нашли многочисленные артиллерiйскiе магазины и великое количество всякаго рода запасовъ. Присоединенiе Бернадотова корпуса было для Наполеона очень важно-

почему онъ приказалъ Бернадоту итти къ нему какъ можно поспѣшнѣе, и слѣдовательно ближайшимъ путемъ, что и принудило Маршала пройти чрезъ землю двухъ Маркграфствъ.

Въ эту эпоху мы находились въ мирѣ съ Неаполемъ; Императоръ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ даже заключилъ съ Фердинандомъ IV-мъ нейтральный договоръ; этотъ договоръ дозволилъ Генералу Гувіонъ Сен-Сиру, занимавшему Неаполь, выйти изъ этого города, присоединить свои войска къ корпусу Массены въ верхней Италіи и слѣдовать съ нимъ къ Большой Арміи, куда они прибыли 28 Ноября. Однакоже, едва только войска Гувіонъ Сен-Сира вышли изъ Неаполитанскихъ владѣній, какъ Фердинандъ IV, внявъ совѣтамъ своихъ Министровъ, а въ особенности Королевы Каролины, нарушилъ нейтральный договоръ, повелѣлъ вооружиться противъ Франціи, открылъ ворота непріятелямъ Императора и принялъ въ свои владѣнія 12,000 Русскихъ и 8,000 Англичанъ. Узнавъ объ этомъ Наполеонъ, въ одномъ изъ своихъ самыхъ запальчивыхъ бюлетеней, назвалъ Королеву Неаполитанскую новою Фредегондою; когда же выигрышъ Аустерлицкаго сраженія придалъ его угрозамъ всемогущество, то жребій Неаполя былъ рѣшенъ, и вскорѣ послѣ того Іосифъ вступилъ въ первый Королевскій санъ на Неаполитанскомъ престолѣ.

Наконецъ наступилъ великій день, когда, по выраженію Наполеона, взошло Аустерлицкое солнце. Всѣ наши силы были сосредоточены въ одномъ мѣстѣ, около сорока миль отъ Вѣны. Существовали одни только незамѣтные остатки Австрійской арміи, ибо корпусъ Принца Карла не могъ преодолѣть искусныхъ движеній, державшихъ его въ отдаленности отъ операціонной линіи; но Русскіе сами превосходили насъ числомъ, и армія ихъ была составлена почти вся изъ свѣжихъ войскъ. Непріятельскій лагерь питалъ большія надежды. Когда наканунѣ сраженія Императоръ Александръ прислалъ къ Наполеону одного изъ своихъ Адъютантовъ, Князя Долгорукаго, то сей послѣдній не могъ не похвастать даже въ присутствіи самаго Императора; такъ какъ они были наединѣ, то никто не слыхалъ словъ Адъютанта, но отпуская его, Наполеонъ воскликнулъ: «Хотя бы вы были на Монмартрскихъ высотахъ, то и тогда я не иначе какъ пушками отвѣчалъ бы на такія предложенія!» Достопримѣчательныя слова, если мысленно перенестись къ той эпохѣ, когда они въ самомъ дѣлѣ сбылись.

Что касается до самого сраженія, то я могу говорить объ ономъ почти какъ очевидецъ, ибо черезъ нѣсколько времени послѣ того, я имѣлъ удовольствіе увидѣться въ Гамбургѣ съ другомъ моимъ Раппомъ, получившимъ отъ

Императора въ Пруссію порученіе, о предметѣ, коего я буду говорить ниже. Я съ радостію поздравилъ его съ участіемъ, которое, какъ мнѣ было уже извѣстно, онъ принялъ въ успѣхѣ этого достопямятнаго дня.

«Когда мы пришли въ Аустерлицъ,» сказалъ мнѣ Раппъ, «то Русскимъ неизвѣстны были искусныя распоряженія, сдѣланныя Императоромъ для того, чтобы привлечь ихъ на мѣста, заранѣе имъ назначенныя, и видя что наши передовые посты отступаютъ предъ ихъ авангардомъ, они уже заранѣе считали себя побѣдителями. По ихъ словамъ, одной ихъ Гвардіи было достаточно для одержанія полнаго успѣха, но дѣло завязалось, и они повсюду встрѣчали сильное сопротивленіе. Въ часъ побѣда была еще не рѣшена; ибо они отлично дрались. Они хотѣли сдѣлать послѣднюю попытку, направя сильныя громады войскъ на нашъ центръ. Императорская Гвардія деплоировала; артиллерія, кавалерія и пѣхота, двинулись на атакуемый Русскими мостъ, и это движеніе, скрытое неровностью почвы отъ Наполеона, не было замѣчено нами. Я въ ту минуту находился при немъ, ожидая его приказаній. Вдругъ мы услышали сильную ружейную пальбу: это была одна изъ нашихъ бригадъ, которую Русскіе опрокинули. Тогда Императоръ приказалъ мнѣ взять Мамелюковъ, два эскадрона

конныхъ Егерей, одинъ Гвардейскихъ Гренадеръ и отправиться для обозрѣнія, въ какомъ положеніи находятся дѣла. Я поскакалъ во весь духъ, и не отъѣхалъ еще на пушечный выстрѣлъ, какъ увидѣлъ бѣду. Русская конница врубилась въ наши каре, и поражала нашихъ солдатъ. Вдали усмотрѣлъ я громады Кавалеріи и Инфантеріи, составлявшія резервъ Русскихъ. Въ эту минуту непріятель двинулся къ намъ на встрѣчу, четыре орудія конной Артиллеріи прискакали въ галопъ, и тотчасъ выстроили батарею. По лѣвую меня сторону находился храбрый Морланъ, а по правую Генералъ Альманъ: «Пойдемте дѣти мои!» вскричалъ я моему отряду; видите ли, какъ бьютъ вашихъ братьевъ, вашихъ друзей; отмстимъ за нихъ, отмстимъ за наши знамена! «впередъ!» Эти слова воспламенили солдатъ моихъ; мы быстро ударили на Артиллерію и захватили ее. Непріятельская конница, съ твердостью насъ ожидавшая, была опрокинута силою того же натиска; она въ безпорядкѣ отступила, прошедъ подобно намъ чрезъ разбитые наши каре. Однакоже Русскіе опять построились, но подоспѣвшій ко мнѣ на подкрѣпленіе эскадронъ конныхъ Гренадеръ, далъ мнѣ возможность твердо выждать резервы Русской Гвардіи. Мы сдѣлали новую атаку, и атака сія была ужасна;

храбрый Морланъ убитъ подлѣ меня; это была настоящая рѣзня, гдѣ мы сражались въ рукопашь, и такъ перемѣшались, что пѣхота ни съ той ни другой стороны не смѣла стрѣлять для того, чтобы не перебить своихъ. Наконецъ храбрость нашихъ войскъ ниспровергла всѣ препоны, и Русскіе въ разстройствѣ отступили при глазахъ Императоровъ Россійскаго и Австрійскаго, которые стояли на возвышеніи, дабы видѣть сраженіе. Они конечно остались довольными,» прибавилъ Раппъ, «ибо видѣли славный бой. Что касается до меня, любезный другъ, то я еще никогда не видывалъ такого прекраснаго дня. Императоръ осыпалъ меня похвалами. Когда я прискакалъ къ нему для донесенія о выигрышѣ битвы, то сабля моя была переломлена, и самъ я былъ обагренъ кровью, текущею изъ раны, полученной мною въ голову. Императоръ сдѣлалъ меня Дивизіоннымъ Генераломъ. Русскіе не возобновили боя; мы взяли у нихъ пушки, обозы, и Князь Репнинъ находится въ числѣ плѣнныхъ.»

Такъ разсказывалъ мнѣ Раппъ и въ длинныхъ, занимательныхъ моихъ съ нимъ разговорахъ, я узналъ много другихъ подробностей, которыя помѣщу ниже. Здѣсь я хотѣлъ только сообщить сказанное имъ мнѣ о знаменитой битвѣ, которой онъ былъ героемъ, подобно

какъ Келлерманъ при Маренго. Что теперь остается отъ Аустерлица? воспоминаніе, слава и безподобная картина Жерара, коей содержаніе внушилъ Императору видъ Раппа, обагреннаго кровью.

++

ГЛАВА V.

Конецъ враждебныхъ дѣйствій съ Австріею.— Пріѣздъ къ Императору Князя Лихтенштейна. — Свиданіе двухъ Императоровъ.—Порученія Савари къ Императорамъ Францисву II и Александру.— Пресбургскій трактатъ. — Король Италіи не связанъ обѣщаніями Императора Французовъ.— Баварія и Виртембергъ, возведенные въ Королевства.— Г. Гаувицъ въ Шёнбруннѣ.—Надменность и суровость Наполеона —Договоръ, заключенный Г-мъ Гаувицемъ безъ уполномочія.— Второй договоръ Пруссіи, заключенный въ Берлинѣ съ Англичанами.— Затруднительное положеніе Короля Прусскаго и неудовольствіе на Г. Гаувица —Отказъ Александра въ Императорскомъ титулѣ Наполеону.—Власть Наполеона надъ самимъ собою.—Поѣздка Раппа послѣ Аустерлица.— Бракъ Евгенія.

Раппъ пріѣхалъ изъ Вѣны въ Гамбургъ, не тотчасъ послѣ Аустерлицкаго сраженія. Наполеонъ посылалъ его въ замокъ Аустерлицъ лечиться отъ полученной имъ въ голову, пикою раны, которая къ счастію была не опасна. Война была кончена съ Австріею, но не съ

Россією, которая имѣла еще довольно способовъ для продолженія войны.

На другой день послѣ битвы, въ Аустерлицскій замокъ, гдѣ тогда находился Императоръ, пріѣхалъ вечеромъ Князь Лихтенштейнъ, тотъ самый, котораго Макъ присылалъ переговорщикомъ подъ стѣнами Ульма. Въ этотъ разъ онъ имѣлъ порученіе отъ Императора Франциска, состоявшее въ томъ, чтобы просить у Наполеона свиданія. Просьба была принята и немедленно опредѣлили церемоніялъ для завтрашняго дня. 4 Декабря, Наполеонъ отправился верхомъ въ условленное мѣсто, т. е. на мельницу, находящуюся въ трехъ милахъ отъ Аустерлица. Наполеонъ первый явился на мѣсто свиданія, куда скоро пріѣхалъ въ коляскѣ и Императоръ Австрійскій. Увидѣвъ его, Наполеонъ слезъ съ лошади и пошелъ къ нему на встрѣчу окруженный своими Адъютантами. Лористонъ, сообщившій мнѣ эти подробности, имѣвъ счастіе, какъ онъ мнѣ говорилъ, поспѣть въ Большую Армію во время для того, чтобъ быть участникомъ Аустерлицкаго дѣла. Наполеонъ, подошедъ къ Франциску II-му, обнялъ его. Въ продолженіе свиданія, Наполеонъ имѣлъ при себѣ одного только Бертье, а Императоръ Австрійскій только Князя Іоанна Лихтенштейна, такъ что Адъютанты не могли слышать разговора, который легко себѣ вообразить. Мнѣ

кажется, я будто вижу, какъ Бонапарте старается преклонить своего побѣжденнаго непріятеля увлекательными рѣчами, коихъ тайною онъ въ такой высокой степени обладалъ, и заставить его нѣкоторымъ образомъ простить ему его славу наружнымъ видомъ притворной скромности. Императоры пробыли вмѣстѣ около двухъ часовъ, и опять обнялись при разставаньи. Наполеонъ, тихо возвращаясь къ своей арміи, долженъ былъ внутренно наслаждаться удовлетвореніемъ своей гордости; но не теряя на минуту выгодъ своей политики, онъ прервалъ размышленія, въ которыя казался погруженнымъ, и послалъ одного изъ своихъ Адъютантовъ къ Императору Австрійскому.

Адъютантъ сей былъ Савари: Бонапарте приказалъ ему донести Императору Франциску, что прямо отъ него, онъ по волѣ Наполеона ѣдетъ въ Главную Квартиру Императора Александра ожидать его соглашенія на счетъ касающагося до него въ условіяхъ, положенныхъ при свиданіи Императоровъ Французскаго и Австрійскаго. Александръ согласился на все, сказавъ, что если Императоръ Австрійскій доволенъ обѣщаніями Наполеона, то пришедъ единственно для сего Монарха, онъ свободенъ отъ своихъ съ нимъ обязательствъ, а собственно для себя не имѣетъ никакихъ требованій. Такимъ образомъ кончились враждебныя дѣй-

ствiя этой кампанiи, коей развязка вознесла славу Наполеона на высочайшую степень блеска.

Канцелярiи Французская и Австрiйская съѣхались въ Пресбургѣ, и имъ не трудно было вести переговоры; ибо одна изъ сторонъ могла все требовать, а другая почти ни въ чемъ не могла отказать; посему эти переговоры были непродолжительны, и все кончилось къ 25 Декабрю, т. е. ровно черезъ три мѣсяца по выѣздѣ Наполеона изъ Парижа. Россiя, принявшая участiе въ войнѣ, не приняла никакого въ переговорахъ; враждебныя дѣйствiя между ею и Францiею прекратились, но безъ заключенiя мирнаго договора.

Императоръ торжественно объявилъ Сенату, что онъ не хочетъ никакого распространенiя владенiй Францiи, и на эту минуту онъ сдержалъ слово, вотъ какимъ образомъ: разсудивъ вѣроятно, что обѣщанiя Императора Французовъ ни къ чему не обязывали Короля Италiи, онъ заставилъ Австрiю Пресбургскимъ трактатомъ уступить, не Францiи, а Королевству Италiи древнiя Венецiянскiя владѣнiя, Далмацiю и Венецiянскую Албанiю. Въ силу того же трактата, Курфирстъ Баварскiй получилъ, съ титуломъ Короля, Княжество Ейхштетское, часть земли Пассау, Тироль и важный городъ Аугсбургъ. Курфирстъ Виртембергскiй былъ также возведенъ въ Королевское достоинство, и всѣ Австрiйскiя вла-

дѣнія въ Швабіи, въ Бриегавѣ и въ Ортенау были раздѣлены между этимъ Государемъ, новымъ Королемъ Баварскимъ и Курфирстомъ Баденскимъ, пожалованнымъ въ Великіе Герцоги. Дабы показать видъ нѣкотораго вознагражденія Австріи, ей дали Зальцбургъ и Берхтольсгаденъ. Княжество Вюрцбургъ, сдѣланное Великимъ Герцогствомъ, было обѣщано Епископу Зальцбургскому, въ замѣну его Эпископства. Такимъ образомъ Наполеонъ вознаграждалъ его пожалованіемъ области за хорошій пріемъ, сдѣланный ему на пути его въ Вѣну. Въ тоже время Бонапарте заставилъ Пресбургскимъ трактатомъ признать независимость Республикъ Батавской и Гельветической. Довольствуюсь приведеніемъ здѣсь только главныхъ статей сего трактата, по коему Тевтонскій орденъ былъ уничтоженъ. Эти великія перемѣны въ поземельныхъ разграниченіяхъ Европейскихъ Государствъ и распространеніе второстепенныхъ Державъ на счетъ Австріи, не мало объяснили мнѣ то, что Бонапарте, въ послѣднемъ нашемъ съ нимъ разговорѣ, сказалъ мнѣ о видахъ своихъ на Германію; и можно навѣрно заключить, что Аустерлицкая кампанія внушила Наполеону мысль о протекторствѣ Рейнскаго Союза.

Послѣ Аустерлицкаго сраженія, Наполеонъ расположился въ Бруннѣ, гдѣ онъ пробылъ нѣсколько дней для ближайшаго наблюденія за

исполненіемъ приказовъ его, касательно расположенія войскъ. Онъ приказалъ освидѣтельствовать понесенныя имъ потери, и послалъ своихъ Адъютантовъ по госпиталямъ, приказавъ имъ вручить по Наполеондору каждому раненому солдату. Всѣмъ раненымъ Офицерамъ, онъ также пожаловалъ награды по чинамъ, отъ пяти сотъ до трехъ тысячъ франковъ; послѣ сего онъ отправился въ Шёнбруннъ, куда прибылъ не останавливаясь въ Вѣнѣ, чрезъ которую онъ проѣхалъ ночью. Здѣсь, на другой день по пріѣздѣ своемъ, онъ въ первый разъ принялъ Г. Гаугвица, который нѣсколько времени уже былъ въ Вѣнѣ, гдѣ онъ производилъ переговоры съ Г. Талейраномъ и Прусскимъ Министромъ, находясь, надобно сознаться, въ самомъ затруднительномъ для дипломата положеніи.

Г. Гаугвицъ, какъ можно себѣ представить, былъ очень дурно принятъ. Онъ пріѣхалъ въ Вѣну съ тѣмъ, чтобы ожидать развязки событій, и событія сіи не приняли оборота, благопріятнаго для намѣреній Пруссіи. Наполеонъ, поставленный побѣдою въ самое блистательное положеніе, обошелся съ Берлинскимъ Посланникомъ чрезвычайно надменно и сурово. Видя что Пруссія останется одна противъ побѣдоносной Франціи, и что миръ безъ сомнѣнія скоро будетъ заключенъ, устрашенный притомъ грозными словами Наполеона, Г. Гаугвицъ не

находя инаго средства отклонить бурю, готовую разрушиться надъ Пруссіею, взялъ на себя, не будучи къ тому уполномоченъ, подписать договоръ, въ силу коего Маркграфства Барейтъ и Анспахъ, были обмѣнены на Гановръ.

Я не имѣю никакой побудительной причины стараться оправдывать поступокъ Г. Гаугвица; говорю только то, что я думаю, и что тогда думалъ. Безъ всякаго сомнѣнія, еслибъ Г. Гаугвицъ находился въ положеніи обыкновеннаго уполномоченнаго, то его можно бы осыпать наивеличайшими упреками за важную ошибку, которую онъ бы сдѣлалъ, промѣнявъ два Маркграфства на область, принадлежащую Англіи, съ которою наконецъ пришлось бы еще расчитываться.

Но если надежда существовала еще въ Берлинѣ, то Прусскій Посланный видѣлъ въ Вѣнѣ одно только отчаяніе и думалъ спасти все, пожертвовавъ частію.

Между тѣмъ какъ это происходило въ Вѣнѣ, я получилъ изъ Берлина извѣстіе, что Г. Барденбергъ подписалъ, *по волѣ своего Государя* другой договоръ съ Англіею, что поставляло Пруссію, относительно двухъ одновременныхъ ея союзниковъ, въ положеніе, чрезвычайно затруднительное и запутанное. Надобно было выйти изъ этого замѣшательства, а между тѣмъ не представлялось никакого пути къ спасенію;

однакожъ неизбѣжно слѣдовало объявить что нибудь рѣшительное; ибо съ Наполеономъ не было никакой надежды укрыться въ сомнительномъ положеніи нейтралитета. Такимъ образомъ Пруссія не могла избѣгнуть войны, и ей оставался только выборъ, вести оную противъ Франціи, или противъ Англіи. Чрезъ договоръ свой съ Англіею Пруссія получала 1.500.000 фунтовъ стерлинговъ денежнаго пособія и между тѣмъ какъ въ Главной Французской квартирѣ совершенно не знали объ этомъ второмъ договорѣ и нисколько не сомнѣвались въ дѣйствительности договора, къ которому необходимость принудила Г. Гаугвица— Русскій Генералъ Буксгевденъ, перешедъ чрезъ Вислу въ Варшавѣ, направлялъ путь свой чрезъ Бреслау въ Богемію. Это было слѣдствіемъ поѣздки Императора Александра въ Берлинъ; Государь сей преклонилъ Пруссію воевать заодно съ нимъ, съ Австріею и съ Англіею, не предполагая чтобы Франція могла восторжествовать надъ столь грознымъ союзомъ; но судьба Наполеона опредѣлила иначе. Дюрокъ находился въ это время въ Берлинѣ, но политическіе переговоры двухъ Государей были такъ искусно скрыты подъ видомъ дружескихъ свиданій, и съ Дюрокомъ продолжали такъ хорошо обходиться, что ни ему, ни Г. Делафоре, не смотря на ихъ рѣдкую прозорливость, не-

возможно было открыть, ничего положительнаго относительно того, на что рѣшится Берлинскій кабинетъ. Можетъ быть и самъ Король Прусскій въ точности того еще не зналъ, а притомъ существовало разногласіе въ кабинетѣ, гдѣ Королева и Г. Гарденбергъ склонялись противъ Франціи болѣе чѣмъ Фридрихъ Вильгельмъ.

Заключивъ въ Вѣнѣ договоръ, о которомъ я говорилъ, Г. Гаугвицъ тотчасъ отправился обратно въ Берлинъ. Дорогою онъ встрѣтилъ Г. Пфуля, ѣхавшаго въ Вѣну, съ коимъ онъ опять туда воротился. Въ Эту минуту всѣ дипломатіи находились въ движеніи, хотя Бонапарте привелъ чрезвычайно въ простой видъ пружины оныхъ: дѣйствительно для него весь дипломатическій уставъ ограничивался двумя словами; «Моя воля, или война.»

По прибытіи Г. Гаугвица въ Берлинъ Король изъявилъ ему сильное неудовольствіе за договоръ, заключенный имъ въ Вѣнѣ. Дѣйствительно никакому еще Государю не случалось быть въ такомъ жестокомъ недоумѣніи. Что онъ могъ сдѣлать? . . . . . Воевать съ Франціею? . . . . но послѣ одержанныхъ нашими арміями побѣдъ, благоразуміе повелѣвало ему удержаться. Съ другой стороны, какъ раздѣлаться съ Англіею? какъ столь внезапно разорвать договоръ, только что съ нею заключенный.

Въ этомъ затруднительномъ положенiи прибегли къ одной изъ тѣхъ политическихъ уловокъ, которыя могутъ замедлить опасность, но не устранить ее. Придумали отказаться отъ утвержденiя статьи договора, отдававшей Пруссiи во владѣнiе Гановръ, до тѣхъ поръ, пока на сiе воспослѣдуетъ согласiе Англiи, чего, какъ знали, не могло произойти. Пожертвовали двумя Маркграфствами для того, чтобы избѣгнуть Наполеонова гнѣва, и Гановръ былъ принятъ только въ видѣ залога до заключенiя общаго мира. Впрочемъ, Императоръ, отдавая Гановръ Пруссiи, ничего не давалъ ей, ибо сiе Королевство, принадлежавшее ему только по праву занятiя онаго его войсками, не было болѣе занято съ той минуты, какъ Наполеонъ при началѣ Вѣнскаго похода, отозвалъ оттуда корпусъ, предводительствуемый Бернадотомъ.

Полковникъ Пфуль былъ посланъ въ Вѣну для сообщенiя Г. Гаугвицу извѣстiя о договорѣ, заключенномъ съ Англiею, но побѣда подъ нашими знаменами шла быстрѣе чѣмъ переговоры Берлинскаго кабинета. Однакоже Русскiе, послѣ Аустерлицской битвы, не совершенно отказались отъ враждебныхъ дѣйствiй; Императоръ Александръ не соглашался признать Наполеона, ни Императоромъ Французовъ, ни Королемъ Италiи; даже помнится, мнѣ разсказывали, что имѣвъ случай писать къ Наполеону

до Аустерлицскаго сраженія, Александръ поставилъ на письмѣ своемъ только: *Главѣ Французскаго Правительства.*

Императоръ получилъ въ Вѣнѣ бѣдственную вѣсть о Трафальгарской битвѣ, вѣсть, которую узнали только по слухамъ и изъ иностранныхъ газетъ, съ трудомъ доходившихъ тогда во Францію; ибо онъ такъ сильно желалъ погребсти въ забвеніи эту бѣду, что никакой журналъ на всемъ пространствѣ Имперіи, не осмѣлился говорить о ней до самаго возвращенія Бурбоновъ. Подробности оной не были однако же тайною въ Гамбургѣ; первая вѣсть оныхъ пришла чрезъ купцевъ; и я узналъ объ оныхъ изъ донесеній моихъ агентовъ прежде, чѣмъ получилъ офиціяльное подтвержденіе депешею отъ Министра Внѣшнихъ Сношеній, бывшаго тогда въ Вѣнѣ. Адмиралъ Вильнёвъ, начальствовавшій съ Гравиною соединенными флотами Франціи и Италіи, вышелъ изъ Кадикса съ тою цѣлью, чтобы атаковать Англійскій флотъ, предводительствуемый Нельсономъ. Мы имѣли тридцать одинъ корабль, Англичане тридцать три, и несчастный Вильнёвъ былъ разбитъ, также какъ и прежде того, Адмираломъ Кальдеромъ. Никогда еще столь великая битва не обагряла кровью морей со времени знаменитой Армады. Развязка сраженія почти совершенно уничтожила нашъ флотъ, ибо мы потеряли осмнад-

цать кораблей; остальные тринадцать пришли обратно въ Кадиксъ, но чрезвычайно поврежденные. Этотъ день былъ пагубенъ тремъ Адмираламъ: Нельсонъ лишился жизни, Гравина былъ тяжело раненъ, и умеръ отъ ранъ своихъ, а Вильнёвъ, взятый въ плѣнъ Англичанами, былъ отвезенъ въ Англію и наконецъ лишилъ себя жизни.

Наполеонъ былъ сильно огорченъ этимъ извѣстіемъ, но не показалъ того въ первую минуту, и я легко повѣрилъ сказанному мнѣ объ этомъ, ибо я зналъ, что Бонапарте никогда не занимался двумя вещами вдругъ съ равнымъ участіемъ. Когда какія нибудь событія дѣлали ему помѣху, то онъ, такъ сказать, оставлялъ ихъ въ запасъ на будущее время, дабы возвратиться къ нимъ на досугѣ; но онъ съ невѣроятною властью надъ самимъ собою, изгонялъ изъ ума своего все, что могло отвлечь его отъ господствовавшей въ немъ въ ту минуту мысли. Такимъ-то образомъ, совершенно занятый надеждою окончить великимъ ударомъ Вѣнскую кампанію, онъ оставилъ Трафальгаръ на время въ сторонѣ; сія-то способность устремляться къ одной цѣли, столь часто способствовала ему къ достиженію оной, а въ настоящемъ случаѣ, я долженъ прибавить, что гордость Наполеона, пріобрѣтшаго столь великую славу на землѣ, не дозволяла ему признать море стихіею, до-

стойною вступить въ соперничество съ землею. Еслибъ онъ въ самомъ дѣлѣ вздумалъ преобразовать Французскій флотъ, то сталъ ли бы онъ такъ долго держать Декре Министромъ?

Точно также какъ съ Трафальгарскимъ сраженіемъ было, и касательно неблагопріятныхъ извѣстій, дошедшихъ до Наполеона изъ Парижа въ Вѣну о переворотѣ въ финансахъ, ознаменовавшемъ его отсутствіе, онъ отложилъ занятіе онымъ до своего возвращенія, и я самъ отлагаю до слѣдующей главы то, что имѣю объ этомъ сказать; а сообщу о томъ, что я узналъ отъ Раппа о поѣздкѣ его по выздоровленіи отъ раны и о происшедшемъ въ Минхенѣ при бракосочетаніи Евгенія съ Принцессою Августою Баварскою; Раппъ присутствовалъ при ономъ, а въ слѣдъ за тѣмъ получилъ отъ Императора порученіе въ Пруссію, что доставило мнѣ живѣйшее удовольствіе его опять увидѣть. Я часто упоминаю о дружбѣ моей къ Раппу, ибо она была между нами полна и совершенна; онъ даже не скрывалъ этого отъ Наполеона тогда, какъ я былъ въ немилости, а служившіе при Императорскомъ дворѣ, знаютъ, что для того было нужно еще болѣе мужества, чѣмъ для взятія редута, или для блистательнаго кавалерійскаго натиска. Раппъ былъ одаренъ этими двумя родами храбрости, отли-

чалсь сверхъ того чрезвычайною добротою и искренностью, которая также однажды привела его на время въ немилость у Наполеона. Одно только, въ чемъ Ранпа можно упрекнуть, было чрезвычайное его предубѣжденiе противъ дворянъ; и я увѣренъ, что если онъ въ послѣдствiи не былъ сдѣланъ Герцогомъ, то горячность, съ которою онъ часто изъявлялъ мнѣнiе свое о дворянствѣ, была единственною тому причиною. Императоръ пожаловалъ его Графомъ только потому, что онъ хотѣлъ, чтобы Адъютанты его имѣли титулы.

«Мы двѣ недѣли находились уже въ Шенбруннѣ,» сказалъ мнѣ Раппъ, «но я еще не вступалъ въ должность, какъ вдругъ Императоръ потребовалъ меня къ себѣ. Онъ спросилъ меня, въ состоянiи ли я отправиться въ дорогу; и когда я увѣрилъ его, что могу: «Если такъ,» сказалъ онъ мнѣ, «поѣзжай къ Мармонту и перескажи ему подробности Аустерлицкой битвы, для того, чтобы побѣдить его тѣмъ, что онъ въ ней не участвовалъ.» Я отправился въ Грецъ, гдѣ нашелъ Мармонта, который дѣйствительно былъ въ отчаянiи, что ему не удалось находиться на этомъ великомъ сраженiи. По волѣ Императора, я сказалъ ему, что переговоры начались, но что ничего еще не кончено, и что посему на всякiй случай, онъ долженъ быть въ готовности. Я освѣдомился о положенiи его въ

Стиріи съ армією и о числѣ непріятелей, противъ него находившихся. Императоръ желалъ, чтобы онъ отправилъ нѣсколько шпіоновъ въ Венгрію и подробно донесъ бы ему о свѣдѣніяхъ, которыя онъ черезъ нихъ получитъ. Послѣ этого я поѣхалъ въ Лейбахъ, гдѣ нашелъ Массену съ осьмымъ корпусомъ, и сообщилъ ему приказъ Императора, немедленно итти къ Вѣнѣ, въ случаѣ, если онъ узнаетъ о прерваніи переговоровъ. Я продолжалъ предписанную мнѣ поѣздку до Венеціи, а потомъ на встрѣчу къ войскамъ Гувіонъ Сен-Сира, которому было дано повелѣніе вернуться и опять итти на Неаполь, какъ только Императоръ узналъ объ измѣнѣ Короля Неаполитанскаго и о высадкѣ Англичанъ и Русскихъ. Исполнивъ всѣ эти различныя порученія, я проѣхалъ чрезъ Клагенфуртъ, гдѣ видѣлся съ Маршаломъ Неемъ, и наконецъ прибылъ къ Императору въ Минхенъ. Съ большимъ удовольствіемъ нашелъ я тамъ нашихъ друзей и добрую Іозефину, которая все также ласкова, какою ты ее зналъ. Что касается до меня, то я очень обрадовался, узнавъ по пріѣздѣ моемъ, что Императоръ усыновилъ Евгенія. Я присутствовалъ на празднествахъ бракосочетанія его съ Принцессою Августою. Впрочемъ, ты знаешь, что я не большой охотникъ до праздниковъ, и Императору слѣдовало бы уволить насъ отъ должности Ка-

мергеровъ. Евгеній ничего незналъ, когда Императоръ послалъ ему приказаніе, какъ можно скорѣе явиться; онъ также не перемѣнился: это все тотъ же нашъ прежній товарищъ; онъ сначала не очень было обрадовался тому, что его женятъ изъ политики; но увидѣвъ свою невѣсту, онъ восхитился ею, и онъ правъ, ибо увѣряю тебя, что она прелестна.

ГЛАВА VI.

Вѣнскій походъ.—Упадокъ курса банковыхъ билетовъ.—Неблагоразумныя выдачи денегъ Казначействомъ.— Г. Увраръ.— Шестьдесятъ миліоновъ до 18 Брюмера. — Невѣроятная скромность Г. Уврара и нетерпѣніе Наполеона —Воспоминанія о Консульствѣ.—Мнѣніе Бонапарте о богатыхъ людяхъ.— Ненависть его противъ подрядчиковъ и поставщиковъ.—Деньги, данныя въ заемъ Г-жѣ Бонапарте. — Бертье и Г-жа Висконти.—Договоръ между Королемъ и частнымъ лицемъ.—Любопытныя подробности, сообщенныя мнѣ Г-мъ Увраромъ въ Гамбургѣ.—Гг. Барбе-Марбуа, Депре и Ваплербергъ.— Поѣздки Г. Уврара.— Возвращеніе Наполеона въ Парижъ.—Суровое отрѣшеніе Г. Барбе-Марбуа.— Восемдесятъ семь миліоновъ, требуемые Наполеономъ.— Неудача большаго дѣла.

Я сказалъ, что посвящу эту главу финансовому перевороту, произведшему столь великое разстройство въ Парижѣ и распространившему безпокойство во всѣхъ городахъ, которые находились въ прямыхъ сношеніяхъ со столицею

Французской Имперіи; не буду при этомъ случаѣ входить въ техническія подробности о финансахъ вообще, а скажу только, что я узналъ положительнаго, и какое дѣйствіе этотъ переворотъ произвелъ въ Ганзейскихъ земляхъ, которыя мнѣ уже хорошо были извѣстны послѣ шестимѣсячнаго пребыванія въ Гамбургѣ. Можетъ однако же случиться, что я брошу нѣсколько взглядовъ обратно на событія, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, и которыя относятся къ финансовымъ затрудненіямъ 1805 года

Въ ту минуту, какъ Императоръ долженъ былъ надѣяться, что извѣстіе о блистательныхъ его успѣхахъ подниметъ во Франціи общественный духъ, онъ получилъ извѣстіе, что распространяются безпокойства, и что банкъ былъ осаждаемъ людьми, желавшими обмѣнить свои билеты, которые всякой старался сбывать, и которые въ короткое время потеряли болѣе, чѣмъ по пятидесяти на тысячу. Фонды понизились и Императоръ чрезвычайно какъ досадовалъ; читатели уже видѣли, что его не многое столько безпокоило, какъ измѣненія этого термометра общественнаго мнѣнія; я также сказалъ, почему при этомъ случаѣ, онъ скрылъ свою досаду: другая вещь его занимала.

Изъ переписки Парижа съ городомъ, въ которомъ я жилъ, и который по производимой имъ обширной торговлѣ, принималъ большое

участіе въ томъ, чтобы знать финансовыя распоряженія Правительства, я узналъ, что огромное предпріятіе, устроенное Г-мъ Увраромъ съ Испаніею, и чрезъ которое онъ долженствовалъ пріобрѣсть гораздо дешевле настоящей цѣны піастры Испанской Америки, побудило его обратить на это дѣло деньги, употребляемыя имъ и его сотоварищами на подряды по поставкѣ продовольствія. Понадобились другіе капиталы, ибо подрядъ сей, въ большомъ объемѣ, требуетъ много задатковъ, а всѣмъ извѣстно, какъ медленно въ это время выдавались деньги изъ Казначейства. Кажется что Казначейство согласилось на сдѣлку, не долженствовавшую, впрочемъ, обратиться къ ущербу казны. Дѣло приняли въ другую сторону и сочли пагубными преждевременныя выдачи по поставкамъ. Дабы этому помочь, приняли мѣры, которыя удались.

Теперь увидятъ, какое вліяніе могутъ имѣть смѣлые обороты предпріимчиваго человѣка на положеніе финансовъ Государства. Притомъ же то, что я имѣю сказать о биржевомъ переворотѣ, такъ сильно встревожившемъ Наполеона, покажетъ вполнѣ опасности, которыя могутъ произойти от излишней довѣренности къ незаслуживающимъ оный и разстройство, которое чрезъ это можетъ произойти въ дѣлахъ.

Я очень хорошо зналъ Г. Уврара и въ томъ, что я о немъ скажу, не можетъ быть для него

ничего оскорбительнаго и непріятнаго. Я видѣлъ самъ большую часть ниже помѣщенныхъ событій; прочія сообщены мнѣ самимъ Г-мъ Увраромъ, который въ бытность свою въ 1808 году въ Гамбургѣ, очень подробно разсказывалъ мнѣ о своемъ огромномъ дѣлѣ съ Королемъ Испанскимъ. Я совершенно убѣжденъ, что если бы это дѣло получило свой надлежащій ходъ, то не только оно доставило бы большія выгоды Г. Уврару, но было бы весьма полезно, какъ Испаніи, которую оно извлекло бы изъ нищеты, такъ и Франціи, которой оно бы подняло и поддержало поколебавшійся кредитъ. Г. Увраръ сказалъ мнѣ, что до 18 Брюмера онъ имѣлъ у себя шестьдесятъ миліоновъ, не будучи никому долженъ.

Много было говорено объ этомъ знаменитомъ по финансамъ человѣкѣ: чрезвычайные перевороты въ его фортунѣ, волненія его жизни, огромныя дѣла, которыя онъ производилъ, движеніе оныхъ и наконецъ смѣлость его предпріятій, требуютъ много зрѣлости и размышленія для того, чтобы сдѣлать заключеніе о Г. Уврарѣ. Не возможно, чтобы сынъ бумажнаго торговца, достигшій одними своими талантами важной роли, которую онъ занималъ, былъ человѣкъ обыкновенный. О Г. Уврарѣ можно тоже сказать, что Бонапарте говорилъ о самомъ себѣ: жизнь его была дѣйствительно борьбою.

Я давно зналъ его, и видѣлъ его сношенія съ Іозефиною; я всегда замѣчалъ въ немъ съ отличнымъ знаніемъ дѣла, большое правдолюбіе и великодушіе, которыя еще болѣе были возвышаемы рѣдкимъ достоинствомъ благороднѣйшей скромности. Никакая человѣческая сила, никакія уважительныя причины, даже самая неблагодарность людей, имъ одолженныхъ, не въ состояніи были заставить его признаться, что кто либо взялъ съ него взятку въ эпоху Директоріи, когда всѣ казенныя сдѣлки производились не иначе какъ съ деньгами въ рукахъ. Я всегда приписывалъ этой увѣренности въ Г-нѣ Уврарѣ тѣхъ людей, которые оказывали ему услуги, предоставленіемъ ему столькихъ подрядовъ, которые производили въ его фортунѣ такіе различные обороты. Кажется я упомянулъ уже о досадѣ, которую скромность Г-на Уврара причиняла Первому Консулу; онъ всячески старался вывѣдать у Г-на Уврара имена лицъ, которыя получили отъ него пособія, называемыя въ просторѣчіи *взятками;* много разъ видалъ я, что Бонапарте употреблялъ всѣ возможныя средства для достиженія своей цѣли: онъ старался устрашить Г. Уврара угрозами, потомъ думалъ преклонить его лживыми обѣщаніями; но никакъ не могъ исторгнуть у него ни малѣйшаго признанія, могущаго кому либо повредить.

Здѣсь я необходимо долженъ обратиться къ моимъ прежнимъ воспоминанiямъ, дабы постепенно дойти до причинъ, произведшихъ финансовый переворотъ 1805 года. Во время нахожденiя нашего еще въ Люксембургѣ, какъ мнѣ помнится 25 Генваря 1800 года, Бонапарте сказалъ мнѣ за завтракомъ: «Бурiеннъ, я рѣшился; прикажу взять подъ стражу Уврара. —Генералъ, имѣете ли вы противъ него доказательства?—Доказательства?... Это пройдоха, барышникъ, изъ него надобно выжать сокъ. Всѣ подрядчики, всѣ поставщики плуты. Какъ они обогащаются на счетъ казны. Я не долженъ терпѣть такого безпорядка. У нихъ были мiлiоны; они нагло роскошничали тогда, какъ у моихъ солдатъ не было ни хлѣба, ни сапоговъ! Не хочу этого больше Впрочемъ я сегодня же поговорю объ этомъ въ совѣтѣ, и увижу, что надобно сдѣлать.»

Я нетерпѣливо ожидалъ возвращенiя его изъ совѣта, дабы узнать о томъ, что произошло. «Ну что Генералъ?» спросилъ я у него. «Приказъ отданъ.» Я очень безпокоился о судьбѣ Г. Уврара, съ которымъ поступили больше по Турецки, чѣмъ какъ съ Гражданиномъ Республики; но вечеромъ я узналъ, что приказъ не могъ быть исполненъ потому, что его не нашли.

На другой день мнѣ сообщили за вѣрное, что

одинъ человѣкъ, котораго я не хочу назвать, который присутствовалъ въ совѣтѣ, и вѣроятно былъ обязанъ Г-ну Уврару, а такихъ нашлось бы много, написалъ ему карандашомъ записку, коею увѣдомилъ о принятомъ Первомъ Консулѣ намѣреніи, взять его подъ стражу. Этотъ человѣкъ, вышедъ на минуту, отослалъ записку со своимъ слугою. Это обстоятельство должно быть извѣстно многимъ изъ пережившихъ эпоху, мною описываемую; ибо я помню, что я нѣсколькимъ объ этомъ тогда разсказывалъ.

Избѣгнувъ отъ приказа о задержаніи, Г. Увраръ чрезъ нѣсколько дней самъ явился въ тюрьму. Бонапарте, въ первую минуту ужасно какъ взбѣсился за то, что онъ избѣгнулъ его гнѣва; досада его опять вспыхнула, тогда какъ ему бы слѣдовало удовольствоваться, ибо извѣстивъ меня, что Г. Увраръ добровольно явился въ заключеніе, онъ вскричалъ: «Безумецъ! онъ еще не знаетъ, что его ждетъ. Онъ хочетъ этимъ показать публикѣ, что ему нечего бояться, что у него руки *чисты*; но это вздоръ; со мною ему плохая игра. Пусть говорятъ, что хотятъ. Будь увѣренъ, Буріеннъ, если у человѣка столько денегъ, то онъ не могъ пріобрѣсть ихъ законнымъ образомъ; . . . . а притомъ всѣ эти люди опасны съ ихъ богатствомъ. Во времена Революцій не должно, чтобы частный

человѣкъ имѣлъ больше трехъ миліоновъ, и то еще много.»

Прежде чѣмъ явился въ тюрьму, Г. Увраръ имѣлъ время спрятать отъ обыска Полиціи тѣ изъ бумагъ своихъ, чрезъ которыя могли обнаружиться имена лицъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло, и я даже полагаю, что и въ самой Полиціи нѣкоторые люди не подосадовали на то, что Г. Увраръ успѣлъ предупредить ихъ усердіе въ исполненіи воли Перваго Консула. Бумаги были опечатаны; въ нихъ не нашли ничего, могущаго сообщить Наполеону тѣ свѣдѣнія, которыхъ онъ непремѣнно желалъ. Однако же по одной статьѣ, любопытство его удовлетворилось; между бумагами Г. Уврара нашли нѣкоторыя, доказывавшія, что онъ давалъ деньги *въ заемъ* Г-жѣ Бонапарте.

Такъ какъ Увраръ имѣлъ много друзей, то они употребили всѣ усилія, дабы найти человѣка, который могъ бы переговорить въ его пользу съ Первымъ Консуломъ; но это было такое порученіе, котораго никто не смѣлъ взять на себя, потому что Бонапарте, будучи предубѣжденъ, счелъ бы всякую попытку, основанною на корыстолюбіи; это было такъ справедливо, что Бертье, котораго нѣкто весьма убѣдительно упрашивалъ вступиться за Г. Уврара, отвѣчалъ: «Никакъ нельзя; онъ скажетъ, что

подъ этимъ скрываются деньги для Г-жи Висконти.»

Непомню, какому обстоятельству Г. Уврарь былъ обязанъ своею свободою, но достовѣрно, что онъ не долго находился въ заключеніи. При выпускѣ его изъ тюрьмы, Бонапарте потребовалъ у него двѣнадцать миліоновъ, въ коихъ Г. Уврарь отказалъ

Сдѣлавшись Консуломъ, Бонапарте засталъ Г. Уврара въ подрядѣ на все продовольствіе Испанскаго флота, предводительствуемаго Г-мъ Малоредо. Это дѣло ввело его въ сношенія со знаменитымъ Княземъ Мира. Подрядъ сей продолжался три года и доставилъ Г. Уврару 15 миліоновъ чистой выгоды. Эта сумма состояла изъ четырехъ миліоновъ піастровъ, полагая по три франка и нѣсколько сантимовъ за піастръ, стоющій 5 франковъ и сорокъ сантимовъ; но для полученія оныхъ по этой цѣнѣ, Г-ну Уврару слѣдовало ѣхать самому въ Мексику, что онъ очень готовъ былъ сдѣлать, но опасался препятствій со стороны Перваго Консула, и не смотря на свою всегдашнюю смѣтливость, пострадалъ чрезъ свои излишнія предосторожности. По просьбѣ его, Г. Талейранъ взялся исходатайствовать у Перваго Консула дозволеніе, дать ему паспортъ. Я былъ въ кабинетѣ, и кажется какъ будто теперь слышу сухое *нѣтъ*, которое Г. Талейранъ по-

лучилъ вмѣсто всякаго отвѣта. Когда мы остались одни съ Первымъ Консуломъ, то онъ сказалъ мнѣ: «Не правда ли Бурiеннъ, что Увраръ славно бы устроилъ дѣла свои съ Княземъ Мира? Но за чѣмъ этотъ глупецъ сталъ просить у меня паспорта чрезъ Талейрана? Это возбудило во мнѣ недовѣрчивость. За чѣмъ было ему не взять паспорта, какъ всѣ дѣлаютъ? Развѣ я даю ихъ. Онъ глупъ, тѣмъ хуже для него.»

Меня тѣмъ болѣе огорчилъ этотъ отказъ, что Г. Увраръ намекалъ мнѣ, что онъ возметъ меня въ долю по дѣламъ своимъ въ Испанiи, и что они будутъ обширны.

Г. Увраръ, задержанный обстоятельствами въ Парижѣ, не могъ ѣхать въ Испанiю, и слѣдовательно въ Мексику. Онъ послалъ своего брата, съ которымъ я видѣлся по его возвращенiи, и который очень основательно разсказалъ мнѣ о томъ, что онъ видѣлъ. Онъ говорилъ мнѣ, что въ казнѣ былъ семдесятъ одинъ милiонъ денегъ, принадлежащихъ Испанской коронѣ. Приведенное имъ обстоятельство, оправдываетъ то, что до сихъ поръ могло быть говорено объ Испанской честности: четыре милiона пiастровъ, назначенные Г. Уврару въ уплату, за поставки его для Испанской эскадры въ Брестѣ, лежали въ особыхъ сундукахъ, на коихъ было надписано, что они принадлежатъ его брату.

Въ 1802 году, ужасный голодъ посѣтилъ Францію; надобно было этому помочь, и Г. Увраръ, вмѣстѣ съ Г-мъ Ванлербергомъ, взялся выписать изъ за границы хлѣба для предупрежденія бунтовъ, столь легко возникающихъ при недостаткѣ съѣстныхъ припасовъ. Въ уплату за этотъ хлѣбъ, торговые домы, оный доставившіе, потребовали съ казны двадцать шесть миліоновъ, по заключенному ими на счетъ сего съ Правительствомъ условію; но по наступленіи срока, Казначейство отказалось платить, отговариваясь неимѣніемъ денегъ. Черезъ полгода имъ предложили сдѣлать уплату, но съ тѣмъ, чтобы Правительство удержало въ свою пользу половину денегъ за коммисію. Поставщики на это не согласились, а Казначейство сочло болѣе выгоднымъ ничего не платить, и такимъ образомъ деньги остались въ долгу.

Связанный столькими выгодами, которыя воля Перваго Консула могла совершенно ниспровергнуть, не взирая на употребленныя для поставокъ суммы, Г. Увраръ, чтобы не поссориться съ Наполеономъ, принялъ еще на себя вмѣстѣ съ Г-мъ Ванлербергомъ поставку для флота въ продолженіе шести лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ; такъ что за всѣ эти поставки, накопилось на казнѣ долгу шестьдесятъ восемь миліоновъ.

Это замедленіе въ уплатѣ денегъ Казначей-

ствомъ, торговыя издержки и проценты на задатки, возвысили болѣе, чѣмъ до сорока миліоновъ суммы, выданныя поставщиками; все это произвелъ ужасный упадокъ кредита въ сношеніяхъ второстепенныхъ поставщиковъ съ тѣми, которые производили дѣла прямо съ Правительствомъ, и этотъ упадокъ кредита, распространясь на Казначейство, причинилъ затрудненія, которыя возрасли вмѣстѣ съ общимъ безпокойствомъ. Увраръ, Ванлербергъ и Сегенъ своими огромными капиталами, своимъ кредитомъ и своими сношеніями, успѣшнѣе всѣхъ могли помочь бѣдѣ Казначейства. Увраръ на свою часть далъ въ заемъ пятьдесятъ миліоновъ, не за-долго до учрежденія Имперіи, но онъ включилъ въ эту сумму двадцать миліоновъ незаплаченныхъ обязательствъ, и сверхъ того потребовалъ по три четверти процента со ста сбавки съ существовавшаго тогда курса. Въ Іюнѣ, почти черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ первый Консулъ принялъ титулъ Императора, Министръ Государственнаго Казначейства опять потребораль ста пятидесяти миліоновъ. Увраръ прибѣгнулъ къ Вандербергу и Сегену для удовлетворенія этимъ новымъ требованіямъ Императорскаго Правительства; и это обстоятельство доставило ему случай, помѣстить въ значительной суммѣ слѣдующія ему уплаты по флоту и по Военному Министер-

ству, которыхъ ему не выдавали. Три товарища внесли такимъ образомъ въ Казначейство сто два миліона, и получили за сіе сто пятьдесятъ миліоновъ облигаціями. Г-нъ Депре взялся получить сто два миліона, и три сотоварища продали ему имѣвшіяся у нихъ облигаціи. Эта передача, не могла быть сдѣлана безъ значительныхъ пожертвованій; но понесенный ими чрезъ сіе убытокъ, ничего не значилъ въ сравненіи съ сорока осмью миліонами обязательствъ, которые они выдали за наличныя деньги, и которые могли не быть полученными, принудивъ тѣмъ Правительство уплатить долгъ для сдѣланія другаго, болѣе значительнаго.

Г. Увраръ заключилъ потомъ съ Министромъ Казначейства на 1805 годъ договоръ, по которому онъ обязался на суммы, доходившія до четырехъ сотъ миліоновъ. Г. Увраръ имѣлъ въ этомъ дѣлѣ еще болѣе счастія, по крайней мѣрѣ по наружности, чѣмъ въ тѣхъ, о которыхъ я говорилъ выше, ибо онъ могъ представлять вмѣсто наличныхъ денегъ, обязательства, получаемыя имъ по поставкамъ флота и Военнаго Министерства, которыя онъ продолжалъ удерживать.

Надобно вспомнить, что Испанія заключила съ Франціею договоръ, которымъ она обязалась заплатить намъ пособія 72 миліона франковъ. Тридцати двумъ миліонамъ миновалъ срокъ,

и какъ Испанія не платила денегъ, то хотѣли было послать Г. Уврара въ Мадритъ для полученія оныхъ. Г. Увраръ, удерживаемый въ Парижѣ такимъ множествомъ связей по дѣламъ, боялся, чтобы отсутствіе его въ особенности не повредило сдѣлкѣ его съ Депре, и ссылался на необходимость быть въ Парижѣ для предупрежденія всего, могущаго случиться. Его успѣли успокоить на счетъ Депре; тогда онъ рѣшился ѣхать въ Мадритъ для полученія тридцати двухъ миліоновъ, о которыхъ я говорилъ. Ихъ перевели на его имя, и онъ до отъѣзда своего внесъ ихъ въ Казначейство. Эта рѣшимость была слѣдствіемъ удостовѣренія, которое далъ Уврару, Г. Барбе-Марбуа, человѣкъ отлично честный въ томъ, что договоръ съ Депре будетъ въ точности выполненъ; и при этой-то поѣздкѣ въ Мадритъ, началось огромное Американское дѣло.

Испанія сама очень бы желала заплатить тридцать два миліона, коимъ минулъ срокъ; Испанская честность даже страдала отъ этой неустойки; но казна была пуста, а доброй воли о уплатѣ долга, было недостаточно для того, чтобы ее наполнить; къ довершенію несчастія, Испанія претерпѣвала въ это время ужаснѣйшій голодъ. Въ этомъ положеніи вещей, Увраръ предложилъ Испанскому Правительству, уплатить Франціи вышеупомянутые 32 миліона, прекратить го-

лодъ и дать еще денегъ Испанской казнѣ. За сіе онъ требовалъ двухъ условій: 1-е. Исключительной торговли съ Америкою и 2-е. Права добывать для себя все золото и серебро, принадлежащее Правительству и дѣлать займы, обеспечиваемые и уплачиваемые Испанскимъ Казначействомъ.

Въ концѣ Іюля 1805 года, стѣсненіе, ощущаемое съ нѣкотораго времени въ финансахъ Европы, страшнымъ образомъ усилилось. При такихъ обстоятельствахъ Уврару тѣмъ болѣе было желательно скорѣе получить уплату тридцати двухъ миліоновъ, выданныхъ имъ Императорскому Казначейству, что съ одной стороны ему сочли только въ три франка піастры, которые стоили по пяти франковъ сорока сантимовъ, а съ другой ему было объявлено, что Казначейство не дастъ ему никакого другаго обеспеченія въ уплатѣ, кромѣ перевода этого долга на Испанію. Увраръ зналъ свое положеніе, ибо уже въ Августѣ мѣсяцѣ Г. Барбе-Марбуа торопилъ его кончить съ Испаніею, говоря ему, что это непосредственно касается его выгодъ. Министръ Казначейства съ благородною своею вѣжливостью, прибавилъ къ тому, что безъ успѣха Американскаго дѣла, онъ не видитъ никакого средства къ удовлетворенію его за выданныя имъ суммы. Испуганный этимъ извѣщеніемъ Увраръ, удвоилъ усилія и успѣлъ

заключить съ Королемъ Карломъ IV-мъ договоръ, въ коемъ было сказано: «Уврару и ком«паніи предоставляется право ввозить во *всѣ* «порты Новаго Свѣта *всѣ* товары и припасы, «нужные *для* потребленія; равно какъ выво«зить изъ *всѣхъ* Испанскихъ колоній, во *все* «продолженіе войны съ Англіею, *всѣ* произве«денія колоній и все золото и серебро, въ иныхъ добываемое.» Договоръ сей долженствовалъ существовать только въ продолженіе войны съ Англіею; при чемъ было условлено, чтобы выгоды, получаемыя отъ дѣйствій Общества, были раздѣляемы по поламъ между имъ и Королемъ Карломъ IV.

Читатели увидятъ послѣдствія этого удивительнаго договора между Государемъ и частнымъ человѣкомъ. Въ слѣдъ за подписаніемъ этого акта, Увраръ получилъ изъ Мадритскаго Казначейства облигацій на 52,500,000 піастровъ, составляющихъ 262,500,000 франковъ; но эти піастры слѣдовало получить въ Америкѣ; а по договору должно было удовлетворить необходимѣйшимъ нуждамъ Испанскаго Правительства, а въ особенности положить конецъ голоду, что требовало новыхъ выдачъ, и выдачъ огромныхъ, ибо Г. Увраръ былъ обязанъ начать поставкою двухъ милiоновъ центнеровъ хлѣба, стоившаго по 26 франковъ за центнеръ. Почему, дабы воспользоваться этими выгодами и

получить уплату выдачъ, сдѣланныхъ Парижскому Казначейству, слѣдовало перевезти піастры въ Европу. Послѣ нѣсколькихъ затрудненій, Англійское Правительство согласилось содѣйствовать исполненію этой операціи, давъ четыре фрегата для перевозки піастровъ.

Увраръ сдѣлалъ еще только начертаніе этимъ огромнымъ операціямъ, когда Императоръ двинулся изъ Булонскаго лагеря на Германію. Можно себѣ представить, какъ Г-ну Уврару было необходимо присутствовать въ Мадритѣ; онъ былъ отозванъ въ Парижъ Министромъ Казначейства, съ коимъ онъ привелъ къ окончанію свои счеты. Императору понадобились деньги на войну, имъ начинаемую; для доставленія оныхъ Казначейству, Увраръ былъ посланъ въ Амстердамъ для заключенія договора съ торговымъ домомъ Гопе; онъ въ этомъ успѣлъ и Г. Давыдъ Паришъ сдѣлался агентомъ этой компаніи.

По исполненіи сего, Увраръ поспѣшилъ возвратиться въ Мадридъ; но посреди самыхъ лестныхъ надеждъ, самыхъ исполинскихъ замысловъ, самыхъ огромныхъ предпріятій, онъ вдругъ подвергся опасности ужаснаго перелома. Г. Депре, допущенный, какъ сказано, къ этому дѣлу Казначействомъ, взялъ на свою отвѣтственность и безъ поручительства Уврара исполнить вышеупомянутый договоръ, касатель-

но выдачи 150,000,000 въ 1804 и 400,000 въ 1805 году. Въ этомъ положеніи Министръ Казначейства счелъ себя въ правѣ потребовать у Г. Уврара отдачи въ его распоряженіе десяти миліоновъ піастровъ, изъ числа полученныхъ имъ отъ Испаніи, Министръ прибавилъ, что этимъ деньгамъ сдѣлано уже назначеніе, и что средства, доставленныя имъ его товарищамъ для облегченія имъ поставки по флоту и по сухопутной части, должны преклонить его къ выдачѣ Казначейству этой суммы 50,000,000 франковъ; что наконецъ, находясь въ такой крайней нуждѣ, онъ могъ считать его согласіе какъ бы даннымъ, надѣясь, что онъ ему не откажетъ.

Затрудненіе Казначейства и честность Министра, побудили Уврара послать 10,000,000 піастровъ. Но чрезъ нѣсколько дней послѣ этой посылки, къ Уврару въ Мадритъ пріѣхалъ чиновникъ Казначейства съ депешею отъ Министра, коею его просили выдать этому чиновнику *всѣ* имѣвшіяся у него въ распоряженіяхъ деньги, и въ тоже время приглашали его въ Парижъ.

Казначейство находилось тогда въ величайшемъ затрудненіи, и тревога сдѣлалась общею. Вотъ тому причины: Казначейство, извѣстило, циркуляромъ, Государственныхъ сборщиковъ, что Г-ну Депре переданы всѣ ихъ облигаціи,

Имъ предоставлялось выслать къ нему въ счетъ всѣ деньги, бывшія въ ихъ распоряженіи. Можетъ быть этимъ сдѣлали большую ошибку; какъ бы то ни было, а Депре, ободренный снисходительностью Казначейства, пригласилъ Государственныхъ сборщиковъ выслать къ нему всѣ деньги, которыя они могли получить съ учетомъ менѣе осми на сто, предлагая сдѣлать имъ изъ этого еще уступку процентовъ. Можно себѣ представить, что на такихъ условіяхъ, и при чрезвычайномъ кредитѣ, коимъ пользовался тогда домъ Депре, имѣвшій притомъ у себя всѣ ихъ облигаціи, Государственные сборщики отправили къ нему значительныя суммы, привезенныя изъ всѣхъ частей Франціи въ сундукахъ. Упоенный этимъ успѣхомъ, Депре пустился въ дѣла, непостижимыя въ его положеніи; онъ далъ въ заемъ Парижскому купечеству болѣе пятидесяти миліоновъ, что произвело въ его кассѣ большой недостатокъ наличныхъ денегъ. Въ необходимости достать ихъ, онъ внесъ въ банкъ тѣ самыя облигаціи сборщиковъ, о которыхъ я говорилъ и которыя были уплачены высланными ему въ счетъ оныхъ суммами. Банкъ обратился къ сборщикамъ, будучи въ необходимости это сдѣлать, когда Депре, вмѣсто наличныхъ денегъ представилъ облигаціи. Не получивъ удовлетворенія, банкъ, столь благородно, столь честно

управляемый, справедливо встревожился и потребовалъ у Депре отчета о его положеніи. Опасенія банка, усилились, и безпокойство его скоро было раздѣлено публикою; наконецъ какой-то финансовый ужасъ овладѣлъ всѣми умами, когда увидѣли, что банкъ остановилъ свои уплаты, и билеты его вдругъ понизились двѣнадцатью на сто.

Устрашенный, какъ можно повѣрить, такимъ положеніемъ дѣлъ въ отсутствіе Императора, Министръ Казначейства составилъ подъ предсѣдательствомъ Іосифа Бонапарте совѣтъ, въ который были призваны Депре и Ванлербергъ. Узнавъ всѣ эти обстоятельства, Увраръ немедленно пріѣхалъ изъ Мадрита въ Парижъ, и обратился къ дому Гопе, который предложилъ ему купить у него пятнадцать миліоновъ піастровъ по 3 франка, 75 сантимовъ за каждый. Увраръ, получившій оные отъ Испаніи по 3 франка, охотно бы отдалъ ихъ по этой цѣнѣ; но положеніе, въ которое онъ былъ приведенъ поспѣшнымъ его отъѣздомъ изъ Мадрита и финансовыя произшествія въ Парижѣ, такъ перемѣнили всѣ отношенія его съ Испанскимъ Казначействомъ, что онъ не могъ сдѣлать никакой выдачи Казначейству Франціи, и эта финансовая тревога продолжилась до тѣхъ поръ, пока вѣсть объ Аустерлицской битвѣ и надежда скораго мира успокоили умы. Банкротство Де-

пре было ужасно и причинило несостоятельность многихъ торговыхъ домовъ въ столицѣ, которые считались самыми надежными, и которые большею частію по справедливости заслуживали славу отличной честности, какъ напримѣръ домъ Г. Герваса, Дюрокова тестя.

Какъ будто для того, чтобы умѣрить гордость, которую долженствовало возбудить въ Императорѣ одержанная имъ побѣда, онъ именно на другой день послѣ Аустерлицской битвы получилъ вѣсть о плохомъ положеніи Казначейства и Банка. Ему уже было извѣстно, что въ финансахъ существуютъ нѣкоторыя затрудненія; но тогда только онъ узналъ всю великость бѣды. Получаемыя имъ многочисленныя, неблагопріятныя донесенія ускорили возвращеніе его во Францію; и въ самый день прибытія его въ Парижъ, онъ отрѣшилъ Г-на Барбе-Марбуа. Строгость этого Министра вооружила противъ него много враговъ, и онъ палъ, обвиненный въ томъ, что подвергъ опасности благосостояніе Государства, тогда какъ онъ могъ упрекнуть себя только въ оказанной имъ поставщикамъ снисходительности, которую сочли тогда за слабость. Даже сама Г-жа Сталь въ эту эпоху сказала въ одномъ обществѣ, гдѣ говорили о строгости Г-на Барбе-Марбуа. « Онъ! это тростникъ, только выкрашенный подъ бронзу!» Какъ бы то ни было, а Наполеонъ ужас-

но прогнѣвался на Г-на Барбе-Марбуа, по отрѣшенiи коего, мѣсто его заступилъ Г. Молльанъ.

Такова была эта страшная финансовая бѣда, которая въ продолженiе Вѣнской кампанiи представляла столь великую противоположность между внутреннею тревогою и внѣшними побѣдами или по крайней мѣрѣ, вотъ то, что я могъ узнать о ней положительнаго. Но для Г. Уврара этимъ еще не кончилось; и при столь великой борьбѣ дѣлъ трудно было чтобы онъ нѣсколько не ощутилъ на себѣ руку Императора, которая не всегда была рукою правосудiя.

Въ Февралѣ 1806 года Императоръ двумя указами объявилъ Уврарда, Ванлерберга и Мишеля старшаго, поставщиковъ 1804 года и Депре агента по этому дѣлу—должными казнѣ восемьдесятъ семь мiлiоновъ, которыя были получены ими съ 19 Августа на поставки и употреблены на частные обороты и на личныя ихъ сдѣлки съ Испанiею. Кто послѣ этого не подумаетъ, что Наполеонъ не принималъ никакого участiя въ обширномъ Американскомъ дѣлѣ. Уже конечно онъ зналъ объ ономъ и сильно; *лично* въ немъ участвовалъ; но по его понятiямъ онъ никогда не могъ быть участникомъ ни въ какомъ дѣлѣ, которое не увѣнчалось полнымъ и совершеннымъ успѣхомъ. На основанiи изданныхъ имъ указовъ, Императоръ по-

велѣлъ захватывать всѣ піастры, всѣ переводы денегъ, принадлежащіе вышеупомянутымъ лицамъ, чрезъ что онъ получилъ большія выгоды, если только такія выгоды могутъ быть сочтены вознагражденіемъ за печальное состояніе, въ которомъ находился нѣсколько времени общественный кредитъ.

Такимъ образомъ въ мгновеніе ока было ниспровергнуто одно изъ величайшихъ комерческихъ предпріятій, которое могло составить желаніе выигрыша при содѣйствіи чрезвычайной смѣлости и большаго искуства. Но сколькимъ неудачамъ подвергаются честолюбцы финансовъ точно такъ, какъ и честолюбцы славы и завоеваній. Товарищъ Короля, готовившійся завладѣть торговлею обоихъ полушарій, менѣе чѣмъ въ два года былъ доведенъ до необходимости пасть подъ ударами жестокаго противъ него гоненія и наконецъ объявить себя несостоятельнымъ, въ одно время со своимъ товарищемъ Ванлербергомъ. Все, что въ бытность свою въ Гамбургѣ, Г. Увраръ разсказалъ мнѣ о своемъ отважномъ поприщѣ и особенно о его большомъ Американскомъ дѣлѣ, показалось мнѣ чрезвычайно занимательнымъ. Сначала проэктъ его показался мнѣ столь гигантскимъ, что я былъ устрашенъ имъ, но признаюсь, что когда Г. Увраръ объяснилъ мнѣ всѣ выгоды онаго и всѣ устроенныя имъ средства

къ исполненію, то я совершенно увлекся. Я не видалъ Г. Уврарда съ 1802 года, когда ему предстояло только ѣхать для полученія упомянутыхъ выше пяти миліоновъ піастровъ, которые Испанія была ему должна за разныя поставки для Испанскаго флота въ Брестѣ.

ГЛАВА VII.

Декларація Лудовика XVIII.—Пересылка оной чрезъ почту.—Требованіе Фуше о доставленіи ему конвертовъ.—Отвѣтъ мой Министру Полиціи.—Надзоръ за Дюмурье.—Гнусная сатира.—Типографія Фошъ-Бореля.—Бернаръ.—Два достопримѣчательныя мошенника.—Доносъ соучастника. — Бой на кладбищѣ.—Лесемпль.—Бумаги, необычайнымъ образомъ спрятанныя.—Мошенникъ, шпіонъ, поддѣльщикъ и убійца, отправленъ въ Парижъ.—Искусный шпіонъ.—Замѣчательная черта мужества и присутствія духа шпіона. — Шефнё. —Приказъ Фуше о наблюденіи за Г. де ла Ферронне и о взятіи его подъ стражу.—Г. де ла Ферронне въ Гамбургскомъ театрѣ.—Предостереженіе, во время сдѣланное.

Я нѣсколько распространился объ огромныхъ предпріятіяхъ Г. Уврарда и бѣдѣ, происшедшей въ финансахъ въ продолженіи Вѣнской кампаніи. Возвращусь теперь въ мой кабинетъ полномочнаго Министра, въ которомъ, могу сказать, что произошли довольно любопытныя вещи. Оставляю предметы, помѣщенные въ от-

даленіи съ тѣмъ однако же, чтобы послѣ сообщить то, что я узналъ изъ моей переписки и отъ Французскихъ путешественниковъ, которыхъ я очень любилъ приглашать къ себѣ, когда они проѣзжали чрезъ мое мѣстопребываніе. Происшествія не всегда будутъ между собою связаны по той, весьма естественной причинѣ, что между получаемыми о разныхъ вещахъ донесеніями не болѣе существуетъ соотношеній какъ и по вступающимъ въ судъ просьбамъ разныхъ челобитчиковъ.

2 Генваря 1806 года, я узналъ о декларацiи Лудовика XVIII, которую многіе Гамбургскіе домы получили чрезъ почту въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Карета Дюмурье была наполнена ими при проѣздѣ его чрезъ Брауншвейгъ. Въ одномъ этомъ небольшомъ городкѣ было распространено до трехъ тысячъ экземпляровъ. Форматъ этого воззванія доставлялъ большое удобство пересылать оное по почтѣ даже во Францію. Полагаю, что даже прежде чѣмъ Французское Правительство было увѣдомлено объ этомъ объявленіи почта повсемѣстно развезла оное; ибо я получилъ отъ Фуше письмо отъ 16 Генваря, при коемъ были приложены три обертки, заключавшія въ себѣ декларацію *Претендента*. Министръ просилъ меня чтобы я прислалъ ему какъ можно побольше такихъ обертокъ. Предвидя, что это требованіе Мини-

стра Полиціи имѣетъ ту цѣль, чтобы принять въ послѣдствіи суровыя мѣры противъ людей, которые провинятся только тѣмъ, что распечатаютъ надписанный на ихъ имя пакетъ, не зная о содержаніи онаго,— я отвѣчалъ Фуше, что нахожусь въ невозможности прислать ему такихъ обертокъ и увѣдомить его, въ какихъ городахъ онѣ были заклеймованы, ибо 1-е при разсылкѣ этой прокламаціи поостереглись прямо адресовать ее; 2-е не водится беречь съ писемъ конверты, особенно если много ихъ получаешь; и 3-е въ Германіи много есть городовъ, которые не имѣютъ особаго клейма для писемъ, адресованныхъ въ другой городъ той же земли, а клеймо прикладывается только на тѣхъ письмахъ, которыя идутъ за границу.

Что касается до Дюмурье, за всѣми дѣйствіями коего Министръ въ письмахъ своихъ подтверждалъ мнѣ наблюдать, о немъ также мало было слышно, какъ будто бы онъ во все не существовалъ. Роля его ограничивалась распространеніемъ разныхъ книжекъ, болѣе или менѣе важныхъ.

Уже въ концѣ 1805 года Германія, а особенно Ганзейскія области были наводнены бранными сочиненіями. Въ эту эпоху и прежде воззванія Лудовика XVIII, явилась противъ Императора гнусная сатира подъ заглавіемъ: *Bonaparte der du bist im Himmel, geheiligt werde*

dein Nahme. Rome, in der Pabstlichen Buchdrukery.

По моему требованію Сенатъ отдалъ строжайшія приказанія, дабы воспрепятствовать распространенію этой позорной книжки, которой нельзя привести выраженій, не оскорбивъ всѣхъ приличій. Я никакъ не могъ узнать сочинителя этой гнусной сатиры.

Фошъ-Борель печаталъ почти всѣ издаваемыя въ Берлинѣ бранныя сочиненія противъ Франціи. Я имѣлъ повелѣніе непремѣнно настаивать, чтобы Сенатъ приказалъ взять его подъ стражу, въ случаѣ еслибы онъ пріѣхалъ въ Гамбургъ. Фошъ-Борель былъ представленъ человѣкомъ безпокойнымъ, дѣйствующимъ всегда противъ Франціи, подъ предлогомъ услуги Бурбонамъ, и какъ кознодей, тѣмъ болѣе опасный, что его никакъ невозможно было захватить; — его не дурно изобразили.

Въ этихъ обстоятельствахъ, Министръ Полиціи увѣдомилъ меня, что нѣкто Дранобъ письменно просилъ у него позволенія, сообщить ему важныя открытія; Министръ желалъ, чтобы я освѣдомился объ этомъ человѣкѣ. Два мѣсяца я не отвѣчалъ ему; надобно было время чтобы хорошенько все развѣдать. Наконецъ 25 Февраля 1806 года, я могъ подробно сообщить ему о *Лесемплѣ* и *Дранобѣ*, составившихъ заговоръ противъ жизни Императора.

Представляю исторію этихъ двухъ человѣкъ вниманію моихъ читателей ибо думаю, что мало есть примѣровъ болѣе смѣлыхъ и столь искусныхъ плутовъ.

Имя *Драновъ* было анаграмою его настоящаго имени *Бонардъ*; сверхъ того онъ назывался *Рандоломъ*, *Бардономъ* и разными другими именами. Вѣроятно, узнавъ, что я велѣлъ его отыскивать, онъ явился ко мнѣ съ доносомъ на сообщника своего Лесемпля. Этотъ Бонаръ назывался въ Англіи Леклеркомъ, а въ Гамбургѣ принялъ имя Делона. Въ 1797 или въ 1798 году, онъ убѣжалъ въ женскомъ платьѣ изъ тюрмы Консіержери; мнѣ онъ выдалъ себя за отставнаго Офицера легкой Артиллеріи; я рѣдко видывалъ такого хитраго мошенника.

Пріѣхавъ въ Гамбургъ въ началѣ 1805 года для исполненія, по словамъ его, обязательствъ, заключенныхъ имъ и Лесемплемъ съ Англійскимъ Правительствомъ, Бонаръ счелъ, что донести на своего товарища, будетъ для него выгоднѣе и вѣрнѣе, чѣмъ подвергаться съ нимъ опасностямъ заговора. Онъ представилъ мнѣ многія бумаги, долгое время имъ скрываемыя. Эти бумаги, весьма легко написанныя, хранились въ небольшой очень тонкой и очень искусно сдѣланной жестяной трубочкѣ, длиною въ шесть дюймовъ. Трубочка пряталась въ такое мѣсто, гдѣ ее невозможно было отыскать,

и которое я даже не смѣю означить. Въ ней была также изъ закаленаго металла пилочка, которая рѣзала желѣзо, какъ ножъ рѣжетъ бумагу. Парижская Полиція открыла это средство многихъ мошенниковъ. Всѣ бумаги, представленныя мнѣ Бонардомъ, были писаны рукою Лесемпля и доказывали его преступные замыслы. Онѣ заключали извлеченія изъ переписки, которую имѣли между собою Лесемпль и Бонаръ; а дабы довѣршить изображеніе союза этихъ двухъ злодѣевъ Бонаръ разсказывалъ мнѣ, что поссорясь съ Лесемплемъ предъ отправленіемъ своимъ изъ Гарвича, они подрались на городскомъ кладбищѣ ножами, которые имъ подали въ шинкѣ. Пересказывая мнѣ объ этой ужасной сценѣ, Бонаръ вдругѣ сдернулъ съ себя платье и показалъ мнѣ у себя на правомъ боку большую рану, изъ которой текла еще кровь. Я содрогнулся. Представьте себѣ человѣка чрезвычайно сильнаго, ростомъ пяти футъ семи дюймовъ, показывающаго мнѣ окровавленную грудь свою, открывающаго ужасный замыселъ, отъ котораго онъ отказался, не попричинѣ раскаянія, но отъ мысли, что доносъ будетъ для него выгоднѣе чѣмъ исполненіе; читающаго мнѣ бумаги, спрятанныя такимъ необычайнымъ образомъ;— и посудите въ какомъ положеніи я находился.

Въ то время, когда Бонаръ донесъ мнѣ на

Лесемпля, этотъ послѣдній отправился въ Голландію. По увѣренію Бонарда, что Лесемпль скоро возвратится въ Гамбургъ, я принялъ всѣ возможныя предосторожности, дабы задержать его тотчасъ по прибытіи. Отсутствіе его было очень продолжительно и я началъ уже безпокоиться о томъ, что онъ вовсе не пріѣдетъ, когда узналъ, что при проѣздѣ чрезъ Русскую и Англійскую армію, онъ былъ задержанъ по подозрѣнію въ шпіонствѣ. Наконецъ 17 Февраля вечеромъ Лесемпль пріѣхалъ въ Гамбургъ, а 19 былъ взятъ подъ стражу подъ именемъ Дреша, которое онъ носилъ при своихъ поѣздкахъ. Всѣ его бумаги, изъ которыхъ онъ ни одной не успѣлъ скрыть, были опечатаны. Я самъ допросилъ его, и показанія его удостовѣрили меня въ точности ужасныхъ подробностей, сообщенныхъ мнѣ Бонардомъ. Въ портфелѣ Лесемпля, между прочими бумагами находились три написанные имъ самимъ паспорта, которые онъ употреблялъ въ своихъ путешествіяхъ; и вексель, также имъ сдѣланный. Сверхъ того нашли у него множество свертковъ съ надписью 50 *луидоровъ*, плотно запечатанныхъ, но наполненныхъ мѣдью и кошелекъ съ жетонами тогоже металла. Онъ употреблялъ ихъ для обмана банкометовъ на игрѣ. Онъ вмѣстѣ былъ мошенникъ, шпіонъ, поддѣльщикъ и убійца.

Я обѣщалъ Бонарду отправитъ его свободнымъ въ Парижъ для личнаго донесенiя Министру Полицiи. Но такiе люди не проведутъ дня въ какомъ нибудь мѣстѣ не осрамивъ себя преступленiемъ. Бонаръ, обвиненный въ соучастiи по многимъ, происшедшимъ въ Гамбургѣ кражамъ, былъ потребованъ къ Начальнику Полицiи, и какъ онъ имѣлъ причины бояться этого свиданiя, то скрылся, но былъ чрезъ нѣсколько дней пойманъ и подъ крѣпкою стражею отправленъ въ Парижъ.

Трудно себѣ вообразить какое мужество и присутствiе духа можно найти въ этихъ презрѣнныхъ людяхъ, посвятившихъ себя шпiонскому ремеслу. У меня былъ агентъ по имени Шефнё, всегда отличавшiйся своимъ искуствомъ и точностью. Долго не получая отъ него извѣстiй, я началъ безпокоиться и не безъ основанiя. Онъ точно былъ задержанъ въ Лауенбургѣ и со связанными руками и ногами отвезенъ Козаками въ Люнебургъ. При немъ нашли донесенiе, которое онъ сбирался ко мнѣ отправить и онъ спасся отъ вѣрной смерти, единственно потому что имѣлъ одобрительное письмо отъ одного Гамбургскаго купца, хорошо извѣстнаго Г-ну Алопеусу, Русскому Министру въ Гамбургѣ. Эта, взятая мною предосторожность спасла ему жизнь. Г. Алопеусъ написалъ къ этому купцу, что по его письму шпiонъ освобожденъ, но

что въ другой разъ какъ онъ, такъ и тотъ кто за него поручится, такъ дешево не отдѣлаются. Не смотря на это одобрительное письмо Шефнё заплатилъ бы головою за свое опасное ремесло, еслибъ его не спасло непостижимое хладнокровіе, обнаруженное имъ при этомъ ужасномъ случаѣ. Хотя найденное при немъ донесеніе и было надписано на имя купца Шрамма, но возъимѣли сильное подозрѣніе, что оно назначалось мнѣ. На вопросъ, знаетъ ли онъ меня, Шефнё смѣло отвѣчалъ, что никогда меня не видывалъ. Старались всѣми возможными средствами исторгнуть у него это признаніе, но не успѣли въ этомъ. Это постоянное запирательство и имя Г-на Шрамма заставило усомниться тѣхъ, которые допрашивали Шефнё: они боялись осудить невиннаго. Однакожъ испытали еще послѣдній способъ для узнанія истины. Шефнё, приговоренный къ разстрѣлянію былъ выведенъ на поле близь Люнебурга; въ ту минуту, какъ стоя съ завязанными глазами, онъ услыхалъ уже предварительную команду стрѣлять по немъ, къ нему подошелъ человѣкъ и тихо сказалъ ему на ухо, показывающимъ участіе, дружескимъ голосомъ: «Сей часъ выстрѣлятъ; но я твой другъ; скажи только, что ты знаешь Г. Буріенна, и ты спасенъ. — Нѣтъ,» отвѣчалъ Шефнё твердымъ голосомъ, «я бы солгалъ.» Въ эту минуту повязка спала съ

глазъ его и онъ получилъ свободу. Трудно найти черту присутствія духа, болѣе необычайную.

Не все пріятно въ дипломатической должности, даже въ самой возвышенной. Если хоть не много имѣть философіи, то дорого платишь за блестящій по наружности видъ, въ коемъ являешься предъ глазами публики. Въ этомъ званіи, еще болѣе тягостномъ, чѣмъ высокомъ, находишь однакоже истинное утѣшеніе когда имѣешь случай сдѣлать добро, или по крайней мѣрѣ устранить зло. Даже еще и нынѣ съ удовольствіемъ воспоминаю о томъ, что я бралъ на себя въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

Фуше отъ 17 Марта 1806 года, строжайше предписалъ мнѣ наблюдать за Г-мъ де ла Ферроне. Мнѣ представляли его человѣкомъ очень предпріимчивымъ и очень опаснымъ, совершенно преданнымъ Дому Бурбоновъ. Вышеупомянутый агентъ мой Шефнё отправился въ Парижъ, куда его потребовалъ Министръ Полиціи, которому расхвалили его способности. Онъ былъ отправленъ изъ Парижа въ Брауншвейгъ, мѣстопребываніе Г-на де ла Ферроне. Онъ долженъ былъ наблюдать за его поступками и ежедневно доносить мнѣ объ оныхъ. Этотъ шпіонъ скоро подделался къ Г. де ла Ферроне и къ друзьямъ его. Мнѣ предписано было сообщать Правительству всѣ получаемыя отъ

него свѣдѣнія и я давалъ ему по 500 франковъ въ мѣсяцъ. Шефнё донесъ прямо Министру Полиціи, что Г. де ла Ферроне сбирается въ Англію и что онъ проѣдетъ чрезъ Гамбургъ. Я тотчасъ получилъ приказаніе задержать Г. де ла Ферроне при проѣздѣ и отправить его во Францію. Погибель его была неизбѣжна, еслибъ я исполнилъ это приказаніе Г. де ла Ферроне взялъ три хорошія предосторожности: вопервыхъ онъ ѣхалъ не подъ своимъ именемъ; выдавалъ себя за Секретаря Лорда Киннерда, дѣйствительно признавшаго его въ этомъ званіи; и наконецъ, онъ только проѣхалъ чрезъ Гамбургъ, поспѣшно отправясь въ Альтону. Г. де ла Ферроне, о которомъ многіе бывшіе въ Гамбургѣ эмигранты съ похвалою отзывались, возбудилъ во мнѣ большое участіе; я очень обрадовался, узнавъ что онъ въ Альтонѣ, въ безопасности отъ мѣръ, принятыхъ противъ него Полиціею; но онъ сдѣлалъ неосторожность, которая едва его не погубила и могла бы очень мнѣ повредить. Однажды, когда я находился въ театрѣ, Начальникъ Полиціи, которому я сообщилъ примѣты Г. де ла Ферроне, прося его извѣстить меня предъ взятіемъ его подъ стражу, если онъ гдѣ нибудь покажется, подошедъ ко мнѣ сказалъ, что Г. де ла Ферроне въ театрѣ и что онъ намѣренъ его задержать; тогда онъ указалъ мнѣ близъ оркестра молодаго че-

ловѣка въ пудрѣ, котораго мнѣ легко было узнать по описанію, сдѣланному мнѣ моимъ агентомъ Шефнё. Я желалъ спасти его; но какъ было успѣть въ томъ послѣ такого неосторожнаго поступка? Я сказалъ Начальнику Полиціи, что его должно задержать но чтобы вѣрнѣе успѣть въ томъ, не помѣшавъ представленію, я пойду самъ для взятія нѣкоторыхъ предосторожностей, а его, Начальника Полиціи, прошу обождать въ моей ложѣ. Я тотчасъ вышелъ и попросилъ одного вѣрнаго человѣка сказать незамѣтнымъ образомъ Г-ну де ла Ферроне, чтобы онъ какъ можно скорѣе вышелъ изъ театра. Возвратясь въ мою ложу, я увидѣлъ, что Г. де ла Ферроне получилъ извѣщеніе, отъ меня ему сообщенное. «Теперь,» сказалъ я Начальнику Полиціи, «исполняйте вашу обязанность.» Онъ вышелъ для того, чтобы отдать ему приказаніе, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ затворить дверь моей ложи, Г. де ла Ферроне былъ уже на Альтонской дорогѣ.

ГЛАВА VIII.

Необходимость бдительнаго надзора въ Гамбургѣ. — Сосѣдство Короля Шведскаго.—Донъ-Кихотъ Вестфальскаго трактата. —Гнѣвъ Короля Шведскаго и бюлетени его *большой арміи* —Докторъ Галлъ.—Пруссія желаетъ получить Гамбургъ.—Англо-Россіяне и замыслы на Голландію.—Частая посылка курьеровъ. — Непріязненное расположеніе Россіи къ Франціи.—Донесеніе мое Г-ну Талейрану.—Гг. Форшманъ и Алопеусъ. — Попытки къ возстановленію мира.— Неизбѣжность войны.—Неблагопріятственное расположеніе къ Французамъ.—Г. Фоксъ, правящій Британскимъ кабинетомъ.—Убійца, обнаруженный Наполеону Г-мъ Фоксомъ. —Порученіе, данное Лорду Ярмуту.—Отвѣтъ предложеній Наполеона. — Возрастающее его честолюбіе.—Порученныя мнѣ переговоры безъ надежды успѣха. — Покровительство Наполеона, предложенное Ганзейскимъ городамъ. — Требованіе шести милліоновъ.—Вѣжливый отказъ.—Размышленія о Ганзейскихъ городахъ.—Гамбургъ и Эльба. — Честность Гамбургцевъ.

Гнушаясь шпіонствомъ и шпіонами, я не могу однакоже не признать, что Императоръ

бымъ въ необходимости поддерживать самый дѣятельный надзоръ посреди козней, устроиваемыхъ въ окрестностяхъ Гамбурга особенно тогда, какъ Англичане, Шведы и Русскіе находились еще подъ ружьемъ и когда было столько причинъ сомнѣваться въ искренности Пруссіи. Дѣйствительно вотъ обзоръ положенія этихъ Державъ относительно земель, коихъ Гамбургъ могъ считаться какъ бы средоточіемъ.

Пятаго Генваря 1806 года Король Шведскій находился съ войсками своими у воротъ Гамбурга. Сенатъ этого города, окруженнаго со всѣхъ сторонъ Англо-Шведо-Русскими, опредѣлилъ послать къ Королю Депутатовъ съ поздравленіемъ. Государь сей долго не рѣшался, принять ли ему покорность города Гамбурга. Тамъ страшились получить отказъ, за которымъ вѣроятно послѣдовала бы какая нибудь насильственная выходка Короля Шведскаго. Наконецъ Депутатамъ было позволено явиться. Они тотчасъ отправились и воротились довольными.

Тогда Король Шведскій офиціяльно объявилъ, *что всѣ сдѣланныя на счетъ Ганновра распоряженія,* (*), *до него не относятся ибо Шведская армія состоитъ подъ непосредственнымъ предводительствомъ своего Августѣйшаго Государя.*

(*) Рѣчь шла объ уступкѣ сей области Королю Прусскому въ замѣну двухъ Маркграфствъ.

Казалось, что Король вознамѣрился, со всѣми десятью тысячами человѣкъ играть ролю возстановителя Германіи и сдѣлаться Донъ-Кихотомъ Вестфальскаго трактата. Онъ грозилъ Гамбургскому Сенату всѣмъ своимъ гнѣвомъ за снятіе по моему требованію надписи съ дома Австрійскихъ наборщиковъ. Этотъ бѣдный Гамбургскій Сенатъ былъ въ безпрестанной тревогѣ имѣя такого опаснаго сосѣда.

Король Шведскій продолжалъ держать свою главную квартиру въ Бётценбургѣ на сѣверномъ берегу Эльбы. Для разсѣянья онъ пригласилъ къ себѣ Доктора Галла, который находился въ Гамбургѣ, гдѣ онъ излагалъ свою систему, отвергнутую сначала лжемудріемъ и предразсудками но принятую потомъ въ слѣдствіе его доводовъ, по моему мнѣнію неоспоримыхъ, объ устройствѣ мозговыхъ органовъ. Я имѣлъ удовольствіе жить нѣсколько времени съ Докторомъ Галломъ и думаю, что существовавшей между нами дружбѣ я обязанъ за честь, которую онъ мнѣ сдѣлалъ посвященіемъ мнѣ своихъ сочиненій. Я сказалъ ему, при отправленіи его въ главную квартиру Короля Шведскаго: «Любезный Докторъ, вы вѣрно найдете у него огромный органъ тщеславія.» По правдѣ сказать, еслибъ ученому Доктору было дозволено ощупать головы тогдашнихъ Государей

Европы, то онъ бы могъ прекрасно изучить по онымъ черепословіе.

Король Шведскій былъ не одинъ сосѣдъ, возбуждавшій безспокойство въ Гамбургѣ: Король Прусскій угрожалъ овладѣть онымъ, и Министръ его вездѣ открыто говорилъ, что этотъ городъ скоро будетъ принадлежать его Государю. Онъ выхваливалъ выгоды для Гамбурга этого занятія: тогда Король уплатитъ значительные долги города; подъ его покровительствомъ онъ не будетъ уже претерпѣвать притѣсненій, коимъ онъ безпрестанно подвергался. Не смотря на эти прекрасныя рѣчи, Гамбургцы сильно огорчались этою угрозою и дѣйствительно, этотъ торговый городъ болѣе всего долженъ былъ страшиться потери своей независимости. Притомъ же Англія никогда бы не согласилась на такое занятіе, которое заперло бы для нея Эльбу, лишивъ ее чрезъ то одной изъ богатѣйшихъ конторъ и одной изъ важнѣйшихъ точекъ, откуда она приводила въ дѣйствіе пружины своей политики. Съ тѣхъ поръ какъ Гановръ не былъ болѣе занятъ Французскими войсками, онъ сдѣлался для Англіи какъ бы торжищемъ набора рекрутъ, гдѣ Англичане вербовали всѣхъ людей являвшихся для наполненія Гановрскаго Легіона, ими вновь составленнаго. Они сыпали золото полными руками, и устроили обозъ изъ ста пятидесяти фуръ въ шесть лошадей, что утвер-

дило меня въ мысли, которую я уже прежде имѣлъ, что Англичане вмѣстѣ съ Русскими собираются идти на Голландію. При первыхъ признакахъ, я извѣстилъ о томъ Императора съ нарочнымъ курьеромъ. Мнѣ было приказано нисколько не скупиться на счетъ этого способа быстрѣйшей переписки, и Богъ знаетъ сколько нарочныхъ я отправилъ и получилъ въ продолженіе бытности моей въ Гамбургѣ. Цѣль Англо-Россіянъ состояла въ томъ, чтобы сдѣлать диверсію движеніямъ Французскихъ войскъ въ Германіи; ибо они еще не знали о заключенномъ въ Пресбургѣ мирѣ, а притомъ Русскіе послѣ Аустерлицской битвы не объявили о прекращеніи непріязненныхъ дѣйствій. Голова Русской арміи скоро достигла Аффсреберга въ четырехъ миляхъ отъ Бремена; всѣ эти соединенныя войска шли чрезъ Епископство Оснабрукское; посему не должно было терять ни минуты для принятія всѣхъ оборонительныхъ мѣръ, какія имѣлись въ Голландіи. Но не этою экспедиціею я долженъ теперь заняться; я стараюсь только дать понятіе о нашемъ положеніи въ Гамбургѣ посреди Шведскихъ, Англійскихъ и Русскихъ войскъ, которыя облегали насъ со всѣхъ сторонъ.

Россія въ эту эпоху находилась въ самомъ непріязненномъ расположеніи къ Франціи; но Наполеонъ бодрствовалъ, и его не легко было

захватить въ расплохъ. Всѣ внѣшнiе агенты безпрестанно извѣщали Правительство о непрiятельскихъ движенiяхъ. 10 Марта я послалъ Г. Талейрану донесенiе о движенiяхъ Россiянъ въ Бродахъ, въ Вильнѣ, въ Австрiйской Молдавiи и въ Прусской Польшѣ; означивъ въ ономъ мѣста гдѣ Русскiе съ наибольшею дѣятельностью устроивали укрѣпленiя, равно какъ имена начальствующихъ Генераловъ, число людей въ Корпусахъ и словомъ сказать всѣ свѣдѣнiя, которыя можно было достать. Все, происходившее тогда на Сѣверѣ доказывало, что Германiя скоро будетъ театромъ новой войны.

Въ эту эпоху Русскiй Министръ въ Гамбургѣ былъ смѣненъ. Мѣсто Форшмана заступилъ Г. Алопеусъ, Россiйскiй Министръ въ Берлинѣ, человѣкъ отлично умный и искусный.

Не смотря на предстоявшую войну, которую я считалъ не избѣжною, я узналъ, что были сдѣланы нѣкоторыя попытки къ заключенiю всеобщаго мира; но я слишкомъ вблизи видѣлъ вещи для того, чтобы хотя на минуту возъимѣть какую либо надежду въ этомъ отношенiи. Въ самыхъ не важныхъ дѣлахъ я видѣлъ доказательства непрiязни, внушаемой Францiею всѣмъ иностранцамъ.

Я часто получалъ отъ Морскаго Министра письма и пакеты для отсылки на Иль-де-Франсъ, о сохраненiи коего Императоръ очень заботил-

ся. Мнѣ очень было трудно склонять корабельщиковъ, отправлявшихся въ эту колонію, къ исполненію порученій Декре. Что же касается до мира, то мысль о возможности онаго была возбуждена смертью Питта, а особенно вступленіемъ Г. Фокса въ Министерство. Всѣмъ было извѣстно, что этотъ сановникъ, наслѣдовавъ портфёль Питта, не наслѣдовалъ съ тѣмъ вмѣстѣ жестокой ненависти его къ Франціи и къ Императору; между ими существовало взаимное уваженіе и дѣйствительно Г. Фоксъ показалъ искреннее расположеніе договариваться о мирѣ. Возможность достигнуть онаго, всегда его занимала, даже и тогда какъ онъ былъ въ оппозиціи съ Г-мъ Питтомъ Самъ Бонапарте, движимый высокимъ своимъ уваженіемъ къ Фоксу, могъ бы быть преклоненъ къ сдѣланію какихъ нибудь уступокъ. Но встрѣчались два, почти непредвидимыя препятствія. Первымъ изъ оныхъ было убѣжденіе со стороны Англіи въ томъ, что этотъ миръ будетъ только болѣе или менѣе продолжительнымъ перемиріемъ, и что Бонапарте не перестанетъ каждый день стараться о достиженіи своей очевидной цѣли, всемирнаго владычества. Съ другой стороны полагали, что Наполеонъ имѣетъ намѣреніе вторгнуться въ Англію. Еслибъ онъ могъ сіе сдѣлать, то это было бы менѣе для пораженія въ самое сердце ея торговли и для уменьшенія ея мор-

ской силы, превосходившей Французскую — чѣмъ для уничтоженія тамъ свободы тисненія, которую онъ искоренилъ на другой сторонѣ пролива. Зрѣлище свободнаго народа, отдѣляемаго только шестью милями моря, было по его мнѣнію всегда соблазнительно для Французовъ и безпрестанно подстрекало тѣхъ, которые не охотно покорялись его игу.

Въ первые дни Министерства Фокса явился къ нему одинъ Французъ съ предложеніемъ умертвить Императора. Министръ сей, тотчасъ извѣстилъ о томъ Г. Талейрана, присовокупивъ, что Англійскіе законы не дозволяютъ долго держать въ тюрьмѣ иностранца, не сдѣлавшаго никакого преступленія; но что онъ беретъ на себя задержать этого бездѣльника столько чтобы Глава Французскаго Правительства, извѣщенный объ этомъ, могъ имѣть время для принятія мѣръ противъ его злодѣйскихъ покушеній. Г. Фоксъ, въ письмѣ своемъ къ Талейрану, между прочимъ говорилъ, что онъ сначала сдѣлалъ было этому человѣку *честь, принявъ его за шпіона*: — слова, довольно показывавшія негодованіе Англійскаго Министра. Это благородное извѣщеніе сдѣлалось ключемъ, открывшимъ врата къ новымъ переговорамъ. Императоръ приказалъ Талейрану отвѣчать Г. Фоксу, сообщивъ Англійскому Министру, что онъ вполнѣ чувствуетъ всю цѣну его поступка, показываю-

щаго чего можно ожидать отъ кабинета, управляемаго на основаніи такихъ правилъ. Наполеонъ не ограничился этою дипломатическою вѣжливостью; онъ счелъ этотъ случай благопріятнымъ, дабы заставить еще разъ повѣрить искренней его любви къ миру. Онъ призвалъ въ Парижъ Лорда Ярмута одного изъ знатнѣйшихъ Англичанъ въ числѣ тѣхъ, которые столь несправедливо были задержаны плѣнниками въ Вердёнѣ при разрывѣ Аміенскаго мира. Онъ поручилъ ему предложить Британскому Правительству вступить въ переговоры, вызываясь самъ признать въ пользу Англіи владѣніе мысомъ Доброй Надежды и островомъ Мальтою. Эта сговорчивость подала инымъ поводъ къ превозношенію умѣренности Наполеона; между тѣмъ какъ другіе порицали его за сдѣланную имъ столь большую уступку, какъ будто бы Мысъ Доброй Надежды и островъ Мальта могли служить вознагражденіемъ за Императорскій титулъ, за основаніе Королевства Италіи, за пріобрѣтеніе Генуи и всѣхъ Венеціянскихъ владѣній, за лишеніе Короля Неаполитанскаго престола, отдачу онаго Іосифу, и наконецъ за данное Германіи новое устройство, что все было сдѣлано послѣ Аміенскаго трактата. Объ этихъ вещахъ Наполеонъ ни слова не упоминалъ и уже конечно не захотѣлъ бы отъ нихъ отступиться.

Въ письмахъ, получаемыхъ мною изъ Парижа, часто излагались надежды на миръ; но я не могъ раздѣлять ихъ: я слишкомъ хорошо зналъ Наполеона для того, чтобы вѣрить искренности Императора, особенно послѣ успѣха Вѣнской кампанiи, который еще болѣе усилилъ его честолюбiе, ибо оно возрастало въ соразмѣрности съ тѣмъ, какъ было удовлетворяемо.

Каждый день я видѣлъ новыя доказательства этого ненасытнаго честолюбiя. Дѣйствительно Наполеонъ тогда уже возъимѣлъ желанiе овладѣть Ганзейскими городами; видя Бременъ, Любекъ и Гамбургъ беззащитными посреди Державъ, которыя не производя существенно войны могли питать мысль объ овладѣнiи этими тремя городами, послѣдними убѣжищами оставленными свободѣ во всей Германiи; зная, какую цѣну будетъ имѣть, въ особенности городъ столь богатый, столь цвѣтущiй какъ Гамбургъ, онъ вздумалъ, не вдругъ овладѣть ими, а предложить или лучше сказать, продать имъ свое покровительство. И такъ сначала мнѣ поручено было вступить въ переговоры съ Сенатами трехъ Ганзейскихъ городовъ, давъ имъ почувствовать, сколь для нихъ будетъ выгодно, если въ замѣну покровительства Наполеона, эти города согласятся сдѣлать въ его пользу небольшое пожертвованiе шестью милiонами. Я не упустилъ ничего для успѣха въ этихъ перего-

ворахъ, хотя зная расположеніе умовъ и неимѣлъ никакой надежды на удачное окончаніе оныхъ. Я долженъ былъ съ важностью увѣрять Гамбургскихъ сановниковъ въ томъ, что они выиграютъ все чрезъ покровительство Императора; что безопасность ихъ на вѣки утвердится подъ защитою столь могущественнаго покровителя, и что небольшое пожертвованіе, котораго онъ отъ нихъ требовалъ, ничего не значило въ сравненіи со спокойствіемъ которымъ они будутъ пользоваться. Я имѣлъ по этому предмету много совѣщаній съ градоначальниками; сначала они нашли, что сумма слишкомъ велика; они представляли мнѣ, что богатство города очень уменшилось съ тѣхъ поръ, какъ война стѣсняла его торговлю, наконецъ Сенатъ заключилъ тѣмъ, что и я бы на его мѣстѣ сдѣлалъ: онъ со всевозможною осторожностію объявилъ мнѣ, что обстоятельства не позволяютъ ему принять *великодушное* предложеніе Императора.

Я признаться самъ не постигалъ, какъ могли дать мнѣ такое порученіе, ибо ничего нельзя было привести основательнаго на счетъ пользы его для Ганзейскихъ городовъ. Противъ кого Бонапарте предлагалъ имъ покровительствовать? Пруссія, Швеція, Россія и Англія конечно могли имѣть и вѣроятно имѣли желаніе овладѣть ими, но это самое желаніе общее всѣмъ четы-

ремъ Державамъ, составляло ихъ безопасность: еслибъ одна изъ нихъ покусилась овладѣть ими, то очевидно, что прочiя три тому бы воспротивились. Самая Францiя, занимающая уже Ганзейскiе города представляла обеспеченiе равное тому, которое могло имъ доставить открытое и довольно дорого заплаченное покровительство. Главное дѣло было въ томъ, что Наполеону тогда уже хотѣлось овладѣть Ганзейскими городами, что онъ и исполнилъ черезъ четыре года послѣ того.

Въ продолженiе пяти лѣтъ видѣлъ я, сколь важны Ганзейскiе города, а особенно Гамбургъ. Я убѣдился, что географическое его положенiе; выгоды доставляемыя оному большою рѣкою, его орошающею; плаванiе по оной большихъ кораблей до самаго города въ тридцати миляхъ отъ устья Эльбы; совершенная независимость, тамъ царствующая; и гражданское, отеческое его Правительство были причинами, коихъ совокупность возвысила Гамбургъ на ту степень удивительнаго благосостоянiя, до которой достигъ этотъ городъ. Дѣйствительно, какое было народонаселенiе Гамбурга, Бремена и Любека, остатковъ великаго раздѣленiя Ганзы въ среднихъ вѣкахъ? Въ бытность мою тамъ, въ Гамбургѣ было девяносто тысячъ жителей, а на небольшомъ пространствѣ земли ему принадлежащей двадцать пять тысячъ. Въ Бреме-

нѣ считалось тридцать шесть тысячъ душъ, а на землѣ его восемь тысячъ. Въ Любекѣ, гдѣ городъ менѣе великъ, а земля болѣе обширна чѣмъ въ Бременѣ, было двадцать четыре тысячи жителей внутри стѣнъ и шестнадцать тысячъ внѣ оныхъ. Такимъ образомъ народонаселеніе всѣхъ Ганзейскихъ городовъ ограничивалось двумя стами тысячами жителей и эта горсть людей, раздѣленныхъ на три небольшія области, производила необъятную торговлю, коей купеческіе корабли плавали по всѣмъ морямъ до такой степени, что поѣздка въ Индію или опасная экспедиція въ моряхъ Гренландскихъ считалась тамъ не больше какъ прогулкою.

Эльба сдѣлала Гамбургъ самымъ удобнымъ мѣстомъ складки товаровъ Германіи. Эта прекрасная рѣка доставляла туда всѣ произведенія промышленности и земледѣлія Востока и Юга; въ обмѣнъ чего промышленность и земледѣліе получали тамъ всѣ произведенія земли, которыя вкусъ къ роскоши и къ излишествамъ сдѣлалъ необходимыми для потомковъ древнихъ Германцевъ, также какъ и для всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ. Отличнѣйшая честность въ торговыхъ сношеніяхъ, въ ручательствахъ и въ товариществѣ внушила общую довѣренность всѣмъ, производившимъ дѣла съ жителями Ганзейскихъ городовъ. Когда увидятъ добровольныя, а чаще

того принужденныя пожертвованія, которыя эти небольшія области дѣлали до присоединенія ихъ къ Великой Имперіи, то нельзя не подивиться, какъ при такомъ малолюдствѣ оныя могли быть произведены.

ГЛАВА IX.

Пожалованіе новыхъ Принцевъ. — Благосостояніе Императорской фамиліи.—Ни миръ, ни война. — Себастіани въ Константинополѣ и успѣхъ его порученія.—Лордъ Лаудердаль въ Парижѣ.—Г. де Шампаньи и Кларкъ въ Лондонѣ. — Вознагражденіе за Пресбургскій трактатъ. — Вексель въ семь миліоновъ.—Прекращеніе пансіоновъ эмигрантамъ. — Козни Дюмурье.—Нерѣшимость Принца Меклембургскаго.—Шверинскаго.—Графъ Паоли, Питтъ и Фоксъ.—Луазо.—Умыселъ убійства, отвергнутый Графомъ Жимелемъ.—Задержаніе Луазо.—Отсылка его въ Парижъ. — Приказъ о строгомъ наблюденіи за Мартелли.—Я беру его къ себѣ въ агенты.—Аббатъ Лажарръ.—Услуги и искуство Мартелли.

Императоръ прибылъ въ Парижъ въ концѣ Генваря 1806 года. По пріѣздѣ своемъ онъ узналъ, что войска его занимаютъ Мальту. Надѣлавъ Королей въ Германіи, онъ счелъ что пора уже ему окружить свой престолъ новыми Принцами. Въ эту то эпоху онъ пожаловалъ Мюрата Великимъ Герцогомъ Клевскимъ и Берг-

скимъ, Бернадота Княземъ Понте-Корво, Талейрана Герцогомъ Беневентскимъ, а двухъ прежнихъ своихъ товарищей Камбасереса и Лебрёна Герцогами Пармскимъ и Пiаченскимъ. Сестрѣ своей Полинѣ, недавно вышедшей вторично за мужъ за Принца Боргезе, онъ далъ Герцогство Гвасталу. Дивное стеченiе обстоятельствъ! Кто бы могъ тогда предвидѣть, что Герцогство Камбасереса, сдѣлается убѣжищемъ Принцессы Австрiйской, вдовы Наполеона прежде его смерти?

Посреди благосостоянiя Императорскаго Дома, когда старшiй братъ Наполеона готовился уже возсѣсть на Неаполитанскiй престолъ, въ ожиданiи пока Лудовикъ получитъ Голландiю, а Iеронимъ обмѣнитъ свою законную жену на беззаконный Вестфальскiй престолъ, нѣкоторыя безпокойства посѣтили изголовье Императора. Война не существовала на дѣлѣ мѣжду Державами твердой земли, ибо съ той и съ другой стороны не дрались, а только наблюдали другъ за другомъ. Однакоже это положенiе временнаго отдыха не имѣло въ себѣ ничего похожаго на спокойствiе мира. Францiя была въ войнѣ съ Россiею и съ Англiею. Положенiе твердой земли казалось очень ненадежнымъ. Русскiе потихоньку вооружались. Вѣнскiй договоръ былъ только отчасти исполненъ. Наполеонъ обратилъ взоры на Востокъ. Въ началѣ Маiя онъ послалъ Гене-

рала Себастіани въ Константинополь. Мѣры, принятыя Генераломъ и искусное его поведеніе оправдали выборъ Императора. Онъ обладалъ ловкостью и даромъ убѣжденія: миръ съ Турками былъ слѣдствіемъ его поѣздки. Переговоры съ Англіею не имѣли столь же счастливой развязки, хотя однако же послѣ перваго донесенія Лорда Ярмута, Лордъ Лаудердаль былъ посланъ въ Парижъ Г-мъ Фоксомъ, а Гг. Шампаньи и Кларкъ отправились въ Парижъ для мирныхъ переговоровъ. Изъ этихъ переговоровъ ничего не воспослѣдовало.

Императоръ получилъ отъ Австріи огромныя суммы не считая вазъ, статуй и картинъ, коими онъ украсилъ Лувръ, и бронзы, облекшей колонну Вандейской площади, прекраснѣйшаго по моему мнѣнію, памятника его царствованія. Такъ какъ Австрія была истощена, то всѣ наложенныя на нея подати не могли быть уплачены наличными деньгами и Императоръ получилъ часть оныхъ векселями. Ко мнѣ былъ присланъ одинъ, почти въ семь миліоновъ на Гамбургъ, данный въ слѣдствіе условій Пресбургскаго договора. Императоръ повелѣлъ мнѣ, получивъ по оному деньги, прислать ихъ въ Парижъ. Генералъ Барбу, думая что эти деньги собраны съ Гамбурга, сталъ жаловаться на то, что я оставляю его въ нуждѣ; я сообщилъ ему изъ какого источника шли эти деньги, присо-

вокупивъ что мнѣ именно приказано тотчасъ отправить ихъ въ Парижъ. Въ тоже время я увѣдомилъ его что Король Шведскій все еще находится въ Ратцбургѣ, но что комедія, которую онъ уже четыре мѣсяца играетъ, приходитъ къ концу и что онъ скоро возвратится въ Швецію, потерявъ болѣе трети своей арміи чрезъ побѣги.

Дѣла Французскихъ Принцевъ Бурбонскаго Дома становились день отъ дня менѣе благопріятными и финансы ихъ такъ были стѣснены, что Брауншвейгскимъ эмигрантамъ было объявлено, что Претендентъ не имѣетъ болѣе средствъ производить имъ пансіоны, которые съ этой минуты были всѣ прекращены, что чрезвычайно огорчило эмигрантовъ, изъ коихъ нѣкоторые не имѣли другихъ средствъ къ существованію и не смотря на преданность свою къ Королю, не были недовольны тѣмъ, что она поддерживалась платою.

Между этими эмигрантами находился одинъ, коего имя займетъ мѣстечко въ исторіи. Я говорилъ уже о немъ: это былъ Дюмурье, который устроивалъ козни и распространялъ повсюду бранныя сочиненія. Онъ находился тогда въ Стральзундѣ, и полагали что Король Шведскій дастъ ему начальство. Бродяжничество этого Генерала, который бѣгалъ повсюду, прося какъ милостины оружія противъ своего оте-

чества и ни отъ кого не получая онаго, сдѣлало его предметомъ посмѣянія.

Дабы прекратить споры на счетъ Голландіи, которую Дюмурье мечталъ завоевать съ мнимою арміею, Императоръ, будучи при томъ не доволенъ и тѣмъ что Голландцы не запирали портовъ своихъ отъ Англичанъ съ тою строгостью, какой онъ требовалъ,—отдалъ Голландское Королевство брату своему Лудовику, о чемъ я буду подробнѣе говорить при описаніи сношеній моихъ въ послѣдствіи съ Гортензіею, которая разсказала мнѣ всѣ огорченія Лудовика и свои собственныя.

Когда я сообщилъ всѣмъ Государствамъ Нижне-Саксонскаго Округа о восшествіи Лудовика на Голландскій престолъ и о назначеніи Кардинала Феша помощникомъ и преемникомъ Архиканцлера Германской Имперіи, то одинъ только Герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій не отвѣчалъ мнѣ и я узналъ, что онъ на счетъ сего испрашивалъ разрѣшенія въ С. Петербургѣ. Въ тоже время онъ сообщилъ Императору о бракосочетаніи своей дочери Принцессы Шарлотты-Фридерики съ Принцемъ Христіаномъ-Фридрихомъ Датскимъ.

Трудно было въ эту эпоху предвидѣть, какой оборотъ получитъ союзъ сей. Принцъ, молодой, пріятный и красивый наружностью былъ одаренъ превосходнымъ характеромъ и все возвѣщало въ немъ хорошаго мужа. Что касается

до Принцессы, то она была мила какъ ангелъ но нѣсколько легкомысленна и избалована; она обожала своего мужа и союзъ ихъ былъ много лѣтъ очень счастливъ. Я имѣлъ честь знать ихъ въ ту эпоху, когда Герцогъ Меклембургскій пріѣхалъ искать убѣжища въ Альтону со всѣмъ своимъ семействомъ. Герцогиня Меклембургская, Принцесса Саксонская посѣтила жену мою и очень благосклонно обошлась съ нею. Эта Принцесса заслужила общую любовь и всѣ жалѣли когда черезъ два года послѣ того, смерть похитила ее у ея семейства. Передъ выѣздомъ изъ Альтоны Герцогъ Меклембургскій давалъ праздники, прощаясь съ Голштейномъ, гдѣ онъ такъ хорошо былъ принятъ. Мнѣ и женѣ моей предоставлялись первыя мѣста: словомъ сказать мы были осыпаны знаками благосклонности всей этой фамиліи; ее составляли наслѣдный Принцъ, отличавшійся своимъ умомъ и свѣдѣніями; онъ овдовѣлъ имѣвъ въ супружествѣ Великую Княжну Россійскую, сестру Императора Александра; Принцъ Густавъ, исполненный пріятностей и любезности; наконецъ Принцесса Шарлотта и мужъ ея наслѣдный Принцъ Датскій. Эта счастливая чета никакъ не предвидѣла, что черезъ два года она навсегда разлучится. Принцесса находилась тогда въ полномъ блескѣ красоты своей; для нея дали на берегу Эльбы нѣсколько праздниковъ;

на которыхъ Принцъ открывалъ балъ съ Г-жею Буріеннъ. Принцесса Шарлотта, не смотря на свою любезность, не могла пріобрѣсти любви Датскаго Двора; противъ нея стали устроивать придворныя козни.

Возвращаюсь къ эпохѣ 1806 года. Изданіе оскорбительныхъ для Франціи сочиненій, все еще поощрялось. Графъ Паоли-Шаньи издавалъ на Сѣверѣ журналъ подъ заглавіемъ: *Политическія Лѣтописи XIX вѣка.* Пока Г. Питтъ былъ Министромъ, Графъ Паоли получалъ ежегодно 500 фунтовъ стерлинговъ за редакцію этого журнала; но когда мѣсто Питта заступилъ Фоксъ, то издателю *Лѣтописей* было объявлено, что съ 1 Іюля 1806 года пансіонъ, выдаваемый ему Г-мъ Питтомъ, прекратится, и что онъ ничего не будетъ получать за изданіе своего журнала. Графъ Паоли подалъ на Англійскаго Министра просьбу, ссылаясь на условіе свое съ Г. Питтомъ, по которому онъ долженъ былъ получать по 500 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, пока будетъ издавать этотъ журналъ. Но просьба его не была уважена и лишась средствъ къ изданію своихъ бранныхъ статей, онъ принужденнымъ нашелся замолчать.

Враги Французскаго Правительства не ограничивались одними только письменными и печатными ругательствами. Не одинъ бездѣльникъ точилъ кинжалъ на Императора. Въ числѣ ихъ

былъ нѣкто Лудовикъ Луазо. Недавно пріѣхавъ изъ Лондона, онъ поселился въ Альтонѣ, дабы воспользоваться страннымъ преимуществомъ этого города давать убѣжище всѣмъ разбойникамъ, ворамъ и банкротамъ, которые хотѣли спастись отъ правосудія своего Правительства. 17 Іюля Луазо явился къ Графу де Жимели, жившему въ Альтонѣ и повѣренному въ дѣлахъ Графа Лильскаго. Онъ предложилъ ему отправиться въ Парижъ для умерщвленія Императора. Графъ Жимель съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе и отвѣчалъ Луазо, что если онъ не имѣетъ другихъ средствъ служить Бурбонамъ кромѣ подлаго убійства, то отправлялся бы искать себѣ другихъ сообщниковъ. Это обстоятельство, о которомъ я узналъ на вѣрное отъ одного изъ друзей Графа Жимеля, слышавшаго объ ономъ отъ него самаго, равно какъ и буйныя рѣчи Луазо, заставили меня рѣшиться взять его подъ стражу. Не имѣя для исполненія сего никакихъ Полицейскихъ средствъ, я приказалъ надежному агенту безпрестанно находиться на гульбищѣ, отдѣляющемъ Гамбургъ отъ Альтоны и когда Луазо перейдетъ на Гамбургскій участокъ земли, то чтобы онъ постарался завести съ нимъ ссору, за которую ихъ бы взяли обоихъ въ ближайшую Гамбургскую караульню. Луазо дался въ обманъ, но увидѣвъ, что его сбираются вести изъ караульни въ Гам-

бургскую тюрьму и узнавъ, что онъ взятъ подъ стражу по моему требованію, онъ тотчасъ снялъ съ себя галстукъ, изорвалъ зубами бывшія въ немъ бумаги и проглотилъ часть оныхъ. У него были также бумаги подъ мышками; онъ покушался было также ихъ изорвать, но не успѣлъ; пятеро солдатъ, составлявшіе его стражу, бросились на него; раздраженный Луазо началъ противъ нихъ защищаться, нанесъ имъ нѣсколько жестокихъ ударовъ и былъ отведенъ въ тюрьму не прежде, какъ по полученіи легкой раны. При входѣ въ тюрьму, первое его слово было: *Я погибъ!*

Луазо говорилъ въ письмѣ своемъ къ Г. Бово, которому онъ писалъ на имя Аббата Сента, на Кинзингтонской площади No 5, что онъ не хотѣлъ явиться къ повѣренному Претендента; но такъ хорошо былъ имъ принятъ, что даже не смѣетъ признаться въ томъ своему Кореспонденту. Луазо былъ препровожденъ въ Парижскую Полицію. Не знаю, какому жребію подвергся этотъ бездѣльникъ; но можно понадѣяться, что Фуше привелъ его въ невозможность вредить.

По отсылкѣ Луазо въ Парижъ, я получилъ оттуда приказаніе имѣть строгое наблюденіе и даже задержать человѣка, по имени Мартелли, котораго обвиняли въ сочиненіи сатиры на Императора и на Французскихъ Генераловъ. Ему

также приписывали участіе въ сдачѣ Тулона Англичанамъ. Потребовавъ къ себѣ Мартелли, я сообщилъ ему, въ чемъ его обвиняютъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ никогда не былъ въ Тулонѣ, что уѣхалъ за границу изъ Марселя; чтоже касается до сатиры, то ее сочинилъ братъ его, находившійся тогда въ Португаллии. Я сдѣлалъ ему пространный допросъ и узналъ, что онъ долго жилъ въ Англіи. Замѣтивъ его смѣтливость, я намекнулъ ему, что онъ можетъ оказать Франціи услуги въ Англіи. Я остался доволенъ, сообщенными имъ мнѣ свѣдѣніями, хотя онъ объяснялся сомнительно, приписывая это времени, протекшему съ отъѣзда его изъ Лондона.

Удостовѣрясь, сколько при такихъ обстоятельствахъ было возможно, въ его вѣрности, я рѣшился послать его въ Лондонъ и сообщилъ ему то, о чемъ Французское Министерство желало узнать. Передъ отъѣздомъ своимъ, Мартелли сказалъ мнѣ, чтобы я не удивлялся если найду въ Англійскихъ журналахъ, что либо въ его пользу или противъ его; что все это будетъ клониться къ достиженію цѣли его порученія. Онъ объявилъ также, что по его мнѣнію нужно было бы очень наблюдать въ Парижѣ за Аббатомъ *Лажарромъ*, служащимъ по Министерству Внѣшнихъ Сношеній. Этотъ Лажарръ, бывшій любовникъ Графини Сен-Мартенъ, ко-

торая потомъ жила съ Дюмурье, имѣлъ съ нею переписку и черезъ него то узнавали въ Англіи обо всемъ, происходящемъ во Франціи. Мартелли желалъ, чтобы Лажарра не обнаруживали до возвращенія его изъ Лондона. Человѣкъ, съ которымъ Мартелли имѣлъ знакомство въ Лондонѣ и отъ котораго онъ получилъ это свѣдѣніе, былъ Адъютантъ Дюмурье, Кавалеръ Дюбленъ, который наскучивъ своимъ образомъ жизни, пламенно желалъ помириться со своимъ отечествомъ и опять туда пріѣхать. Къ нему то Мартелли сбирался отправиться. Въ минуту отъѣзда своего въ Гузумъ, Мартелли получилъ отъ Кавалера Дюблена письмо, которое онъ далъ мнѣ прочесть. Этотъ послѣдній писалъ ему, что Дюмурье скоро возвратится на твердую землю (*), и что готовится большая экспедиція въ Голландію или въ Гановръ, но вѣроятнѣе въ послѣдній. Мартелли видѣлся со многими Французскими эмигрантами въ Альтонѣ и даже получалъ отъ нихъ въ Лондонѣ письма, коими его поручали нѣкоторымъ изъ главныхъ особъ этой партіи. Мартелли отправился въ Лондонъ. Я многое чрезъ него узналъ и не смотря на подозрѣнія, сообщенныя мнѣ на его счетъ Министромъ Полиціи, онъ служилъ мнѣ съ большою вѣрностью и съ рѣдкимъ искуствомъ.

(*) Дюмурье дѣлалъ частыя поѣздки въ Англію.

ГЛАВА X.

Угрозы Пруссіи. — Несовмѣстность предложенныхъ условій.— Статья о возвращеніи Ганновра Англіи. — Воинственный духъ Пруссіи. — Разрывъ переговоровъ съ Англіею.—Первый Полководецъ новѣйшихъ временъ.—Г. Якоби въ Гамбургѣ.—Полученный имъ приказъ отправиться въ Лондонъ. —Начало враждебныхъ дѣйствій между Франціею и Пруссіею.—Вѣсть о великой побѣдѣ, полученная въ Гамбургѣ. —Ауерштетская битва.—Прибытіе Герцога Брауншвейскаго въ Гамбургъ. — Герцогиня Брауншвейская.—Огорченіе эмигрантовъ.—Бернадотъ въ Гамбургѣ —Даву и Бернадотъ. —Росбахская конница. — Шведы въ Любекѣ. — Маіоръ Амель. — Изъявленіе мнѣ признательности Гамбургскимъ Сенатомъ.

Мы приближались къ той минутѣ, когда война долженствовала вновь обагрить кровью Германію и, по мѣрѣ какъ надежды на миръ исчезали, Пруссія усиливала свои угрозы. Воспоминанія о Фридрихѣ Великомъ волновали ее; миръ былъ для нея ненавистенъ; мѣры ея,

до тѣхъ поръ довольно скромныя, вдругъ сдѣлались грозными, какъ только она узнала что Министры Англійскаго Короля объявили въ Парламентѣ, что Франція отдаетъ ему обратно Гановръ. Французское Министерство старалось внушить Пруссіи, что эта отдача есть новый шагъ къ миру и ей обѣщали за то полное вознагражденіе. Но Прускій Король, зная сколь Гановрскій Домъ желаетъ владѣть этою древнею областью, доставлявшею Англіи вѣсъ въ Германіи, счелъ себя обманутымъ и рѣшился воевать. Въ эту эпоху Пруссія дышала войною. Общественный духъ, особенно у молодежи былъ сильно раздраженъ. Король желалъ сдѣлаться освободителемъ Германіи; посему Пруссія отвергла всѣ предложенія о вознагражденіи ее за Гановръ. Она знала, что Наполеонъ двадцать разъ пожертвуетъ ею дабы получить миръ съ Англіею, которая всегда вооружала противъ него твердую землю; и что даже самый этотъ миръ, которому Пруссія содѣйствовала бы чрезъ уступку Гановра, обратился бы противъ нея, доставя Наполеону удобнѣйшія средства, послѣ угнетать ее.

Въ этихъ обстоятельствахъ, какъ Лордъ Лаудердаль былъ отозванъ изъ Парижа своимъ Правительствомъ, не взирая на личное уваженіе Питтова преемника къ Императору, то мы остались въ войнѣ съ Англіею и были близки

къ войнѣ съ Пруссiею. Берлинскiй кабинетъ даже прислалъ свои условiя, заключающiя въ себѣ очень неосторожныя выраженiя и почти могущiя быть принятыми за вызовъ на бой. Характеръ Наполеона извѣстенъ, а потому можно себѣ представить, какъ раздражили его эти условiя. Бертье, находившiйся въ Минхенѣ, убѣждалъ его ѣхать для предубѣжденiя Пруссiи. Императоръ, послѣ осмимѣсячнаго пребыванiя въ Парижѣ, проведеннаго въ надеждахъ на миръ и въ сомнительныхъ переговорахъ, отправился 25 Сентября на Рейнъ.

Мы имѣемъ такiя превосходныя сочиненiя объ этомъ знаменитомъ Саксонскомъ походѣ, что мнѣ нѣтъ нужды входить въ подробности объ этихъ великихъ воинскихъ подвигахъ. Я скажу о нихъ только то, что относится къ общественнымъ событiямъ и къ нѣкоторымъ особеннымъ обстоятельствамъ. Кто не вспомнитъ, какими исполинскими шагами первый полководецъ новѣйшихъ временъ прошелъ чрезъ Пруссiю и водрузилъ свое знамя въ столицѣ Фридрига Великаго?

Г. Якоби, Прусскiй Министръ въ Лондонѣ, оставался въ Гамбургѣ съ явнымъ безпокойствомъ. Видя, что переломъ между Францiею и Пруссiею приближается, Г. Якоби чувствовалъ необходимость союза Пруссiи съ Англiею, дабы имѣть подпору и особенно денежныя пособiя.

Англія была тогда, какъ будто банкомъ, открытымъ для всѣхъ нашихъ непріятелей. Г. Якоби надѣялся, что онъ учредитъ Конгрессъ съ Г. Алопеусомъ Русскимъ Министромъ въ Штокгольмѣ и съ Г-мъ Піерпонтомъ, Англійскимъ Министромъ при томъ же дворѣ; но Г. Алопеусъ не пріѣхалъ въ Гамбургъ, Г. Піерпонтъ отбылъ въ Швецію и Конгрессъ не состоялся.

1 Октября, пріѣхавшій изъ главной квартиры курьеръ привезъ Г-ну Якоби приказаніе немедленно отправиться въ Лондонъ. Онъ на другой же день уѣхалъ на кутеръ, нарочно для того присланный; предъ отъѣздомъ своимъ онъ увѣрялъ меня, что пособіе, которое получитъ Пруссія, будетъ состоять изъ шестнадцати миліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Онъ не имѣлъ благопріятнаго мнѣнія о предстоящей борьбѣ съ Франціею. Когда я заговорилъ съ нимъ о Гановрѣ, то онъ сказалъ мнѣ, что однимъ изъ условій сближенія Пруссіи съ Англіею, будетъ *возвращеніе* этой области Англіи.

Враждебныя дѣйствія между Франціею и Пруссіею начались 10 Октября 1806 года. Я потребовалъ у Сената запрещенія набора рекрутъ Прусаками. Извѣстіе о новой большой побѣдѣ, одержанной Императоромъ 14 Октября надъ Прусскою арміею, пришло въ Гамбургъ 19 числа чрезъ частныя письма и чрезъ бѣглецовъ, но съ подробностями, столь темными и

столь противорѣчащими, съ такимъ преувеличеніемъ сдѣланной Французами потери Генераловъ, Офицеровъ и солдатъ, что до 28 Октября, пока пришло офиціяльное извѣстіе, ибо всѣ пути сообщенія были заперты, мы не знали, должно ли намъ радоваться или скорбѣть о Іенской побѣдѣ. Мы однакоже могли заключить о бѣдственномъ положеніи Прусской арміи по всеобщему бѣгству на Сѣверъ Германіи изъ тѣхъ земель, которыя занимали побѣжденныя войска. Альтона была наполнена бѣглецами, которые даже и въ Гамбургѣ не считали себя безопасными.

Герцогъ Брауншвейскій, тяжело раненый въ Ауерштадтской битвѣ, прибылъ 29 Октября въ Альтону; онъ былъ семидесяти двухъ лѣтъ и отягченъ немощами. Вступленіе его въ этотъ городъ было новымъ разительнымъ примѣромъ превратности фортуны. Увидѣли Владѣтельнаго Принца, пользовавшагося высокою военною славою, нѣкогда могущественнаго и спокойнаго въ своей столицѣ, а теперь побѣжденнаго и смертельно раненаго, внесеннаго въ Альтону на жалкомъ одрѣ десятью человѣками, безъ Офицеровъ, безъ слугъ; сопровождаемаго толпою ребятишекъ и бродягъ, бѣгущихъ за нимъ изъ любопытства; положеннаго въ дурномъ трактирѣ и до такой степени убитаго горестью и утомленіемъ, что на другой день по его прибытіи, вездѣ распространил-

ся слухъ о его смерти. Несчастный Герцогъ приказалъ тотчасъ пригласить къ себѣ доктора Унцера для облегченія жестокихъ страданій, причиняемыхъ ему раною. Въ немногіе дни, которые Герцогъ Брауншвейгскій прожилъ послѣ полученія имъ раны, онъ не допускалъ къ себѣ никого, кромѣ своей супруги, пріѣхавшей къ нему 1-го Ноября. Онъ скончался 10 числа этого мѣсяца.

Смерть сего Принца мало сдѣлала впечатлѣнія: производимая въ Германіи великая война занимала всѣ умы. Немногіе Французскіе эмигранты, пользовавшіеся благодѣяніями Герцога, были въ отчаяніи. Со дня Іенской битвы, способности этого Принца очень ослабѣли. Онъ служилъ Пруссіи съ 1792 года, и съ сего времени никогда неотставалъ отъ системы этого двора. Жестокія воззванія, изданныя имъ противъ Франціи заставили считать его однимъ изъ непримиримѣйшихъ нашихъ враговъ.

Г. Монжуа расположился по сосѣдству съ Герцогомъ Брауншвейгскимъ. Онъ очень соболѣзновалъ о положеніи этого Принца равно какъ и Г. де ла Ферроне, возвратившійся въ Альтону вѣроятно для того чтобы этимъ доказать Герцогу свою признательность за благородное гостепріимство, оказанное ему этимъ Принцемъ. Въ этотъ разъ Г. де ла Ферроне не пріѣзжалъ въ Гамбургъ, чему я очень былъ радъ; ибо

врядъ ли бы ему удалось также счастливо отдѣлаться какъ въ первый прiѣздъ его.

Въ эту эпоху Бернадотъ возвратился въ Гамбургъ. Я спросилъ его объяснить мнѣ, правда ли будто бы онъ отказался итти съ Даву изъ Наумбурга для нападенiя на Прусскую армiю, а послѣ не пошелъ къ нему на помощь при атакѣ Прусаковъ на Веймарской дорогѣ. «Мнѣ писали,» сказалъ я Бернадоту, «что вы не участвовали въ Ауерштедтской битвѣ; я этому не повѣрилъ. Но вы читали бюлетень, въ которомъ помѣщено будто бы Бонапарте сказалъ о васъ въ Наумбургѣ при многихъ Офицерахъ: *Еслибъ за это дѣло я отдалъ его подъ военный судъ, то онъ былъ бы разстрѣлянъ. Не буду говорить ему объ этомъ, но не скрою отъ него мой образъ мыслей. Онъ слишкомъ благороденъ, для того чтобы не сознаться, что онъ сдѣлалъ постыдное дѣло.*»—«Очень вѣрю,» отвѣчалъ мнѣ Бернадотъ, «что онъ способенъ сказать эти слова. Онъ меня ненавидитъ, потому что знаетъ, что я не люблю его; но пусть онъ только заговоритъ мнѣ объ этомъ: я ему отвѣчу. Я Гасконецъ, но онъ еще больше меня Я могъ обидѣться тѣмъ, что Даву вздумалъ мною почти повелѣвать; но я исполнилъ долгъ свой.»

Говорятъ, что Императоръ, по прибытiи на поле Россбакскаго сраженiя, слѣдуя изъ Менебурга въ Галлъ, означилъ точку, гдѣ должен-

ствовала находиться колонна, воздвигнутая Фридрихомъ Великимъ и направленіе, которое слѣдовало взять для того, чтобы оной достигнуть. Я легко этому вѣрю: онъ въ высшей степени обладалъ совершеннымъ знаніемъ взаимной позиціи двухъ армій въ день битвы. Онъ приказалъ снять колонну. Признаюсь, что это противно чувствамъ, которыя мнѣ въ немъ были извѣстны. Онъ надѣялся когда я еще былъ при немъ, что памятники побѣдъ его будутъ пощажены.

Въ началѣ Ноября Шведы вступили въ Любекъ; но 8 числа того же мѣсяца городъ былъ взятъ приступомъ и какъ эти Шведы, такъ остатки корпуса уцѣлѣвшіе отъ Іенскаго сраженія, попали въ плѣнъ.

Прусскій отрядъ подошелъ на четыре мили къ Гамбургу и городъ сей уже готовился къ сильному сопротивленію, еслибъ Прусаки вздумали вступить въ оный, какъ Маіоръ Амель атаковалъ ихъ въ Цолленспикерѣ и многихъ взялъ въ плѣнъ. Но городъ Гамбургъ былъ вновь встревоженъ намѣреніемъ Маіора Амеля вступить въ оный со всѣми его плѣнниками, несмотря на признанный нейтралитетъ этого города.

Услуга, которую я оказалъ при этомъ случаѣ жителямъ Гамбурга, могу сказать немаловажна. Судьба Любека очень была способна

устрашить всякой разъ когда возвѣщали о приближеніи Французскихъ войскъ. Этотъ несчастный городъ, по взятіи его обратно, былъ преданъ ужасамъ разграбленія, да и на самаго Маіора Амеля нельзя было много понадѣяться. Онъ былъ партизанскій вождь, въ полномъ смыслѣ этого слова, и воевалъ болѣе для своихъ собственныхъ выгодъ, чѣмъ для содѣйствія успѣхамъ арміи. Отрядъ его состоялъ только изъ сорока человѣкъ; но ихъ очень было достаточно для приведенія въ ужасъ и для разграбленія сосѣдственныхъ деревень. Притомъ же онъ былъ чрезвычайно смѣлъ, и когда, съ этою горстью людей онъ бросился въ Гамбургъ, то добрые жители подумали что за нимъ слѣдуетъ двадцатитысячный корпусъ. Онъ забиралъ и грабилъ все по дорогѣ, имъ проходимой; онъ велъ съ собою триста плѣнниковъ и множество лошадей, отнятыхъ дорогою. Вечеромъ явился онъ у городскихъ воротъ. Оставивъ своихъ людей и добычу въ послѣдней деревнѣ, онъ одинъ въѣхалъ въ городъ и явился въ домъ Французскаго Посольства. Меня не было дома; но за мною тотчасъ послали и часовъ въ семь вечера я увидѣлся съ Маіоромъ. Никогда невидывалъ я человѣка, могущаго служить живописцу лучшимъ образцемъ для изображенія разбойника. Я не удивился, узнавъ, что при входѣ его ко мнѣ, видъ его, голосъ и

длинные усы, перепугали всѣхъ бывшихъ въ комнатѣ. Онъ разсказалъ мнѣ подвиги свои по большимъ дорогамъ и не скрылъ отъ меня замысла своего на другой день ввести шайку свою въ Гамбургъ; онъ упоминалъ о банкѣ, о разграбленіи; долгое время я тщательно старался отклонить его отъ мысли грабежа, льстившей его воображенію, но наконецъ рѣшительно сказалъ ему: Знаете ли вы, Милостивый Государь, что это будетъ неугодно Императору: въ продолженіе семи лѣтъ, проведенныхъ мною при его особѣ, я всегда видѣлъ его негодующимъ на тѣхъ, которые увеличивали для несчастныхъ жителей бѣдствія, неразлучныя съ войною. Воля Императора есть, чтобы не было дѣлаемо никакого вреда, никакого ущерба городу Гамбургу и землямъ его.» Этотъ краткій окрикъ подѣйствовалъ сильнѣе всѣхъ моихъ увѣщаній, ибо одно имя Императора приводило въ трепетъ самыхъ храбрыхъ. Тогда Маіоръ Амель заговорилъ о желаніи продать свою добычу, для полученія вмѣсто оной денегъ. Это касалось Сената, который по совѣщаніи имѣлъ слабость дозволить ему продать съ публичнаго торга лошадей и все имъ награбленное, на другой день въ ближней отъ Гамбурга деревнѣ. Сенату такъ хотѣлось поскорѣе избавиться отъ незванаго гостя, что онъ самъ купилъ у него часть добычи и далъ ему людей для препро-

вожденія плѣнныхъ. Я уже послѣ узналъ, что между лошадьми, похищенными на дорогѣ были лошади Графини Вальмоденъ; еслибъ меня заранѣе о томъ увѣдомили, то я бы заставилъ возвратить ихъ ей. Г-жа Вальмоденъ жила тогда въ Гамбургѣ, и семейство мое было съ нею очень дружно. На другой день по уходѣ Маіора Амеля, Сенатъ написалъ мнѣ слѣдующее письмо:

«Сенатъ чрезвычайно чувствителенъ къ без-«покойству, которое Его Превосходительству «Г-ну Буріенну, Французскому Министру, угодно «было принять на себя при содѣйствіи ему для «устраненія всякихъ непріятностей, которыя «могли произойти во время нахожденія отряда «Маіора Амеля съ большимъ числомъ плѣнныхъ «въ нашихъ окрестностяхъ.

«Чѣмъ болѣе слѣдствія какого либо насилія «или безпорядка отъ войскъ, незнающихъ на-«шего языка могли повредить нейтралитету сего «города и сдѣлаться оному пагубными, тѣмъ «сильнѣе Сенатъ чувствуетъ цѣну дружбы Его «Превосходительства, коего великодушныя уси-«лія столь успѣшно помогли старанію Сената «поддержать свой нейтралитетъ и предупредить «всякій непріятный случай, могшій нарушить «спокойствіе города. Сенатъ за удовольствіе по-«ставляетъ увѣрить Его Превосходительство, что «чувство признательности за его одолженія, «раздѣляемо всѣми гражданами сего города и

«что совѣтъ Старѣйшинъ собрался въ Сенатъ «именно для того чтобы изъявить свою благо«дарность Его Превосходительству.

«Сенатъ съ радостью, представляя Его Пре«восходительству это изъявленіе чувствъ, столь«ко же искреннее, какъ всеобщее, проситъ не «оставить его своимъ содѣйствіемъ и въ дру«гихъ случаяхъ, касающихъ поддержанія его «нейтралитета. Онъ имѣетъ честь засвидѣтель«ствовать Его Превосходительству; и проч. и проч.

ГЛАВА XI.

Нужда въ покровительствѣ и пожертвованія Гамбурга.—Послѣдствія, извѣстныя прежде причинъ.—Затруднительность моего положенія.—Свѣдѣнія, сообщенныя мною Правительству.—Услуги, оказанныя Англійскому Министру.—Наименованіе меня Министромъ Короля Неаполитанскаго.—Подчиненіе почтъ Французскому управленію.—Благоволеніе за то Наполеона.—Попытка Барона Грота у Ганзейскихъ городовъ.—Тщетный замыселъ Сѣвернаго Союза.—Девизъ Ганзейскихъ городовъ.—Доброта ихъ Правительства.—Объявленіе въ Монитёрѣ.—Маршалъ Мортье.—Занятіе Гамбурга именемъ Императора.—Берлинскій указъ.—Военное управленіе Гамбургомъ.—Поправленная ошибка на счетъ Маршала Брюна.—Генералъ Мённо и Бернадотъ.—Строгости, смягченныя Княземъ Понте-Корво.

Видя приближеніе войны и страшась за свое политическое существованіе, Гамбургскій Сенатъ нѣсколько разъ обращался ко мнѣ съ просьбою о покровительствѣ Франціи, а я сказалъ, какую цѣну Императоръ за оное требо-

валъ. Я сдѣлалъ представленіе противъ этого требованія, истинно неисполнимаго; городъ Гамбургъ не могъ заплатить шести миліоновъ, послѣ сдѣланныхъ уже имъ огромныхъ пожертвованій, особенно тогда какъ въ слѣдствіе Императорскихъ указовъ, Эльба и Везеръ были заперты и блокированы и когда Англичане занимали Кукегавенскій портъ, что почти совершенно уничтожало торговлю Гамбурга, нѣкогда столь процвѣтавшую.

Въ предъидущей главѣ я упомянулъ о нѣкоторыхъ событіяхъ, происшедшихъ послѣ тѣхъ, коими я теперь намѣренъ заняться. Если въ этомъ я не слѣдовалъ порядку времени, то покрайней мѣрѣ я слѣдовалъ порядку, предписываемому разсудкомъ; ибо хотя причины всегда предшествуютъ дѣйствіямъ, но почти всегда случается, что мы видимъ сперва дѣйствія, и время послѣ уже открываетъ намъ причины. Посему я обращаюсь къ обстоятельствамъ предшествовавшимъ Прусскому походу.

Между тѣмъ, какъ безпокоились на счетъ намѣреній Берлинскаго кабинета, моя обязанность была не легка; я всячески старался сообщать Французскому Правительству все, что происходило или было замышляемо на рѣкѣ Шпре. Я первый извѣстилъ о неожиданномъ движеніи Прусскихъ войскъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ Гамбурга. Они вдругъ выступили изъ

Лауенбурга, Платцбурга, Гарбурга, Стада, Твизенфельта и Кукегавена. Это необычайное движенiе подало поводъ ко множеству догадокъ. Я не ошибся, увѣдомивъ Французское Правительство, что по всѣмъ вѣроятностямъ Пруссiя готовится открыто объявить себя противъ Францiи и соединиться съ Англiею. Я очень жалѣлъ, что мое положенiе не позволяло мнѣ имѣть болѣе частыхъ сношенiй съ Г-мъ Торнтономъ, Англiйскимъ Министромъ при Нижне-Саксонскомъ Округѣ. Однакоже я иногда съ нимъ видался, и два раза имѣлъ случай ему услужить.

Г. Торнтонъ сообщилъ мнѣ просьбу по дѣлу, лично до него касавшемуся и коего успѣхъ зависѣлъ отъ Императора. Я съ удовольствiемъ препроводилъ его просьбу, прибавивъ въ письмѣ моемъ къ Министру Иностранныхъ Дѣлъ, что поведенiе Г. Торнтона относительно Французовъ было всегда искренно и благородно и что мнѣ очень было бы прiятно объявить ему о успѣхѣ его дѣла. Просьба была исполнена и Г. Торнтонъ остался очень за то благодаренъ.

При другомъ случаѣ, Г. Торнтонъ опять ко мнѣ обратился и мнѣ опять удалось ему услужить. Онъ желалъ получить свѣдѣнiя объ одномъ изъ своихъ соотечественниковъ по имени Вильгельмѣ Бакерѣ. Отправясь къ морскимъ водамъ въ Террачину, онъ былъ взятъ подъ стражу

неизвѣстно за что, по приказанію начальника Французскихъ войскъ въ этомъ городѣ. Семейство его, не получая о немъ нѣсколько мѣсяцевъ извѣстія, и вовсе не зная что онъ подъ стражею, сильно безпокоилось, о его жребіи. Родственники его прибѣгли къ Г. Торнтону, который не смотря на обстоятельства, препятствовавшія намъ имѣть болѣе частыя сношенія, обратился ко мнѣ съ просьбою постараться развѣдать о его соотечественникѣ. Я тотчасъ написалъ къ Г-ну Алькіе, бывшему тогда Посланникомъ въ Римѣ и доставилъ Г. Торнтону возможность успокоить родственниковъ Г. Бакера.

Мнѣ очень легко было узнавать о происходившемъ въ Италіи, ибо я недавно получилъ новое званіе. Іосифъ, новый Король Неаполитанскій, не имѣя Министра въ Нижней-Саксоніи, пожелалъ, чтобы я, въ качествѣ моемъ Министра Франціи, исполнялъ также должность Полномочнаго Министра Неаполитанскаго. Министры его получили приказаніе сноситься со мною по всѣмъ дѣламъ, касающимся его Правительства и подданныхъ. Сношенія между Гамбургомъ и Неаполемъ были весьма незначительны и новая моя должность не много дала мнѣ работы.

Я встрѣтилъ нѣсколько болѣе затрудненія въ присоединеніи всѣхъ Гамбургскихъ почтъ въ

конторѣ Великаго Герцога Бергскаго, который писалъ мнѣ по этому случаю, убѣждая меня употребить всевозможное усердiе въ этомъ важномъ дѣлѣ. Давно уже я чувствовалъ необходимость подчинить всѣ почты Французскому влiянiю. Мнѣ больно было видѣть Французскую переписку, предаваемую въ руки агентовъ Австрiйскаго Дома конторами Латура и Таксиса, названными такъ по имени Нѣмецкой фамилiи, которая очень давно пользовалась этимъ преимуществомъ и была предана Австрiи. Послѣ многихъ переговоровъ, я наконецъ успѣлъ выхлопотать уничтоженiе этихъ конторъ и присоединенiе оныхъ къ конторѣ Великаго Герцогства Бергскаго, которая такимъ образомъ стала получать письма изъ Италiи, Венгрiи, Германiи, Польши, части Россiи и изъ Англiи въ эти земли.

Это дѣло съ почтами заслужило мнѣ наиболѣе благоволенiя отъ Наполеона; онъ приказалъ Дюроку изъявить мнѣ письменно его удовольствiе, подтвердивъ мнѣ въ тоже время извѣщать его обо всемъ что говорилось и дѣлалось относительно проэкта учрежденiя Сѣвернаго Союза. Это подтвержденiе было безполезно ибо я очень хорошо зналъ, что этотъ союзъ не состоится. Однакоже я увѣдомилъ Правительство о нѣкоторыхъ дѣйствiяхъ, дошедшихъ до моего свѣдѣнiя. Я написалъ Министру Внѣшнихъ Сно-

шеній подробное письмо о поѣздкѣ, сдѣланной Прусскимъ Министромъ въ Гамбургѣ Барономъ Гротомъ, въ Бременъ и въ Любекъ. Между людьми, ему сопутствовавшими былъ одинъ человѣкъ, совершенно мнѣ преданный, и я узналъ, что цѣлью его поѣздки было сдѣланіе этимъ городамъ словеснаго предложенія о присоединеніи къ *Сѣверному Союзу*, которой Прусскій Король хотѣлъ учредить для перевѣса *Рейнскаго Союза*, основаннаго Наполеономъ и коего онъ объявилъ себя протекторомъ; кажется это было одно только подражаніе. Онъ сдѣлалъ въ Гамбургѣ тѣже предложенія Синдику Сената Ванъ Синену, завѣдывавшему Прусскимъ Департаментомъ. Баронъ Гротъ дѣйствовалъ съ величайшею скрытностью. Онъ тайно показывалъ тѣмъ, къ которымъ обращался, письмо Министра Короля Прусскаго Барона Гаугвица, старавшагося дать почувствовать Ганзейскимъ городамъ, сколь Сѣверный Союзъ будетъ для нихъ выгоденъ, какъ единственное средство сохранить свою свободу чрезъ учрежденіе могущественной власти. Но съ самаго начала три города отвѣчали ему уклончиво. Сенатъ поручилъ Г-ну Ванъ-Синену объявить Прусскому Министру, что это дѣло требуетъ совѣщанія съ гражданствомъ, и что для представленія сего проэкта, нужно знать основанія и условія онаго. Однакоже Синдикъ Дорманъ от-

правился въ Любекъ, куда пріѣхалъ также Депутатъ Бремена; но этотъ проэктъ союза не имѣлъ никакихъ послѣдствій. Ганзейскіе города отвѣтствовали болѣе чѣмъ съ холодностью на предложенія Пруссіи, которая нѣсколько времени тщетно старалась бороться противъ вліянія Франціи. *Сѣверный Союзъ* не состоялся.

Я съ точностью исполнялъ обязанности моего званія полномочнаго Министра Франціи въ Гамбургѣ; но признаюсь, что мнѣ иногда тяжко было исполнять даваемыя мнѣ приказанія и я часто бралъ на свою отвѣтственность смягчать строгость оныхъ. Я любилъ искренній и правдолюбивый характеръ Гамбургцевъ и не могъ не соболѣзновать о жребіи Ганзейскихъ городовъ, нѣкогда столь счастливыхъ и отъ которыхъ Наполеонъ требовалъ огромныхъ пожертвованій.

Можно бы подумать, что онъ старается истощить ихъ прежде преднамѣреваемаго присоединенія къ Великой Имперіи. Правда, что Сенаты этихъ городовъ, считавшихся еще по названію вольными, совѣщались о всѣхъ дѣлаемыхъ Наполеономъ требованіяхъ; но что могли сдѣлать всѣ эти совѣщанія противъ воли такого человѣка, какъ онъ; особенно когда города сіи были устрашаемы грознымъ присутствіемъ въ Гановрѣ Французскихъ войскъ, которымъ стоило только перейти чрезъ Эльбу, для того чтобы предписать свои законы? Эти слабыя

Державы не имѣли возможности отказывать. Желаніе столь сильное и столь законное о сохраненіи своей независимости и нейтралитета, постояннаго источника ихъ благосостоянія, побуждала ихъ къ уступкамъ, которыя однакоже не спасли ни ихъ нейтралитета, ни ихъ независимости.

На главныхъ воротахъ этихъ городовъ находилась надпись, показывавшая миролюбивый духъ добрыхъ обывателей: *Da nobis pacem, Domine, in diebus nostris.* Отеческое и ими избираемое Правительство, не получавшее почти никакого возмездія за свою службу и дѣлавшее все для счастія этихъ городовъ думало, что наградою этихъ пожертвованій будетъ сохраненіе нейтралитета. Полагаясь на сдѣланныя Наполеономъ увѣренія, оно не имѣло никакой недовѣрчивости. Онъ приказалъ объявить въ Монитёрѣ, обыкновенномъ провозгласителѣ его видовъ и воли, *что Ганзейскіе города не могутъ вступать ни въ какой особенный союзъ.* Это значило произнесть смертной приговоръ противъ Сѣвернаго Союза, устроиваемаго Прусскимъ кабинетомъ и на который слабые города сіи, принуждены были бы согласиться. Наполеонъ, двинувшись въ 1806 году противъ Пруссіи, отрядилъ Маршала Мортье отъ Большой Арміи по переходѣ оной чрезъ Рейнъ. Мортье получилъ приказъ вторгнуться въ Курфиршество Гессен-

ское и идти къ Гамбургу. 19 Ноября городъ былъ занятъ Французскою арміею во имя Императора. Величайшій порядокъ и спокойствіе были соблюдены при этомъ занятіи.

Неумолчу однакоже, сколько я онаго страшился. При извѣстіи о приближеніи Французской арміи, сильный и общій ужасъ распространился въ Гамбургѣ, который такъ дорожилъ неприкосновенностью своего нейтралитета. Убѣждаемый начальниками города я не поколебался принять на себя обязанность, непринадлежащую къ моему дипломатическому званію. Я сдѣлался нѣкоторымъ образомъ какъ бы главнымъ сановникомъ города, гдѣ я былъ Министромъ Франціи; и выѣхавъ на встрѣчу къ Маршалу Мортье, старался отговорить его отъ вступленія въ Гамбургъ въ тѣхъ мысляхъ, что я этимъ болѣе услужу выгодамъ Франціи, чѣмъ содѣйствуя занятію нейтральнаго города войсками моего правительства; но всѣ мои убѣжденія были тщетно, ибо на это было именное повеленіе Императора. При описаніи выѣзда моего изъ Гамбурга на встрѣчу Маршалу, я вспомнилъ случай съ бѣднымъ маленькимъ Негромъ Селимомъ, весьма исправнымъ слугою, котораго мы очень любили. Ему было тогда лѣтъ двѣнадцать или тринадцать. Узнавъ, что Маршалъ прибудетъ со своимъ Штабомъ на другой день, я увидѣлъ, что нельзя терять

времени, и не смотря на ненастную погоду отправился въ каретѣ четверкою. Между Селимомъ и однимъ изъ моихъ служителей, который всегда со мною ѣздилъ, возникъ споръ. Я приказалъ Селиму остаться по причинѣ холода и недавняго выздоровленія его отъ простуды; но онъ не послушался, и опасаясь, чтобы я не встрѣтилъ какихъ опасностей, онъ вскарабкался за своимъ товарищемъ. Несчастный ребенокъ дорого заплатилъ за свою преданность: онъ возвратился ночью прозябнувъ, промокши до костей и сильно занемогъ грудью; я оказалъ ему всѣ возможныя попеченія; послалъ его въ Парижъ, дабы лучше врачи могли лѣчить его; но болѣзнь была неизцѣлима, и черезъ три недѣли послѣ того, я узналъ, что онъ умеръ у меня въ домѣ въ Готвильской улицѣ.

Такъ какъ въ Гамбургѣ ничего не было приготовлено для принятія Маршала Мортье, то онъ присталъ у меня со своимъ Штабомъ. Бывшій съ нимъ небольшой отрядъ войска, расположился у меня на дворѣ, такъ, что домъ мирнаго Министра вдругъ превратился въ Главную Квартиру, что продолжилось до тѣхъ поръ, пока Маршалу отвели квартиру.

Требованія, которыя Маршалъ Мортье долженствовалъ сдѣлать послѣ этого занятія, были очень суровы; но мои представленія вопервыхъ отклонили исполненіе даннаго Наполео-

номъ приказа о взятіи Гамбургскаго банка. Долгомъ считаю отдать полную справедливость честности, правотѣ и благородству Маршала. Наполеонъ, уваживъ замѣчанія, сообщенныя мною письменно Маршалу Мортье, а отъ него отосланныя въ Берлинъ съ донесеніями, что онъ отложилъ исполненіе предписанныхъ ему мѣръ, въ ожиданіи новыхъ приказаній, — одобрилъ его поведеніе. Это было счастіемъ для Франціи и для Европы еще болѣе, чѣмъ для Гамбурга. Тѣ, которые внушили Императору мысль о разграбленіи этого превосходнаго заведенія, конечно вовсе не имѣли никакого понятія о его пользѣ; они думали только объ одномъ: о девяносто миліонахъ банковыхъ марокъ, лежащихъ въ погребахъ его.

Въ слѣдствіе знаменитаго Берлинскаго указа 21 Ноября 1806 года, Мортье принужденъ былъ захватить всякаго рода Англійскіе товары, находившіеся въ Ганзейскихъ городахъ; но справедливость заставляетъ меня сказать, что слѣдуя внушеніямъ умѣренности, онъ показалъ при исполненіи этой мѣры только наружную строгость, необходимую, дабы привести себя въ возможность сказать, что онъ повиновался.

Въ эту эпоху Г. Керъ, былъ присланъ въ Любекъ Интендантомъ. Цѣль его обязанности состояла въ томъ, чтобы захватывать, оцѣнивать и наблюдать за выкупомъ товаровъ; но

она распространилась на всѣ непріятельскіе корабли, на продажу ихъ грузовъ, а особенно огромнаго количества муки, составлявшей эти грузы. Любекъ долго будетъ помнить лихоимство Интенданта Кера. Онъ въ короткое время составилъ себѣ весьма значительное состояніе; но столь же скоро уничтожилъ его своимъ мотовствомъ и распутствомъ.

Когда Маршалъ Мортье выступилъ изъ Гамбурга въ Мекленбургъ, то мѣсто его занялъ Генералъ Мишо, пошедшій по слѣдамъ Маршала, о коемъ жалѣли, страшась не имѣть уже такого отличнаго начальника, Мишо сдѣлалъ Гамбургцамъ только то зло, котораго онъ никакъ при своемъ благородствѣ не могъ избѣгнуть.

Начавъ уже говорить о Французскихъ Генералахъ, занимавшихъ съ войсками Гамбургъ, я скажу, что Маршалъ Брюнъ заступилъ мѣсто Генерала Мишо въ началѣ 1807 года; и очень радуюсь, что при этомъ случаѣ могу выставить заблужденія, въ которыя было вовлечено общественное мнѣніе. Я долженъ сказать правду: во все время своего управленія, Маршалъ Брюнъ постоянно старался, сколько въ его положеніи было возможно, смягчать получаемыя имъ приказанія. Онъ даже иногда ожидалъ подтвержденій для того, чтобы рѣшиться содѣйствовать строгимъ мѣрамъ таможни. Умѣренность его не понравилась и онъ былъ отозванъ.

Бернадотъ заступилъ его мѣсто тогда, какъ въ слѣдствіе Венской битвы, Наполеонъ сдѣлался властелиномъ Пруссіи и Сѣверной Германіи. Побѣдитель не сталъ болѣе щадить области, составляющія часть оной, и предался невѣроятнѣйшимъ требованіямъ, не встрѣчая сопротивленія, ибо слабость воспрещала дѣлать оное. Денежные налоги, поставка всякаго рода продовольствія, безпрерывный военный постой и значительныя столовыя деньги, — вотъ каковы были эти требованія. Долгое время начальствующему войсками Генералу выдавалось по 1200 франковъ въ день. Голландцы, подъ начальствомъ Генерала Граціана, пользовались по соразмѣрности тѣми же выгодами въ Любекѣ и тоже самое было въ Бременѣ.

Князь Понте - Корво смягчалъ и умѣрялъ сколько могъ эти несправедливые, тяжкіе налоги, и благородный характеръ его избавилъ Гамбургъ отъ большей еще бѣды, угрожавшей сему несчастному городу. Никогда онъ не отказывалъ мнѣ въ своемъ содѣйствіи для принятія мѣръ противъ системы разоренія и гоненія. Онъ часто оказывалъ Гамбургу покровительство противъ, непомѣрныхъ требованій. Ганзейскіе города нѣсколько отдохнули подъ его управленіемъ, которое было продолжительнѣе управленія Мортье, Мишо и Брюна. Воспоминаніе о Бернадотѣ будетъ всегда драгоцѣнно Гамбург-

цамъ и я увѣренъ, что они произносятъ его имя не иначе какъ съ признательностью. Онъ въ особенности обращалъ постоянное вниманіе на чрезмѣрную строгость таможни. И можно сказать, что это поведеніе не повредило тому мнѣнію, которое, черезъ четыре года послѣ того, провозгласило его Наслѣднымъ Принцемъ Швеціи.

++

ГЛАВА XII.

Генералъ Перронъ и Г. Бургіанъ.—Дѣти Г. Перрона и золотыя ожерелья.—Взаимная ненависть и богатство Гг. Перрона и Бургіана.—Участіе, принимаемое мною въ эмигрантахъ. — Исключеніе изъ числа оныхъ Г-на Буало. — Признаки войны съ Россіею. — Указъ Императора Александра.—Порученіе Дюрока въ Веймаръ.—Восторгъ Прусаковъ.—Неудача Дюрока и двуличность Наполеона.—Побѣда, одержанная Французскою арміею. — Сдача Князя Гоэнлоэ.—Любопытныя письма Мюрата.—Генералъ Моро и Фошъ-Борель. — Подати нашихъ Генераловъ. — Взятіе Любека.—Ложныя слухи о Моро.—Разбитіе Блюхера. — Изъясненіе сказки на счетъ Моро.

Нѣтъ человѣка, который бы не слыхалъ о знаменитомъ Генералѣ Перроне, игравшемъ столь важную ролю у Маратговъ и у Принца Синдійскаго. Почти черезъ годъ по прибытіи моемъ въ Гамбургъ, онъ туда пріѣхалъ. Онъ явился ко мнѣ за паспортомъ, и я имѣлъ съ нимъ

самые занимательные разговоры о его приключеніяхъ, дѣйствительно необычайныхъ. Онъ сказалъ мнѣ, что у него было до пятидесяти миліоновъ, но что за отправленіе свое на кораблѣ изъ одного изъ портовъ Восточной Индіи, онъ принужденъ былъ заплатить Англичанамъ столь огромныя суммы, что это стоило ему почти трехъ четвертей его сокровищъ. Нѣсколько его чемодановъ было наполнено великолѣпными шалями. Онъ сдѣлалъ мнѣ подарокъ ими.

Генералъ Перронъ былъ безъ руки. Онъ привезъ съ собою двухъ дѣтей, мальчика и дѣвочку, рожденныхъ отъ Индіанки и которыхъ смуглая кожа напоминала о происхожденіи ихъ по матери. Нарядъ этихъ дѣтей былъ такъ необычаенъ, что они нѣсколько разъ обращали на себя общее вниманіе вездѣ, гдѣ ни показывались. На шеѣ и на рукахъ у нихъ были надѣты огромныя кольца изъ чистаго золота, но эти ожерелья и браслеты вовсе не походили на носимые Европейскими женщинами, которые можно по произволу надѣвать и снимать; они были наглухо запаяны и съ такимъ искуствомъ, что невозможно было разсмотрѣть спая. Эти малютки ни слова не знали по Французски; отецъ казалось очень любилъ ихъ и безпрестанно ихъ ласкалъ.

Чрезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ Генерала Перрона прибылъ изъ Бенгала Г. Бургіанъ, ко-

торый также взялъ паспортъ во Францiю. Онъ былъ въ открытой войнѣ съ Г-мъ Перрономъ, который въ томъ же смыслѣ мнѣ о немъ отзывался. Они питали другъ къ другу сильнѣйшее презрѣнiе, съ ожесточенiемъ обвиняя одинъ другаго въ разоренiи Маратовъ; а между тѣмъ оба чрезвычайно обогатились. Я незнаю куда дѣлся Г. Бургоень; что касается до Генерала Перрона, то онъ живетъ въ великолѣпномъ помѣстьѣ, купленномъ имъ въ окрестностяхъ Вандома. Онъ женился вторично и имѣлъ отъ втораго брака другихъ дѣтей, отлично имъ воспитанныхъ. Одна изъ дочерей его, милая какъ ангелъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышла за мужъ за Г. де ла Рошфуко; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ брака, смерть похитила ее у обожанiя всѣхъ, кто только былъ съ нею знакомъ. Я зналъ мужа ея, Подъ-Префекта въ Санѣ.

Не смотря на то, что я былъ Министромъ Императора въ Гамбургѣ, и на мою искренную преданность къ выгодамъ Францiи, я немогъ забыть, что я самъ былъ эмигрантомъ и ощущалъ живѣйшее удовольствiе всякой разъ, когда не вредя себѣ, я могъ быть полезенъ эмигрантамъ. Между тѣми, которымъ я имѣлъ счастiе оказать услуги я помню Г-на Буало, бывшаго прежде Камердинеромъ у одной изъ сестеръ Лудовика XVI-го. Г. Буало, явясь ко мнѣ съ

одобрительнымъ письмомъ отъ Г. Ласепеда, объявилъ мнѣ о своемъ положеніи и о желаніи своемъ возвратиться во Францію; я отвѣчалъ Г. Ласепеду, что я благодарю его за доставленіе мнѣ случая оказать ему услугу и сдѣлать что нибудь, для него пріятное; я безъ труда исходатайствовалъ исключеніе изъ списковъ Г. Буало. Въ эту-то эпоху отправилъ я къ Г-ну Поцебугу Секретарю Виленской Академіи, рукопись которую поручилъ мнѣ переслать къ нему Г. Ласепедъ, прося какъ можно поспѣшить, чтобы она поспѣла къ торжественному собранію.

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1806 года можно было увѣрительно сказать, что какъ скоро война возгорится между Франціею и Пруссіею, то Россія не замедлитъ принять въ оной участіе, присоединясь къ Пруссіи. Миръ между Наполеономъ и Александромъ былъ однакоже возстановленъ въ слѣдствіе договора, подписаннаго Г-мъ Убри въ Парижѣ. Россія долженствовала вывесть свои войска изъ Бокко ди-Катара, чего она вовсе не торопилась сдѣлать. Еще того болѣе, я получилъ номеръ Санктпетербургской газеты, въ коемъ былъ помѣщенъ указъ Императора Россійскаго. Александръ излагалъ въ немъ опасности, которыя вновь угрожали Европѣ и доказывалъ необходимость охранять общее спокойствіе и безопасность его Имперіи,

что побудило его, не только пополнить, но и увеличить свою армiю.

До начатiя враждебныхъ дѣйствiй, Дюроку было дано порученiе къ Королю Прусскому, дабы все хорошенько развѣдать и узнать, нѣтъ ли средства завести новые переговоры; но дѣла были уже слишкомъ запутаны; всѣ попытки Дюрока остались безуспѣшными, и можетъ быть уже не отъ Короля Прусскаго зависѣло не воевать съ Францiею. Во время бытности Дюрока въ Берлинѣ восторгъ Прусаковъ на счетъ сохраненiя своей независимости, имѣлъ въ себѣ нѣчто подобное тому буйному изступленiю, которое при началѣ Революцiи, созидало армiи. Притомъ же, Король Прусскiй имѣлъ законныя причины жаловаться на Императора. Хотя сей послѣднiй, какъ выше сказано, и далъ ему Гановръ въ вознагражденiе двухъ Маркграфствъ, но онъ тѣмъ не менѣе предложилъ возвращенiе сей области однимъ изъ условiй переговоровъ начатыхъ съ Г-мъ Фоксомъ. Всѣ эти продѣлки были извѣстны въ Берлинскомъ кабинетѣ, и эта-то двуличность Наполеона была причиною неуспѣха порученiя Дюрока. Король Прусскiй находился тогда въ Веймарѣ.

Я уже предупредилъ, что я вовсе не намѣренъ входить въ военныя подробности о Прусской кампанiи. Приведу только нѣкоторыя обстоятельства, дошедшiя до моего свѣдѣнiя и нѣко-

торыя письма, полученныя мною въ то время отъ главныхъ вождей Французской арміи, а именно отъ Мюрата и Бернадота.

Побѣда вездѣ оказалась на сторонѣ Французскаго оружія, Князь Гоэнлоэ, начальствовавшій Прусскимъ корпусомъ, принужденнымъ наконецъ сдаться въ Прентцлау. Послѣ этой сдачи, Генералъ Блюхеръ принялъ начальство надъ остатками корпуса, присоединивъ къ онымъ тѣ войска, которыя чрезъ благовременный выходъ изъ Прентцлау избавились отъ сдачи. Эти войска съ тѣми, которыя Блюхеръ имѣлъ въ Ауерштедтѣ составляли почти единственный оплотъ Прусской Монархіи. Сультъ и Бернадотъ получили отъ Мюрата приказаніе немедленно преслѣдовать партизана Блюхера, который всячески старался удалить отъ Берлина войска этихъ двухъ Генераловъ. Блюхеръ пошелъ къ Любеку и овладѣлъ онымъ. Ниже увидятъ съ нѣкоторыми подробностями, какимъ образомъ дѣло кончилось.

Генералъ Мюратъ преслѣдовалъ остатки Прусской арміи, ушедшіе изъ Саксоніи чрезъ Магдебургъ. Блюхеръ стоялъ подъ Любекомъ. Выгоды арміи, находившейся въ Берлинѣ, требовали дабы уничтожить корпусъ, довольно значительный и предводительствуемый искуснымъ, храбрымъ Генераломъ, отдалившимъ отъ центра военныхъ дѣйствій многочисленныя вой-

ска, съ которыми онъ могъ уйти въ Гановръ, въ Гессенъ или даже въ Голландію и соединясь съ Англійскими войсками много безпокоитъ тылъ Большой Арміи. Великій Герцогъ Бергскій объявилъ мнѣ о своихъ намѣреніяхъ и надеждахъ, а вскорѣ послѣ того и объ успѣхахъ, слѣдующими письмами:

«Господинъ Министръ, спѣшу извѣстить васъ «о прибытіи моемъ сюда съ корпусами Гг. «Маршаловъ Сульта и Бернадота и съ частью «кавалерійскаго резерва. Завтра я буду подъ «Любекомъ, гдѣ надѣюсь нанести смертельный «ударъ Генералу Блюхеру, если онъ вступитъ «со мною въ бой. Мнѣ доносятъ будто бы онъ «намѣревается сѣсть тамъ на суда, но я не ду«маю, что онъ будетъ имѣть на то время, и «надѣюсь, еслибъ даже онъ и успѣлъ, то сдѣ«лать, что Богъ покровительствующій оружію «Его Величество нашлетъ ему противный вѣ«теръ.

«Еслибъ Прусаки подошли къ Гамбургу, съ «тѣмъ чтобы вступить въ оный, то подтверди«те градоначальникамъ, чтобы они заперли для «нихъ ворота; въ противномъ случаѣ они при«зовутъ къ себѣ насъ.

«Бывшій Генералъ Моро проѣхалъ 12 Октяб«ря чрезъ Парижъ, а 28 чрезъ Гамбургъ, отку«да отправился въ Россію. Фошъ-Борель нахо-

«дится теперь въ Гамбургѣ; постарайтесь отыскать его и взять подъ стражу.

«Прошу васъ сообщить мнѣ въ Любекъ всѣ «свѣдѣнія, которыя вы можете получить о замыслахъ Генерала Блюхера.

«Объявляю вамъ о разбитіи Князя Гоэнлоэ. «28 числа я взялъ въ плѣнъ весь его корпусъ «въ Прентцлау; Гусары взяли Штетинъ 29 числа въ 11 часовъ вечера, между тѣмъ какъ Генералъ Мишо, котораго я послалъ въ Пассевалькъ, заставилъ четырехтысячный корпусъ «положить предъ нимъ оружіе, а Генералъ Бенкеръ въ Аукланѣ принудилъ къ сдачѣ такой «же корпусъ. Кюстринъ сдался третьяго дня; «наконецъ изъ всей Прусской арміи *остается* «только отъ двадцати до двадцати пяти тысячъ «человѣкъ, которые конечно также отъ насъ не «уйдутъ.

«Примите, Г. Министръ, увѣреніе въ моемъ «высокомъ уваженіи,

ІОАХИМЪ.»

Въ Платцбургѣ, 5 Ноября въ восемь съ половиною часовъ вечера.

«Желаю, любезный Буріеннъ, чтобы обстоятельства доставили мнѣ удовольствіе васъ у«видѣть.

«Господинъ Министръ, я сію минуту, садясь «на лошадь, получилъ письмо ваше и то, ко«торое вы прислали ко мнѣ для отправленія «къ Императору. Благодарю васъ за свѣдѣнія, «вами мнѣ сообщенныя.

«Корпусъ, подъ предводительствомъ Принца «Брауншвейгскаго и Генерала Блюхера состоя«щій изъ 25,000 человѣкъ, дождался войскъ «Его Величества въ Любекѣ. Городъ сей взятъ «приступомъ: 6,000 плѣнныхъ, 3 Генерала, 50 «орудій, штандарты и знамены были блиста«тельнымъ пріобрѣтеніемъ этого дня. Остатокъ «этого корпуса разсѣялся, и если, какъ говорятъ «и какъ кажется, Датчане рѣшились соблюсти «свой нейтралитетъ, то должно предполагать, «что Генералъ Блюхеръ, сего дня или завтра «будетъ принужденъ положить оружіе. Такимъ «образомъ кончится слава этой арміи, произ«ведшей столько чудесъ при Фридрихѣ Великомъ

«Примите Г. Министръ, увѣреніе въ моемъ «уваженіи

ЮАХИМЪ.»

«P. S. Вы ничего не упоминаете о полученіи «письма моего отъ 5 числа изъ Ратцбурга, въ «которомъ я извѣщалъ васъ о блистательныхъ «успѣхахъ кампаніи; между прочимъ о разбитіи «и сдачѣ всей арміи Принца Гоэнлоэ, о взятіи «Штетина и Кюстрина, о движеніи части арміи «къ Польской арміи и проч.

«Надѣюсь, что въ эту минуту сообщенія ме-
«жду Гамбургомъ и Берлиномъ возстановлены.

I.»

Мюратъ сообщилъ мнѣ еще нѣкоторыя подробности въ слѣдующемъ письмѣ:

9 Ноября.

«Господинъ Министръ, я получилъ письмо «ваше отъ 8 Ноября въ 1 часу утра. Я не по-«лучалъ отвѣта вашего на письмо мое изъ Ратц-«бурга; вы говорите, что вы отправили его съ «эстафетою. Надѣюсь, что вы получили писан-«ныя мною къ вамъ вчера два письма, изъ ко-«ихъ въ одномъ я извѣщалъ васъ о взятіи при-«ступомъ города Любека, а въ другомъ объ «овладѣніи всѣмъ Корпусомъ Блюхера. Такимъ «образомъ исчезли остатки Прусской арміи.

«Стану теперь отвѣчать на вопросы, сдѣлан-«ные мнѣ Вашимъ Превосходительствомъ; но «что я говорю? Разбитіе Блюхерова корпуса уже «на нихъ отвѣтствовало и конечно совершенно «разсѣяло опасенія Гамбургскаго Сената. Отрядъ «дѣйствительно былъ посланъ къ Гамбургу «для наблюденія за движеніями Блюхера въ «этой сторонѣ; но начальникъ сего отряда «не получалъ приказанія вступать на землю «Гамбурга и не имѣлъ права брать контрибу-«цію съ жителей: я приказалъ возвратить соб-«ранныя суммы, а отряду сему присоединиться «къ арміи.

«Мы открыли слѣды Вестфальскаго серебра, «которое должно находиться еще въ Любекѣ. «Благодарю васъ за сообщенное мнѣ по сему «предмету извѣстіе.

«Письмо Фонъ-Бореля изъ Гамбурга открыло «мнѣ проѣздъ чрезъ этотъ городъ бывшаго Ге«нерала Моро; вотъ всѣ свѣдѣнія, которыя я «могу вамъ сообщить.

«Я завтра ѣду въ Шверинъ, гдѣ надѣюсь «найти повелѣнія Императора и оттуда отправ«люсь въ Берлинъ.

«Городъ Любекъ много пострадалъ, но я «ласкаю себя надеждою, что Сенатъ и несчаст«ные жители этого города отдадутъ справедли«вость усиліямъ, которыя были сдѣланы мною «для предохраненія ихъ отъ бѣдствій, неизбѣж«ныхъ для взятаго приступомъ города. Я ис«кренно соболѣзновалъ о происшедшихъ без«порядкахъ и сдѣлалъ все, что человѣку возмо«жно для прекращенія оныхъ.

«Повторяю, Г. Министръ, увѣреніе въ моемъ «полномъ къ вамъ уваженіи.

ІОАХИМЪ.»

«Наконецъ, любезный Буріеннъ, бой оканчи«вается за неимѣніемъ бойцевъ; я бы желалъ «васъ увидѣть, но знаю что занятія ваши удер«живаютъ васъ при вашемъ мѣстѣ; примите «увѣреніе въ моей дружбѣ.

І.»

Въ письмахъ Мюрата читатели замѣтили, что вѣроятно обманутый своими агентами онъ извѣщалъ меня, что Генералъ Моро проѣзжалъ чрезъ Гамбургъ, и даже, будто бы, 28 Октября онъ проѣхалъ чрезъ Парижъ. Единственнымъ свѣдѣніемъ, на которомъ Мюратъ основался, было перехваченное письмо Фошъ-Бореля. Я помню довольно любопытное обстоятельство, которое объясняетъ эту сказку и доказываетъ, какъ должно недовѣрять неосновательности, съ коею иногда сообщаются свѣдѣнія Правительству.

За двѣ недѣли до полученія мною перваго письма отъ Мюрата нѣкто пришелъ ко мнѣ съ донесеніемъ, что Генералъ Моро находится въ Гамбургѣ; я нисколько не повѣрилъ этому извѣстію; однакоже принялъ всѣ мѣры, дабы удостовѣриться въ неосновательности онаго; ничего не открылось. Черезъ день послѣ того меня начали увѣрять, будто бы кто-то встрѣтилъ Генерала Моро; будто бы этотъ кто-то говорилъ съ нимъ, очень хорошо его зная, ибо служилъ у него подъ начальствомъ и множество другихъ свѣдѣній, столь же повидимому положительныхъ. Я тотчасъ потребовалъ къ себѣ этого человѣка, который повторилъ мнѣ, что онъ знаетъ Моро, что онъ съ нимъ повстрѣчался, что Генералъ спросилъ у него о дорогѣ въ *Юнгферштейгъ*, (Гамбургское гульбище), что

указавъ ему ее, онъ спросилъ: «Не съ Генераломъ ли Моро я имѣю честь говорить?» и что незнакомецъ отвѣчалъ: Точно такъ, но не сказывайте никому, я здѣсь тайно.» Все это показалось мнѣ столь нелѣпымъ, что притворившись будто бы не знаю Моро, я сталъ разспрашивать у этого человѣка о его примѣтахъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ описаніе незнакомца, съ нимъ разговаривавшаго, не имѣющее никакого сходства съ Моро и прибавилъ, что на немъ былъ шитый Французскій кафтанъ, шляпа и національная кокарда. Я тотчасъ увидѣлъ обманъ и выгналъ отъ себя бездѣльника, который думалъ этимъ средствомъ достать денегъ. Но черезъ четверть часа явился ко мнѣ Г. Билло, Французскій Консулъ въ Штетинѣ, онъ былъ въ цитомъ кафтанѣ и имѣлъ на шляпѣ Французскую кокарду; онъ то послужилъ предлогомъ къ сказкѣ, съ важностью мнѣ сообщенной. Небольшое сходство Штетинскаго Консула съ Французскимъ Генераломъ вовлекло многихъ въ заблужденіе.

ГЛАВА XIII.

Великодушный поступокъ Наполеона.—Обычай его съ почтовыми конторами. —Письмо Князя Гатцфельда къ Королю Прусскому, перехваченное въ Берлинѣ.—Военный судъ.—Княгиня Гатцфельдъ, представленная Императору *Дюрокомъ*. — Письмо Бонапарте къ Іозефинѣ. — *Помилованіе*, дарованное Императоромъ.—Письма Бернадота.—Блюхеръ въ плѣну. — Характеръ этого страннаго человѣка.—Склонность его къ удовольствіямъ. — Увѣренность Блюхера въ будущей судьбѣ Германіи. — Предвидѣніе того, что случилось.—Желаніе мира и сходство мнѣній.—Принцъ Павелъ Виртембергскій въ плѣну.—Стеченіе знатныхъ эмигрантовъ въ Альтонѣ. — Продолженіе пребыванія Императора въ Берлинѣ.—Депутація Сената и дурной пріемъ оной.—Германскіе Принцы, удалившіеся въ Альтону.—Фошъ Борель выгнанной отъ Г. Жимеля.—Смерть сего послѣдняго.

Въ продолженіе Прусскаго похода, и во всей Германіи говорили о великодушномъ поступкѣ Наполеона съ Княземъ Гатцефельдомъ. Я досталъ объ этомъ происшествіи очень любо-

пытныя подробности и въ числѣ ихъ ниже помѣщенное письмо отъ Императора къ Iозефинѣ.

Надобно знать, что по Инквизицiонной системѣ, слишкомъ часто обнаруживавшейся въ Императорскомъ правленiи и распространяемой на всѣ земли, которыя занимали Французскiя войска, по вступленiи оныхъ въ городъ прежде всего захватывали письменную почту и Богу извѣстно, сколь тогда была уважена тайна писемъ. Точно такъ поступили и въ Берлинѣ. Между перехваченными и представленными Наполеону письмами, находилось одно отъ Князя Гатцфельда къ Королю Прусскому. Князь доносилъ своему Государю обо всемъ, происшедшемъ въ его столицѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ принужденнымъ нашелся изъ нея выѣхать; сообщая ему въ тоже время извѣстiя о силѣ и расположенiи корпусовъ составлявшихъ эту армiю. Прочитавъ это письмо, Императоръ приказалъ взять Князя подъ стражу и предать его военному суду, какъ шпiона. Судъ уже собрался и не было никакого сомнѣнiя на счетъ приговора, который онъ бы произнесъ, когда Княгиня Гатцфельдъ прiѣхала къ Дюроку, который въ подобныхъ обстоятельствахъ очень охотно содѣйствовалъ къ допущенiю предъ Императора. Въ этотъ день Наполеонъ дѣлалъ за городомъ смотръ войскамъ.

Дюрокъ зналъ Княгиню Гатцфельдъ, которую онъ нѣсколько разъ видалъ при поѣздкахъ своихъ въ Берлинъ. Онъ остался во дворцѣ ожидать Императора. Наполеонъ, возвратясь, былъ очень удивленъ встрѣтивъ въ этотъ часъ Дюрока у себя на дорогѣ и спросилъ у него, нѣтъ ли чего новаго. Отвѣтъ былъ утвердительный и Дюрокъ, послѣдовавъ за Императоромъ въ кабинетъ, скоро ввелъ туда Г-жу Гатцфельдъ. Остальная часть этой сцены разсказана въ письмѣ Наполеона, мною упомянутомъ. Легко увидѣть, что это отвѣтъ на письмо Іозефины, въ которомъ она жаловалась на отзывы его о женщинахъ и особенно о прекрасной и злополучной Королевѣ Пруеской, которую онъ мало пощадилъ въ своихъ бюлетеняхъ. Вотъ какъ выражался Наполеонъ.

«Я получилъ письмо твое и ты, кажется «огорчена неблагопріятнымъ моимъ отзывомъ о «женщинахъ. Правда, что я болѣе всего нена«вижу тѣхъ женщинъ, которыя заводятъ козни. «Я привыкъ къ женщинамъ добрымъ, кроткимъ «и миролюбивымъ: ихъ люблю я. Если онѣ «меня избаловали, то это не моя вина, а твоя. «Впрочемъ ты увидишь, что я былъ очень «добръ съ одною, которая показала себя чув«ствительною и доброю, съ Г-жею Гатцфельдъ. «Когда я показалъ ей письмо ея мужа, то она «сказала мнѣ рыдая, съ живѣйшею чувствитель-

«ностью и искренностью. Такъ это его рука. «Голосъ ея проникалъ въ душу: она привела «меня въ жалость и я сказалъ ей: Такъ и быть «Княгиня, бросьте это письмо въ огонь, и я не «въ правѣ уже буду осудить вашего мужа. Она «сожгла письмо, и чрезвычайно какъ обрадова«лась, а мужъ ея теперь спокоенъ; двумя часа«ми позже, онъ бы погибъ. И такъ ты видишь, «что я люблю женщинъ добрыхъ, искреннихъ «и кроткихъ; но это потому, что только такiя «на тебя походятъ.»

«6 Ноября 1806, въ 9 часовъ вечера»

Пока Императоръ находился въ Берлинѣ, гдѣ онъ издалъ свой знаменитый указъ о Континентальной Системѣ, о которой я скоро буду имѣть случай говорить, я питалъ надежду въ концѣ Ноября увидѣть Бернадота въ Гамбургѣ, коего онъ въ послѣдствiи былъ сдѣланъ Губернаторомъ. Получивъ повелѣнiе присоединиться къ Большой Армiи, онъ не могъ туда прiѣхать, и извѣстилъ меня о томъ слѣдующею запискою:

«Я очень жалѣю, любезный Министръ о томъ, «что обстоятельства и нездоровье лишаютъ меня удовольствiя васъ обнять. Я завтра от«правляюсь къ Большой Армiи, идущей противъ «Русскихъ; войска мои уже нѣсколько дней «какъ двинулись.

«Прощайте, любезный Бурiеннъ, сохраните ко «мнѣ вашу дружбу и будьте увѣрены, что моя

«къ вамъ не измѣнится ни при какихъ обстоя-«тельствахъ моей жизни. Обнимаю васъ и увѣ-«ряю, что по пріѣздѣ моемъ въ Берлинъ поста-«раюсь сдѣлать то, что вы желаете.

I. БЕРНАДОТЪ.»

«20 Ноября 1806».

Когда Маршалъ Бернадотъ разбилъ Блюхера въ Любекѣ и взялъ въ плѣнъ этого Генерала, который въ послѣдствіи сдѣлался столь знаменитымъ, но тогда былъ лишь Партизанскимъ вождемъ, то онъ извѣстилъ меня о томъ слѣдующими словами:

«Прилагая присемъ нѣсколько подробностей «о блистательномъ дѣлѣ, происшедшемъ 6 чис-«ла между корпусами моимъ и Генерала Блюхе-«ра, прошу васъ приказать помѣстить ихъ въ «Гамбургскомъ журналѣ.

«Другъ вашъ располагаетъ пріѣхать въ Гам-«бургъ единственно для того, чтобы увидѣть «васъ и обнять. . . .»

Черезъ нѣсколько дней послѣ сего, я получилъ еще отъ Бернадота третью записку слѣдующаго содержанія:

«Я писалъ къ вамъ два письма въ продолже-«ніе послѣдняго мѣсяца; незнаю дошли ли они «до васъ. Пишу къ вамъ два слова въ ожиданіи «пока съ вами увижусь и увѣрю васъ, что я «весь вашъ

I. БЕРНАДОТЪ.»

Когда Бернадотъ увѣдомилъ меня о взятіи Любека и Блюхера, то я во все не думалъ, что этотъ плѣнникъ будетъ отданъ мнѣ подъ стражу; это однакоже случилось. Послѣ сдачи своей, онъ былъ отправленъ въ Гамбургъ, который назначили мѣстомъ его содержанія. Мнѣ, какъ можно себѣ представить, было предписано имѣть за нимъ бдительнѣйшій надзоръ. Я даже получилъ приказаніе, при малѣйшемъ съ его стороны покушеніи къ побѣгу употребить строгія мѣры, къ которымъ я всегда очень не любилъ прибѣгать. Во все, довольно продолжительное время, пока Блюхеръ былъ моимъ плѣнникомъ, я не только не увеличивалъ суровости его плѣна но избавлялъ его отъ всѣхъ Полицейскихъ прижимокъ, предписанныхъ въ данныхъ мнѣ наставленіяхъ. Блюхеръ показался мнѣ очень любопытною особою, и мы часто съ нимъ видались. Я нашелъ въ немъ восторженнаго Прусскаго патріота; человѣка храбраго, смѣлаго, предпріимчиваго до дерзости, но не имѣющаго большихъ свѣдѣній и чрезвычайно склоннаго къ удовольствіямъ; могу увѣрить, что во время пребыванія своего въ Гамбургѣ, онъ не пропускалъ случаевъ онымъ предаваться. Онъ любилъ по нѣскольку часовъ сидѣть за столомъ, и не смотря на пламенный свой патріотизмъ, отдавалъ весьма часто полную справедливость добротѣ Французскихъ винъ. Страсть его къ

женщинамъ была, можно сказать необузданна; послѣ чего, пріятнѣйшимъ препровожденіемъ времени считалъ онъ то, чтобы сидѣть за зеленымъ столомъ, отдавая или получая золото, смотря по расположенію фортуны.

Блюхеръ имѣлъ чрезвычайно веселый нравъ и въ обществѣ былъ очень любезенъ; оригинальность его разговора весьма мнѣ нравилась. Онъ такъ былъ увѣренъ въ освобожденіи Германіи, что даже самыя бѣдствія Прусской арміи нисколько не поколебали его въ этомъ мнѣніи. Онъ часто говорилъ мнѣ: «Я много надѣюсь на общественный духъ Германіи. Успѣхи войны перемѣнчивы, но даже самое разбитіе арміи поощряетъ въ народахъ чувство національной чести и славы. Не сомнѣвайтесь, что у насъ образуется ополченіе, какому никогда уже не бывать у покорныхъ нынѣ духомъ Французовъ. Англія будетъ давать намъ помощь флотомъ и деньгами; и мы возобновимъ союзы съ Россіею и съ Австріею.

«Ручаюсь,» прибавлялъ Блюхеръ «и вы можете мнѣ повѣрить, что ни одна изъ союзныхъ Державъ не имѣла въ нынѣшнюю войну замысловъ завоеваній. Всѣ онѣ съ общаго согласія желаютъ только положить конецъ системѣ набѣговъ, принятой вашимъ Императоромъ и продолжаемой имъ съ ужасною быстротою. Въ первыя наши войны противъ Франціи, при

началѣ вашей Революціи, мы дрались за права Государей; но теперь уже со всѣмъ не то: цѣлое народонаселеніе Пруссіи ополчается вмѣстѣ со своимъ Правительствомъ; дѣло идетъ о защитѣ нашихъ пепелищъ; и пораженія истребляютъ арміи, не перемѣняя духа цѣлаго народа. Я спокойно полагаюсь на будущее ибо предвижу, что фортуна не всегда будетъ благопріятствовать вашему Императору. Невозможно, чтобы не пришло время когда вся Европа, раздраженная его взысками и негодующая на его грабительства, возстанетъ противъ него. Чѣмъ болѣе онъ окуетъ народы, тѣмъ ужаснѣе будетъ взрывъ народовъ, расторгающихъ свои оковы. Кто осмѣлится оспорить, что онъ безпрестанно томимъ ненасытною потребностью поглощать новыя области? За войною 1805 года съ Австріею и съ Россію почти непосредственно послѣдовала нынѣшняя война. Мы пали: Пруссія завоевана; но остается еще сразиться съ Россіею. Мнѣ не дано способности предвидѣть, какая будетъ развязка войны; но даже и предположивъ ее для васъ благопріятною, по окончаніи оной скоро начнутся новыя войны; если мы станемъ крѣпко держаться, то Франція, истощенная своими завоеваніями, наконецъ падетъ, будьте въ томъ увѣрены. Вы желаете мира?... посовѣтуйте заключить его; вы пред-

ставите этимъ сильное доказательство любви вашей къ отечеству.»

Такъ мнѣ безпрестанно твердилъ Блюхеръ, и не полагая чтобы въ обществѣ также должно было исполнять обязанность Посланника, я отвѣчалъ ему съ искренностью, но однакоже съ тою осторожностью, которая была по моему положенію необходима. Я не говорилъ и не могъ сказать, до какой степени мои предвидѣнія часто соглашались съ тѣмъ, что онъ предсказывалъ; но никогда не боялся объявлять ему, сколь пламенно я бы желалъ заключенія разсудительнаго мира, т. е. такого мира, въ которомъ побѣжденная Держава не была бы поражена правомъ сильнаго и угнетена подъ игомъ унизительныхъ условій. Уже конечно еслибъ это сколько нибудь отъ меня зависѣло, то Императоръ давно бы прекратилъ свои ужасныя вторженія, при коихъ не смотря на строжайшую дисциплину, народы всегда угнѣтаются и которыя возбуждаютъ ненависть, страшную тогда какъ воспослѣдуетъ взрывъ ея при первомъ переворотѣ судьбы.

Прежде прибытія Блюхера въ Гамбургъ, туда пріѣхалъ Принцъ Павелъ Виртембергскій, второй сынъ одного изъ Королей, которые были возведены въ этотъ санъ Наполеонъ, менѣе года тому назадъ, въ силу Пресбургскаго трактата. Юный Принцъ сей, напитанной понятіями о

свободѣ и независимости, господствовавшими тогда въ Германiи, сдѣлалъ опрометчивый поступокъ: онъ уѣхалъ безъ дозволенiя своего родителя изъ Штутгарда, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать Прусскую кампанiю, чрезъ что Король Виртембергскiй могъ подвергнуться гнѣву Наполеона. Король Прусскiй сдѣлалъ Принца Павла Генераломъ, но онъ былъ взятъ въ плѣнъ при самомъ началѣ военныхъ дѣйствiй. Не въ Штутгардъ, какъ ошибкою гдѣ то сказано, былъ отвезенъ Принцъ Жандармскимъ Капитаномъ. Онъ прiѣхалъ въ Гамбургъ, гдѣ часто посѣщалъ меня. Онъ еще не имѣлъ опредѣлительныхъ мыслей о томъ, что ему дѣлать, ибо послѣ взятiя его въ плѣнъ съ Прусаками, онъ изъявлялъ мнѣ живѣйшее желанiе вступить во Французскую службу и нѣсколько разъ просилъ меня исходатайствовать ему аудiенцiю у Императора; онъ получилъ ее, и долго пробылъ въ Парижѣ, гдѣ онъ часто жилъ и по возстановленiи Бурбоновъ.

Люди, за которыми мнѣ было приказано наблюдать въ самомъ городѣ Гамбургѣ, гораздо менѣе занимали меня, чѣмъ наши Альтонскiе сосѣды.

Число ихъ значительно увеличилось съ тѣхъ поръ какъ военныя происшествiя принудили весьма многихъ эмигрантовъ, жившихъ въ Мюнстерѣ, выѣхать изъ этого города: всѣ они сте-

кались въ Альтону. Завоеванныя области дѣлались для нихъ столь же опасными, какъ отечественная земля, ими оставленная. Еслибъ судьба всегда благопріятствовала честолюбивымъ замысламъ Наполеона, то я право незнаю, гдѣ бы наконецъ эмигранты могли найти убѣжище въ Европѣ. Мы шли отъ побѣды къ побѣдѣ съ такою быстротою, что они были принуждены поспѣшно удаляться при малѣйшемъ слухѣ о приближеніи Французскихъ армій. Извѣстнѣйшія лица изъ нашедшихъ себѣ убѣжище въ Альтонѣ были: Виконтъ де Семезонъ, Бальи Готфёль, Герцогиня Люксембургская, Маркизъ де Боннаръ, Герцогъ Вилькье, супруга Маршала Броли съ дочерью, Кардиналъ Монморанси, Г-жа де Коссе съ двумя дочерями и сыномъ, Епископъ Булонскій.

Бонапарте пробылъ въ Берлинѣ, гдѣ онъ сдѣлалъ Губернаторомъ неизбѣжнаго Кларка, столько времени, что депутація Сената успѣла пріѣхать изъ Парижа въ столицу Пруссіи для того, чтобы поздравить его съ первыми успѣхами. Я узналъ отъ вѣрныхъ людей, что Гг. Сенатскіе Депутаты, отступивъ при этомъ случаѣ отъ своей обыкновенной снисходительности, дерзнули не ограничиться одними только привѣтствіями и поздравленіями: они простерли свою смѣлость до того, что вздумали вмѣшиваться въ планы кампаніи Императора, упомянули объ опасности перехода чрезъ Одеръ и

наконецъ изъявили свое желаніе о заключеніи мира. Наполеонъ очень дурно принялъ эту выходку и нашелъ, что Сенаторы очень дерзки, позволяя себѣ вмѣшиваться въ его дѣла, что они поступили безразсудно и необдуманно; онъ по обыкновенію началъ ссылаться на свое искреннее желаніе мира и сказалъ Депутаціи, что не онъ, а Пруссія, поддержанная Россіею, хочетъ войны. Какъ Императоръ не посовѣстился объявить предъ Депутаціею Сената, будто бы Пруссія хочетъ войны? Правда, что она при началѣ желала оной; правда, что при выступленіи въ походъ, лелѣемая мечтами, она предалась обманчивымъ надеждамъ; но послѣ Октябрскихъ происшествій, все очень перемѣнило видъ. Какое-то электрическое онѣмѣніе убило всѣ эти мечты независимости и поразило всѣ умы. Всѣ, возставшіе противъ Наполеона Германскіе Принцы, послѣ Іенскаго сраженія съ такою же поспѣшностью убрались въ Альтону, какъ и сами эмигранты; это походило на всеобщее бѣгство къ единственному уголку земли представлявшему еще нѣкоторую безопасность. Замки Герцогствъ Веймарскаго, Готскаго, Брауншвейгскаго и Курфирстшества Гановрскаго, въ одну минуту опустѣли или были заняты Французскими войсками. Почти въ одно время пріѣхали Наслѣдный Принцъ Веймарскій, Герцогиня Голштейнская, Князь

Бельмонъ-Пиніатели и множество другихъ знатныхъ особъ. Между Французами послѣдовавшими этому общему бѣгству находился Г. де Преси. Четыре года уже онъ спокойно жилъ въ Вольфенбютелѣ; онъ очень желалъ возвратиться во Францію и просилъ меня исходатайствовать ему эту милость, что мнѣ къ счастію и удалось

Кромѣ почтенныхъ людей, удалившихся въ Альтону, туда пріѣхало нѣсколько пройдохъ, въ числѣ коихъ находился Фошъ-Борель. Мнѣ донесли о сильномъ спорѣ, который Фошъ-Борель осмѣлился завести съ Графомъ Жимелемъ за то, что онъ не могъ взять съ него денегъ на свои козни. Г. де Жимель имѣлъ деньги только для выдачи пансіоновъ; а притомъ онъ слишкомъ былъ разсудителенъ для того чтобы повѣрить пользѣ грубыхъ сатиръ Фошъ-Бореля и потому, онъ отдѣлалъ его отказомъ. Фошъ осмѣлился показать наглость, что привело Г Жимеля въ необходимость выгнать его отъ себя довольно сурово, чего онъ заслуживалъ. Фошъ-Борель только проѣхалъ чрезъ Гамбургъ и отправился въ Англію на одномъ кораблѣ съ Лордомъ Морпетомъ.

Пребываніе Графа де Жимеля въ Альтонѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ наиболѣе доставляло занятія Парижской Полиціи. Дѣйствительно онъ возбуждалъ собою важное безпо-

койство; но наконецъ Полиція отъ него избавилась: послѣ краткой поѣздки въ Англію, онъ умеръ въ 1807 году. Г. де Жимель заслужилъ гоненія Полиціи, только тѣмъ, что онъ съ чрезвычайною честностью и благорасположеніемъ исполнялъ человѣколюбивую обязанность, ввѣренную ему его бывшими повелителями, которые не могли бы сдѣлать лучшаго выбора.

ГЛАВА XIV.

Ненависть къ притѣснительному самовластію и нужда правосудія — Вознагражденіе Г. Граппеля за причиненный ему ущербъ. — Опасенія города Гамбурга. — Французы въ Бергдорфѣ. — Письмо Бернадота. — Невѣроятныя притѣсненія въ Пруссіи — Поддѣльныя надписи на векселяхъ. — Воспоминаніе о Кларкѣ въ Берлинѣ. — Лихоимство Голландцевъ. — Король Голландскій и осада Гамельна — Попеченія Наполеона о раненыхъ. — Порученіе Дюрока. — Обоюдная необходимость въ мирѣ. — Непомѣрныя требованія. — Дюрокъ въ Остеродѣ, и отказъ Короля Прусскаго. — Печальное положеніе Пруссіи — Переговоръ, порученный мнѣ въ Гамбургѣ. — Соглашеніе между Министрами и гнѣвъ Короля Шведскаго. — Гг. Нетцель и Ветерштедтъ.

Иногда очень малаго достаточно для того, чтобы заслужить о себѣ хорошее или дурное мнѣніе въ городѣ, гдѣ находишься въ должности иностраннаго Министра; особенно если Правительство, которое имѣешь честь представлять, вооружено такимъ всемогуществомъ, ка-

кимъ обладало Императорское Правительство послѣ разбитія Прусской арміи. Въ такомъ положеніи, малѣйшій самовластный поступокъ тѣмъ ненавистнѣе, что онъ кажется происходящимъ отъ злоупотребленія власти, и могу сказать, что я никогда не прибѣгалъ къ средствамъ, которыя осуждаются нравственностью и мудрою, искусною политикою. Если же напротивъ того, стараются смягчать или исправлять несправедливости и насилія, то жители считаютъ почти милостью вознагражденіе ущерба, даже и тогда, когда Министръ поступилъ только по законамъ строгаго правосудія. Я нѣсколько разъ видѣлъ доказательство сего во время пребыванія моего въ Гамбургѣ и особенно при одномъ случаѣ, который пришелъ мнѣ на память. Французскій отрядъ, откинутый Прусаками почти подъ самыя стѣны Гамбурга, расположился биваками близь дома Г. Граеппеля, одного изъ почтеннѣйшихъ членовъ Сената. Французскія войска, не смотря на дисциплину и порядокъ, которые имъ было приказано наблюдать, причинили Г. Граеппелю нѣкоторый ущербъ. Узнавъ объ этомъ я поспѣшилъ не ожидая отъ него требованія, самъ предложить ему вознагражденіе понесеннаго имъ убытка. Этотъ, самъ по себѣ простой поступокъ, содѣйствовалъ болѣе чѣмъ когда либо къ пріобрѣтенію мнѣ дружбы и уваженія Гамбургцевъ и даже имѣлъ вліяніе на

благопріятное къ Французскому Правительству расположеніе, которое Гамбургскій Сенатъ обнаружилъ въ важныхъ обстоятельствахъ, какъ ниже увидятъ.

Въ эти минуты переворотовъ, городъ Гамбургъ былъ со всѣхъ сторонъ угрожаемъ. Французы даже заняли часть земли его. Эти отряды къ счастію для этой страны, принадлежали къ корпусу Князя Понте-Корво. Это занятіе устрашило городъ Гамбургъ, и дѣйствительно оно было для него очень вредно. Я написалъ къ Маршалу Бернадоту. Причины, по которымъ Сенатъ просилъ о выведеніи этихъ войскъ, были слишкомъ основательны для того, чтобы Бернадотъ ихъ не уважилъ. Продолжительное пребываніе Французскихъ войскъ въ Бергдорфскомъ округѣ; пребываніе, которому начальникъ сихъ войскъ далъ совершенный видъ занятія, могло быть причиною конфискаціи всѣхъ Гамбургскихъ имуществъ въ Англіи, наложенія запрещенія на всѣ корабли Республики и слѣдовательно разоренія большой части торговли Франціи и Голландіи, которыя свершали дальнія плаванія подъ Гамбургскимъ флагомъ. Причина занимать Бергдорфской округъ уже несуществовала когда не стало болѣе Прусаковъ въ этой сторонѣ. Жаль было бы, еслибъ восемьдесятъ человѣкъ, расположившіеся въ этомъ округѣ сдѣлались причиною взятія Гамбургскаго,

Французскаго и Голландскаго имущества болѣе чѣмъ на восемьдесятъ миліоновъ.

Маршалъ отвѣчалъ мнѣ 16 Ноября:

«Я получилъ, любезный Буріеннъ, письмо «ваше и ноту Гамбургскаго Сената, при ономъ «приложенную. Спѣшу васъ увѣдомить, что я «далъ приказаніе очистить Бергдорфскій округъ «и всѣ Гамбургскія земли. Вы можете увѣрить «въ этомъ Сенатъ; я за большое удовольствіе «считаю дѣлать то, что вы находите справед«ливымъ.

«Повторяю вамъ, любезный Министръ, увѣ«реніе въ моей искренней привязанности. Вы «знаете мои къ вамъ чувства. Они основаны на «самой истинной привязанности и на самой «искренней дружбѣ.

«Еслибъ вы могли получить отъ Гамбургска«го Сената къ 19 числу сего мѣсяца, двѣ или «три тысячи паръ башмаковъ, то я очень былъ «бы вамъ благодаренъ. За эту поставку было «бы заплачено припасами или деньгами.

«БЕРНАДОТЪ.»

Я получилъ отъ Сената просимое Бернадотомъ; ибо Сенатъ зналъ его благородство; но какъ мало этого благородства показывали прочіе предводители Французскихъ армій! Сколько было сдѣлано притѣсненій во время занятія Пруссіи? Вотъ между прочимъ одно изъ *самыхъ простыхъ* средствъ, которыя употребляли въ

Берлинѣ для того, чтобы достать денегъ. Захвативъ силою векселя, дѣлали на нихъ фальшивыя надписи и потомъ осмѣливались предъявлять эти векселя банкирамъ, на имя которыхъ они были написаны. Однажды такіе векселя на большую сумму были предъявлены Гг. Матиссену и Силесину; узнавъ поддѣльныя подписи, они отказались платить. Безстыдство простерли до того, что къ нимъ поставили Жандармовъ; но банкиры упорствовали въ своемъ отказѣ. Меня увѣдомили объ этомъ насиліи, которое привлекло толпу любопытныхъ. Вознегодовавъ на такое дерзкое воровство, я тотчасъ отправился на мѣсто этой сцены и отослалъ прочь Жандармовъ, съ сердцемъ сказавъ имъ, что обязанность ихъ не въ томъ состоитъ, чтобы поддерживать воровъ, и что я нахожусь въ Гамбургѣ для выслушанія требованій, еслибъ кто счелъ нужнымъ ихъ сдѣлать.

Подъ управленіемъ Кларка въ Берлинѣ, жители были угнетаемы всякаго рода притѣсненіями и налогами. При исполненіи всѣхъ этихъ мѣръ, раболѣпно слѣдовали приказаніямъ Наполеона; и потому имя Кларка заслужило ненависть цѣлой Пруссіи.

Посреди всѣхъ этихъ притѣсненій и позорныхъ дѣйствій, которыя вовсе не составляютъ неизбѣжныхъ послѣдствій войны,—Голландскіе Генералы отличались жадностью, напоминав-

шею прекрасныя времена хищничества въ Италіи. Ужъ конечно не новый Король ихъ подавалъ имъ примѣръ къ такому поведенію; умѣренность его была извѣстна и она происходила столько же отъ его характера, какъ и отъ честныхъ его правилъ. Сдѣланный Королемъ противъ воли, Лудовикъ былъ предназначенъ показать собою примѣръ того, что честный человѣкъ можетъ претерпѣть на заемномъ престолѣ; притомъ же онъ принялъ очень малое участіе въ Прусскомъ походѣ. Правда, что по требованію Наполеона, онъ принялъ главное начальство надъ корпусомъ, составленнымъ изъ Голландскихъ войскъ, и сдѣлалъ начало осады Гамельна; но онъ не успѣлъ даже сдѣлать этой крѣности требованіе о сдачѣ, ибо чрезъ нѣсколько дней сдѣлался боленъ и принужденъ былъ уѣхать; этимъ ограничились всѣ его воинскіе подвиги. Гамельнъ сдался чрезъ нѣсколько времени послѣ того на капитуляцію Савари, котораго Императоръ послалъ для наблюденія за дѣйствіями осады. Одна статья можетъ дать понятіе объ условіяхъ предписанныхъ побѣжденнымъ: между прочими распоряженіями начальствовавшій въ Гамельнѣ Генералъ испрашивалъ, чтобы Прусскимъ Офицерамъ были оставлены башмаки и чулки. Имъ кажется было дано полутора-мѣсячное жалованье для того, чтобы они могли возвратиться домой.

Когда Король Прусскій увидѣлъ разбитіе на всѣхъ точкахъ войскъ своихъ, то онъ не могъ не пожалѣть о томъ, что началъ войну, которая предала его Государство власти Наполеона еще въ меньшее время, чѣмъ въ прошломъ году пала предъ нимъ Австрія. Онъ написалъ къ Императору, прося его о прекращеніи враждебныхъ дѣйствій. Раппъ присутствовалъ при полученіи Наполеономъ письма отъ Короля Прусскаго. «Теперь уже поздно,» сказалъ Императоръ. «Однакоже такъ и быть, я прекращу пролитіе «крови. Я готовъ согласиться на все, что не «коснется чести и выгодъ націи.» Тогда онъ кликнулъ Дюрока и приказалъ ему тотчасъ отправиться, осмотрѣвъ сперва раненыхъ и принявъ мѣры, чтобы они ни въ чемъ не имѣли нужды. «Повѣсти каждаго изъ нихъ отъ моего «имени,» прибавилъ Наполеонъ; «и сообщи имъ «всевозможныя утѣшенія. Послѣ этого поѣзжай «къ Прусскому Королю пока его сыщешь и «если онъ сдѣлаетъ разсудительныя предложенія, «то донеси мнѣ оних ъ.»

Дѣйствительно пора было, чтобы послѣ столькихъ успѣховъ съ одной стороны, столькихъ пораженій съ другой, столькихъ трудовъ и истощенія силъ съ обѣихъ сторонъ, побѣдители ощутили нужду насладиться своимъ торжествомъ, а побѣжденные позаботились бы объ излеченіи своихъ ранъ. Эти взаимныя потреб-

ности побудили Наполеона громко изъявить желаніе вступить въ переговоры; и такъ переговоры начали, но съ такими условіями со стороны Наполеона, на которыя согласиться было сочтено невозможнымъ ибо Пруссія долженствовала еще надѣяться на содѣйствіе Русскихъ армій; а притомъ требованія Императора распростирались и на Англію, которая въ эту минуту не имѣла никакихъ причинъ соглашаться на притязанія Франціи. Императоръ хотѣлъ, чтобы Англія отдала обратно Франціи колоніи, взятыя у нея съ начала войны, чтобы Россія возвратила Портѣ Молдавію и Валахію, ею занимаемыя; наконецъ онъ поступалъ какъ Государь въ какой-то трагедіи, приказывающій своему Посланнику, «чтобы онъ настаивалъ, требовалъ всего для того, чтобы ничего не получить.» Дѣйствительно, требованія Императора были такъ непомѣрны, что никакой разсудительный человѣкъ не могъ бы подумать, что самъ онъ питаетъ надежду видѣть ихъ принятыми. Эти переговоры, прерываемые и опять возобновляемые, продолжались со взаимною холодностью до тѣхъ поръ пока Англія склонила Россію присоединиться къ Пруссіи противъ Франціи; тогда они совершенно прекратились и для того, чтобы показать видъ желанія возобновить оныя на условіяхъ, еще болѣе благопріятныхъ для Франціи, Наполеонъ послалъ

Дюрока къ Королю Прусскому. Дюрокъ нашелъ сего Государя. въ Остеродѣ за Вислою и получилъ отъ него въ отвѣтъ: «Теперь уже не время!» Подобно тому какъ видѣли выше, что Наполеонъ сказалъ: «Теперь ужъ поздно.»

Судя безпристрастно, всякой согласится, что Король Прусскій, въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находился, не могъ отвѣчать иначе. Ему нечего было болѣе терять и онъ могъ надѣяться на благопріятный для себя оборотъ въ случаѣ, если фортуна окажется благосклонною къ Русскимъ войскамъ, исполненнымъ восторга и надеждъ.

Между тѣмъ какъ Дюрокъ исполнялъ свое порученіе у Короля Прусскаго, мнѣ также были поручены переговоры въ Гамбургѣ. Наполеону очень хотѣлось отдѣлить Швецію отъ союза и положить конецъ войнѣ съ нею особымъ договоромъ. Швеція дѣйствительно могла быть ему очень полезною, тогда какъ Пруссія, Россія и Англія составляли на Сѣверѣ значительную громаду силъ. Мы уже имѣли на своей сторонѣ Данію, и еслибъ мы могли присоединить къ ней Швецію, то совокупленіе этихъ двухъ Державъ составило бы диверсію, довольно значительную для того, чтобы внушить важныя безпокойства союзу, обязанному собрать свои главныя силы для противопостановленія оныхъ Большой Арміи въ Польшѣ.

Чувства Г-на Пейрона, Шведскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Гамбургѣ, были очень противоположны войнѣ, которую Король его велъ съ Франціею. Онъ думалъ и часто открыто говорилъ, что каковы бы ни были послѣдствія этого союза, а они не принесутъ никакой пользы его Государю, который потеряетъ значительное число людей и денегъ безъ всякой надежды на вознагражденіе; и простирая свои виды далѣе настоящаго положенія дѣлъ, Г. Пейронъ основательно заключалъ, что одна только Франція могла оказать покровительство Финляндіи противъ Россіи. Мнѣ очень было жаль, что онъ уѣхалъ изъ Гамбурга на годъ въ отпускъ въ ту самую минуту какъ я получилъ отъ Императора наставленія относительно дѣла, мною упомянутаго. Притомъ же Г. Пейронъ былъ чрезвычайно какъ любезенъ и расположеніе его къ Французамъ облегчило бы и сдѣлало бы болѣе пріятными переговоры, мнѣ порученные. Мѣсто его заступилъ Г. Нетцель, повѣренный въ дѣлахъ Швеціи въ Дрезденѣ, и я вскорѣ имѣлъ удовольствіе удостовѣриться, что образъ мыслей его былъ совершенно тотъ же какъ у его предшественника, съ которымъ онъ также равнялся любезностью своего характера.

Въ первые дни своего прибытія, Г. Нетцель испросилъ у меня свиданіе для переговора о Шведахъ, взятыхъ въ плѣнъ на Травѣ. Онъ про-

силъ меня отпустить Офицеровъ въ Швецію, гдѣ бы они остались плѣнниками на честное слово. Постаравшись исполнить желаемое Г-мъ Нетцелемъ, я воспользовался этимъ случаемъ для того, чтобы постепенно расположить его къ предмету, мнѣ порученному. Я остался чрезвычайно довольнымъ тѣмъ, какъ онъ принялъ мой первый приступъ къ дѣлу; и не могъ сказать ему ничего такого, въ чемъ бы онъ самъ не былъ заранѣе убѣжденъ. Онъ понималъ, что Государь его выиграетъ все чрезъ сближеніе съ Франціею, и сказалъ мнѣ, что вся Швеція требуетъ мира. Ободренный такимъ успѣшнымъ началомъ, я откровенно изложилъ ему дѣло, о которомъ мнѣ было поручено съ нимъ договариваться. Отвѣтствуя на изъявленную мною довѣренность, Г. Нетцель увѣрилъ меня, что Г. Веттерштедтъ, Королевскій Секретарь, съ которымъ онъ находился въ дружескихъ связяхъ и котораго онъ показалъ мнѣ многія письма, былъ одного съ нимъ мнѣнія. Онъ прибавилъ, что имѣетъ дозволеніе переписываться съ Королемъ, и что онъ въ тотъ же вечеръ сообщитъ своему Государю и Г. Веттерштедту содержаніе нашего разговора.

Изъ сказаннаго мною видно, что никогда еще переговоры не начинались болѣе благопріятнымъ образомъ; но кто могъ предвидѣть, что у Короля Шведскаго вѣтеръ вдругъ перемѣнит-

ся? Этотъ несчастный Монархъ очень дурно принялъ письмо Г. Нетцеля и Г. Веттерштедтъ получилъ приказанiе изъявить Г. Нетцелю неудовольствiе его Государя за то, что онъ осмѣлился посѣтить Французскаго Министра, а еще того болѣе, вступать съ этимъ Министромъ въ политическiй разговоръ, который впрочемъ былъ одинъ только *разговоръ*. Король этимъ не ограничился: Г. Нетцель со слезами на глазахъ увѣдомилъ меня о полученномъ имъ приказанiи немедленно выѣхать изъ Гамбурга, не ожидая себѣ преемника; онъ считалъ себя впадшимъ въ совершенную не милость.

Я имѣлъ удовольствiе въ 1809 году опять увидѣть Г. Нетцеля въ Гамбургѣ, куда онъ прiѣхалъ съ порученiемъ отъ Короля Карла XIII.

ГЛАВА XV.

Рожденіе Континентальной системы. — Берлинскій указъ.—Система безумія и тиранія. — Товары, бросаемые въ море.— Смертная казнь за голову сахару. — Война противъ ревеня. —Наущенія Совѣтниковъ Наполеона. — Фонтенблосскій лѣсъ засѣянный свекловицею.—Суровость исполненія Континентальной системы. — Всеобщее негодованіе.—Золото и обманъ.—Гамбургскія таможни. — Частное письмо мое къ Императору.—Совѣты мои, принятые Императоромъ и полученные имъ шестьдесятъ миліоновъ выгоды.—Политическое вліяніе и причина разрыва съ Россіею. — Дозволенія на вывозъ товаровъ.— Проѣздъ чрезъ Гамбургъ Бернадота Наслѣднаго Принца Шведскаго. — Совѣты на счетъ таможенъ.—Невозможность исполненія.—Вліяніе Континентальной системы на паденіе Наполеона.

Теперь я займусь знаменитою Континентальною системою, о которой столько говорили; можетъ быть лучше всякаго другаго я былъ въ состояніи узнать все плутовство оной и оцѣнить ея пагубныя послѣдствія. Эта система

родилась во время войны 1806 года, и была установлена указомъ изъ Берлина 21 Ноября (*). Неспособные совѣтники изобрѣли оный и видя справедливое негодованіе Императора на двуличность Англіи и на ея нехотѣніе дойти до настоящихъ съ нимъ переговоровъ; наконецъ

(*) Вальтеръ Скоттъ упоминаетъ объ указѣ изъ Гамбурга 1807 года. Наполеонъ никогда не пріѣзжалъ въ Гамбургъ. Чтоже касается до знаменитаго Берлинскаго указа, то вотъ онъ:

Въ нашемъ Императорскомъ лагерѣ въ Берлинѣ, 21 Ноября 1806.

Наполеонъ, Императоръ Французовъ и Король Италіи, принимая въ соображеніе:

1. Что Англія не признаетъ правъ человѣка, наблюдаемыхъ всѣми просвѣщенными народами.

2. Что она считаетъ непріятелемъ всякое лице принадлежащее непріятельскому Государству и въ слѣдствіе сего беретъ военноплѣнными не только экипажи торговыхъ кораблей и купеческихъ судовъ, но даже самихъ купцевъ и прикащиковъ, ѣдущихъ по своимъ торговымъ дѣламъ;

3. Что она распространяетъ на купеческія суда и товары и на частную собственность право завоеванія, могущее примѣняться только къ тому, что принадлежитъ непріятельскому Правительству;

4. Что она распространяетъ на неукрѣпленные комерческіе города и гавани, на порты и устья рѣкъ право блокады, которое по разсудку и по обычаю просвѣщенныхъ народовъ примѣняется только къ крѣпостямъ;

5. Что она объявляетъ состоящими въ блокадѣ такія мѣста, предъ коими не имѣетъ ни одного военнаго судна, хотя блокадою считается только то, когда мѣсто такъ окружено, что къ нему нельзя приблизиться, не подвергаясь очевидной опасности;

6. Что она даже объявляетъ состоящими въ блокадѣ такія мѣста, которыхъ она не могла бы обложить всѣми соединен-

на непріятелей, которыхъ она безпрестанно возстановляла противъ него на твердой землѣ, они склонили его издать указъ, который я не могу считать иначе, какъ дѣйствіемъ безумія и Европейской тираніи. Не указъ, а флоты были нужны; безъ флотовъ странно было объ-

---

ными своими силами—всѣ приморскія берега и цѣлую Имперію;

7. Что это чудовищное злоупотребленіе права блокады не имѣетъ другой цѣли, кромѣ той, чтобы воспрепятствовать сообщеніямъ между народами и воздвигнуть торговлю и промышленность Англіи на развалинахъ промышленности твердой земли;

8. Что при такой цѣли Англіи, тотъ кто производитъ на твердой землѣ торговлю Англійскими товарами благопріятствуетъ тѣмъ ея намѣреніямъ и дѣлается соучастникомъ оныхъ;

9. Что такое поведеніе Англіи, достойное по всему первыхъ вѣковъ варварства, доставило сей Державѣ пользу съ ущербомъ для всѣхъ прочихъ;

10. Что естественное право предписываетъ противопоставлять врагу тоже оружіе, которое онъ употребляетъ и сражается съ нимъ, такъ же какъ онъ сражается, если онъ не признаетъ всѣ понятія о правосудіи и всѣ свободномысленныя чувства, слѣдствія просвѣщенія человѣческаго:

Мы рѣшились примѣнить къ Англіи законы, постановленные ею въ ея Морскомъ Уставѣ.

Распоряженія сего указа будутъ считаться основнымъ правиломъ Имперіи до тѣхъ поръ, пока Англія признаетъ, что право войны есть одно и тоже на сухомъ пути и на морѣ; что оно не можетъ распространяться на какую-то ни было частную собственность, ни на особу людей, не принадлежащихъ къ военному званію; и что право блокады должно быть ограничено укрѣпленными мѣстами, дѣйствительно обложенными достаточными силами.

Въ слѣдствіе сего мы опредѣлили и опредѣляемъ слѣдующее:

Статья 1-я «Британскіе острова объявляются состоящими въ блокадѣ.

являть состоящими въ блокадѣ Британскіе острова между тѣмъ какъ Англійскіе флоты дѣйствительно содержали въ блокадѣ всѣ Французскіе порты. Однакоже Наполеонъ сдѣлалъ это своимъ Берлинскимъ указомъ; и вотъ что назвали Континентальною Системою! систему денегъ, плутовства и грабительства!

Ст. 2-я «Всякая торговля и всякая переписка съ Британскими островами воспрещается. Въ слѣдствіе сего всѣ письма или пакеты, адресованные въ Англію или Англичанину, или писанное на Англійскомъ языкѣ, не будутъ отсылаемы почтою а будутъ перехватываемы.

Ст. 3-я «Всякій Англичанинъ, какого бы званія или сословія онъ ни былъ, находящійся въ земляхъ, занятыхъ нашими войсками, или войсками нашихъ союзниковъ, будетъ взятъ военнопленнымъ.

Ст. 4-я «Всякой магазинъ, всякой товаръ, всякая собственность, какого бы то ни было рода, принадлежащая подданному Англіи, или происходящая съ ея фабрикъ, или изъ ея колоній объявляется законною добычею.

Ст. 5-я «Торговля Англійскими товарами запрещена; и всякой товаръ, принадлежащій Англіи или происходящій съ ея фабрикъ или изъ ея колоній, объявляется законною добычею.

Ст. 6-я «Половина выручки отъ конфискованныхъ товаровъ и имуществъ, объявленныхъ предъидущими статьями законною добычею, будетъ употреблена на вознагражденіе купцевъ, за потери понесенныя ими чрезъ взятіе торговыхъ судовъ Англійскими крейсерами.

Ст. 7-я «Никакое судно, идущее прямо изъ Англіи или изъ Англійскихъ колоній, или бывшее въ оныхъ послѣ обнародованія сего указа, не будетъ допущено ни въ какой портъ.

Ст. 8-я Всякое судно, которое посредствомъ ложнаго объявленія уклониться отъ вышеизложенныхъ правилъ, будетъ захвачено; корабль и грузъ конфискуются, какъ еслибъ оные составляли Англійскую собственность.

Трудно теперь постигнуть, какимъ образомъ Европа могла допустить хотя на одинъ день эту притѣснительную систему, заставлявшую платить непомѣрную цѣну за припасы, которые трехвѣковая привычка сдѣлала необходимыми бѣднымъ и богатымъ. Вовсе несправедливо будто бы при этомъ имѣли единственною, исключительною цѣлью воспрепятствовать Англіи продавать свои товары; ибо можно было цѣною золота покупать дозволенія. Съ невѣроятною наглостью увеличивали количество и качество предметовъ вывозимыхъ изъ Франціи. Дѣйствительно надобно было покупать эти предметы для того, чтобы исполнить волю Императора но ими нагружались только для

Ст. 9-я «Нашему Парижскому Суду Призовъ поручается окончательный разборъ всѣхъ споровъ могущихъ возникнуть въ нашей Имперіи или въ земляхъ, занятыхъ Французскою арміею, относительно исполненія настоящаго указа. Нашему Миланскому Суду Призовъ поручается окончательный разборъ всѣхъ вышеупомянутыхъ споровъ могущихъ возникнуть въ пространствѣ нашего Королевства Италіи.

Ст. 10-я «Указъ сей будетъ сообщенъ нашимъ Министромъ Внѣшнихъ Сношеній Королямъ Испанскому, Неаполитанскому, Голландскому и Этрурскому, и прочимъ нашимъ союзникамъ, коихъ подданные, подобно нашимъ содѣлываются жертвами несправедливости и варварства морскаго законодательства Англіи.

Ст. 11-я Нашимъ Министрамъ Внѣшнихъ Сношеній, Военному, Морскому, Финансовъ, Полиціи и нашимъ Почтдиректорамъ предписывается, каждому въ чемъ до него будетъ касаться, исполненіе сего указа.»

Подписано: *НАПОЛЕОНЪ.*

того чтобы бросать ихъ въ море. И никто не нашелся могущій сказать Императору, что Англія продавала Твердой Землѣ, но что она у нея почти ничего непокупала!

Выдача дозволеній доходила до соблазна, дѣлаясь для того, чтобы обогатить нѣсколько льстецовъ и удовлетворить видамъ и упрямству дѣльцовъ.

Эта система доказываетъ написанное въ лѣтописяхъ сердца и ума человѣческаго, что корыстолюбіе перваго ненасытно а заблужденія послѣдняго неисправимы. Я приведу тому примѣръ, хотя случившійся и послѣ эпохи, видѣвшей рожденіе адской Континентальной системы. Въ Гамбургѣ въ 1811 году при управленіи Даву одинъ бѣдный отецъ семейства едва не былъ разстрѣлянъ за то, что онъ ввезъ въ Эльбскій Департаментъ не большую голову сахару, необходимую для его семейства, между тѣмъ какъ Наполеонъ, можетъ быть, въ туже самую минуту подписывалъ дозволеніе на ввозъ миліона головъ. Малая контробанда была наказываема смертью, и само Правительство производило оную въ большомъ объемѣ; таже самая причина наполняла сундуки деньгами, а тюрьмы несчастными.

Таможенный уставъ этого времени, этотъ уголовный уставъ, бывшій въ открытой войнѣ съ ревенемъ и вооружавшій морскіе берега про-

тивъ ввоза Англійскихъ товаровъ не воспрепятствовалъ Континентальной системѣ пасть. Смѣшно было учрежденіе ненавистныхъ таможенныхъ судовъ. Въ Гамбургѣ, Предсѣдатель сего суда произнесъ рѣчь, въ которой онъ старался доказать, *что со временъ Птоломеевъ существовали чрезвычайныя таможенныя судилища, и что этому учрежденію Египетъ обязанъ своимъ благосостояніемъ.* Такимъ образомъ ввели ужасъ посредствомъ самой нелѣпой насмѣшки и глупости. Прежнія таможни, сильно уже ненавидимыя въ этой странѣ, громко и основательно говорили, что скоро о нихъ станутъ жалѣть и почувствуютъ разницу между ими и вновь учрежденными чрезвычайными Таможенными судами.

Совѣтники Наполеона довели его до глупаго, безполезнаго требованія, чтобы корабль, для котораго было дано дозволеніе, былъ нагружаемъ вывозными товарами на такую же цѣну, на которую дозволеніемъ разрѣшалось ввозить колоніяльныя произведенія. Что же дѣлали? Покупали за безцѣнокъ какіе нибудь старые запасы шелковыхъ тканей, совершенно вышедшіе изъ моды; и какъ эти предметы были запрещены въ Англіи, то ихъ бросали въ море, и небольшая потеря не причиняла почти нималѣйшаго ущерба обороту. Барышъ отъ даннаго дозволенія многимъ еще превосходилъ легкое

пожертвованіе, которое возбуждало собою только смѣхъ. Объявили, кажется по приказанію Наполеона, что Фонтенблосскій лѣсъ засѣянный свекловицею, доставитъ сахаръ цѣлой Европѣ. Непонимаю, какъ онъ могъ допустить напечатаніе такой нелѣпости въ Монитёрѣ. Впрочемъ я вовсе не хочу этимъ сказать чтобы произращеніе свекловицы не заслуживало ободренія.

Эта ненавистная и грубая система, достойная временъ невѣжества и варварства, которая хотябы и могла быть допущена въ теоріи, никогда бы не могла сдѣлаться удобоисполнимою на дѣлѣ, не была еще довольно опозорена. Имѣли глупость говорить, будто бы блокада твердой земли наконецъ заставила бы Англію пасть подъ громадою своихъ собственныхъ произведеній! Какая нелѣпость! Тѣ, которые изобрѣли эту систему, тѣ которые привели ее въ дѣйствіе, заслужили презрѣніе и негодованіе своихъ современниковъ; ибо потомство не займется ихъ бреднями; очень мало любили Императора люди присовѣтовавшіе ему эту съумазбродную систему, которая раздраживъ и возстановивъ противъ себя всю Европу, не могла не довести ее до противодѣйствія бичу, ее опустошавшему. Притѣснять родъ человѣческій и хотѣть чтобы онъ безпрестанно удивлялся и уступалъ, значило бы требовать невозможнаго! Казалось, что судьба, предназначав-

шая Наполеону еще нѣсколько большихъ торжествъ, хотѣла заблаговременно приготовить стихіи причинъ долженствовавшихъ вдругъ похитить у него всѣ оныя и низвергнуть его въ бѣдствіе, превышающее даже великое счастіе, которое благопріятствовало его возвышенію.

Развѣ этимъ роковымъ совѣтникамъ были неизвѣстны могущество золота, увѣреній и безчисленныя средства плутовства! Потребности цѣлаго общества боролись съ успѣхомъ противъ этихъ пагубныхъ мѣръ.

Запрещеніе торга, и жестокая строгость при наблюденіи за исполненіемъ этого ненавистнаго постановленія, составляли въ существѣ только налогъ на твердую землю. Вотъ тому доказательство: однакоже я говорю только о томъ, что самъ видѣлъ.

Таможни были очень строги въ Гамбургѣ и на двухъ линіяхъ Куксгавенской и Травемюндской. Г. Эйдель, Директоръ этого управленія, исполнялъ свою обязанность съ усердіемъ и безкорыстіемъ. Огромныя количества Англійскихъ товаровъ и колоніяльныхъ произведеній другихъ земель, были привозимы въ Голштинію, большею частью чрезъ Киль и Гудзумъ и пропускались чрезъ черту съ платою отъ тридцати трехъ до сорока со ста. Убѣжденный въ этомъ тысячью доказательствъ и наскучивъ таможенными притѣсненіями, я рѣшился сооб-

щить Императору мои размышленія. Онъ позволилъ мнѣ обращаться къ нему *прямо* безъ всякаго посредничества во всемъ, что я сочту необходимымъ для его службы. Я послалъ къ нему нарочно въ Фонтенбло, гдѣ онъ тогда находился, и въ депешѣ моей объявилъ, что все будетъ провозимо не смотря на его таможни, ибо барышъ отъ продажи въ Германіи, въ Польшѣ, въ Италіи и даже во Франціи, куда товары успѣвали провозить, слишкомъ былъ значителенъ для того чтобы не пускаться на всякія опасности; я предложилъ ему въ эпоху присоединенія Ганзейскихъ городовъ ко Французской Имперіи, дозволить свободный ввозъ этихъ товаровъ съ платою тридцати трехъ со ста. Императоръ, неколеблясь внялъ моимъ совѣтамъ и въ продолженіи 1811 года, это распоряженіе доставило болѣе 60 миліоновъ; а между тѣмъ льстецы Наполеона продолжали кричать, что Англію разоряютъ, запрещая ввозъ ея произведеній. Въ послѣдствіи такимъ же образомъ поступили съ товарами, захваченными и сложенными въ портахъ и въ большихъ городахъ Пруссіи, что также доставило значительныя суммы. Континентальная система тѣмъ не менѣе существовала и была превозносима похвалами.

Эта система поссорила насъ со Швеціею и съ Россіею, которыя не могли стерпѣть чтобы

Наполеонъ требовалъ строгой блокады, раздавая самъ дозволенія на ввозъ товаровъ, и сердился когда онѣ давали ихъ сами. —Бернадотъ, отправляясь въ Швецію, проѣхалъ чрезъ Гамбургъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1810 года. Онъ пробылъ со мною три дня, которые мы провели въ величайшей короткости. Онъ не хотѣлъ ни съ кѣмъ видѣться. Онъ совѣтовался со мною, что ему дѣлать относительно Континентальной Системы. Я не поколебался объявить ему, не какъ Министръ Франціи, но какъ человѣкъ и какъ другъ его, что на его мѣстѣ, правя Государствомъ бѣднымъ и могущимъ существовать только обмѣномъ произведеній своей земли съ Англіею, я бы открылъ мои гавани и безденежно далъ бы Шведамъ общее дозволеніе, которое Бонапарте продавалъ по частямъ корысти и проискамъ.

Безразсудный Берлинскій указъ сильнѣе всего долженствовалъ возбудить противодѣйствіе фортунѣ Императора, возстановляя противъ него цѣлыя народонаселенія. Низверженіе съ престола двадцати Государей менѣе бы возбудило противъ него ненависти, чѣмъ навлекло ему оной презрѣніе нуждъ народовъ. Это совершенное незнаніе правилъ политической экономіи причинило общую нищету и лишенія, которыя въ свою очередь произвели неизбѣжное возстаніе.

Эта система могла бы имѣть успѣхъ только въ такомъ невозможномъ случаѣ, еслибъ всѣ Державы Европы, искренно приняли оную. Одна гавань, оставшаяся открытою, уничтожала оную. Для совершеннаго успѣха оной надобно было бы безпрестанно побѣждать, занимать всѣ земли войсками и никогда не выводить ихъ. Какъ средство разорить Англію, это была совершенная глупость; ибо запрещеніе всякой переписки и всякой торговли съ этою землею, вредило выгодамъ всѣхъ. Надобно было чтобы мечъ принудилъ всю Европу войти въ этотъ нелѣпый союзъ и чтобы таже сила постоянно ее въ немъ удерживала. Было ли это возможно?

Какъ подать, она могла быть исполнена; но подать сія была слишкомъ тяжела, слишкомъ притѣснительна въ способѣ собиранія оной. Нѣкто назвалъ Континентальную Систему *Матеріялизмомъ вѣрховной власти*: это выраженіе совершенно ее означаетъ.

Для помѣщенія великаго числа таможенныхъ войскъ надобно было очистить многія тюрьмы. Остальныя такъ были набиты, что половина заключенныхъ принужденною находилась стоять на ногахъ, пока другая половина ихъ спала.

Одинъ Капитанъ простилъ попавшагося къ нему подъ судъ бѣднаго крестьянина, который былъ пойманъ съ головою сахару, купленною имъ

внѣ таможенной заставы. Этотъ Офицеръ находился за большимъ обѣдомъ у Маршала Даву. «Вы слишкомъ совѣстливы господинъ Капитанъ!» сказалъ ему Даву въ половинѣ стола.—«Но, Г. Маршалъ. . . . —Явитесь въ Штабъ, тамъ есть вамъ предписаніе.» Этимъ предписаніемъ Капитанъ былъ отправленъ за 80 миль отъ Гамбурга. Надобно было, подобно мнѣ, быть свидѣтелемъ столькихъ притѣсненій, столькихъ бѣдствій причиненныхъ роковою Континентальною Системою, для того чтобы постигнуть, сколько изобрѣтатели оной сдѣлали зла Европѣ, сколько они возбудили ненависти, навлекли мщенія и споспѣшествовали къ паденію Наполеона.

ГЛАВА XVI.

Величайшій полководецъ.— Новая система войны. — Прежнія зимнія квартиры.—Движеніе противъ Русскихъ.—Воззваніе Императора.—Перечень военныхъ дѣйствій. — Четыре сраженія и одна большая битва.—Новыя арміи, составленныя внутри Государства.—Мечты Прусаковъ. — Необходимость итти на встрѣчу къ Русскимъ.—Геній завоеваній и геній истребленія.—Жалобы и бѣдствія Ганзейскихъ областей.—Пятьдесятъ тысячъ плащей, поставленные мною для арміи. — Русскій хлѣбъ, найденный въ Магдебургѣ.—Ложное усердіе слишкомъ преданныхъ агентовъ.—Полковникъ Клеманъ въ Бременѣ.—Неприличное воззваніе, представленное мною къ Правительству.—Прибавки къ строгостямъ Континентальной системы.—Быстрота похода Мюрата и вступленіе его въ Варшаву.—Депутація Поляковъ.—Нерѣшительность Наполеона на счетъ Польши.—Дюрокъ и переломленная рука.—Завязшая въ грязи карета Г. Талейрана и солдатскія рѣчи.—Уныніе войскъ.—Средство Наполеона для того чтобы *разбудить* своихъ солдатъ.—Бонапарте импровизаторъ.

Бонапарте не только былъ, безъ всякаго сравненія величайшимъ полководцемъ новѣйшихъ временъ, но можно сказать, что онъ преобра-

зовалъ искуство войны. Онъ сдѣлалъ изъ нея ужасную игру, не подчиненную болѣе препятствіямъ временъ года. Самые искусные воины всегда подчиняли время правильной рѣзни раздѣленіямъ календаря и прежде въ Европѣ было обычаемъ ходить безъ страха противъ ружей и пушекъ съ первыхъ дней весны до послѣдней хорошей погоды осенью; потомъ клали съ обѣихъ сторонъ оружіе предъ дождемъ, снѣгомъ и холодомъ, располагаясь на такъ называемыхъ зимнихъ квартирахъ. Пишегрю въ Голландіи подалъ уже примѣръ пренебреженія погоды; Бонапарте подъ Аустерлицемъ также не убоялся зимнихъ льдовъ; это ему удалось и онъ сдѣлалъ тоже при наступленіи зимы съ 1806 на 1807 годъ; воинскій его геній и невѣроятная дѣятельность, казалось удвоили свои силы, и гордясь своими солдатами, онъ рѣшился выступить въ зимній походъ, въ страну имѣющую климатъ суровѣе чѣмъ въ тѣхъ, гдѣ онъ прежде сражался. Онъ хотѣлъ, чтобы люди, прикованные къ его судьбинѣ также могли переносить Сѣверные вѣтры, какъ они переносили зной Египетскаго солнца. Искусный между всѣми воинами въ выборѣ боевыхъ полей, онъ не желалъ спокойно ждать, чтобы Русская армія подходившая къ Германіи произвела съ нимъ борьбу на поляхъ завоеванной Пруссіи; онъ рѣшился итти къ ней на встрѣчу и остановить

ее прежде чѣмъ она перейдетъ чрезъ Вислу. Но предъ выѣздомъ своимъ изъ Берлина къ границамъ Россіи, онъ сказалъ своимъ солдатамъ:

«Вы оправдали мое ожиданіе и достойно отвѣтствовали довѣрію Французскаго народа. Вы перенесли усталости и лишенія съ такимъ же мужествомъ, какія вы показали непоколебимость и хладнокровіе въ битвахъ. Вы достойные защитники чести моей короны и славы великаго народа. Пока вы будете одушевляемы этими чувствами, ни что не въ состояніи будетъ вамъ противостать. Не знаю теперь, какому оружію отдать преимущество. Всѣ вы славные солдаты. Вотъ плоды нашихъ подвиговъ.

«Одна изъ первыхъ Европейскихъ Державъ, которая нѣкогда дерзнула предложить намъ постыдныя условія, уничтожена. Лѣса, тѣснины Франконіи, Салы и Эльбы, которые предки наши не прошли бы въ семь лѣтъ, мы прошли въ семь дней, давъ въ теченіи этого времени четыре сраженія и одну большую битву. Мы предупредили въ Постдамѣ, въ Берлинѣ, славу о нашихъ побѣдахъ. Мы взяли шестьдесятъ тысячъ плѣнныхъ, шестьдесятъ пять знаменъ, между коими находятся знамена Гвардіи Короля Прусскаго, шесть сотъ пушекъ, три крѣпости и болѣе двадцати Генераловъ; однакоже болѣе половины изъ васъ жалѣютъ, что имъ неудалось ни разу выстрѣлить изъ ружья. Всѣ

области Прусской Монархіи до Одера, въ нашей власти.

«Солдаты! Россіяне хвалятся, что они идутъ на насъ; мы пойдемъ къ нимъ на встрѣчу, мы сократимъ въ половину путь ихъ; они не будутъ имѣть успѣха въ борьбѣ съ нами.

«Однакоже между тѣмъ какъ мы идемъ противъ Русскихъ, новыя арміи, набранныя внутри Имперіи, идутъ занять мѣста наши для того, чтобы охранить наши побѣды. Весь народъ мой ополчился, устыдясь постыдныхъ условій, которыя Прусскіе Министры возмечтали намъ предложить (*). Наши дороги и пограничные города наполнены Конскриптами, которые горятъ желаніемъ итти по слѣдамъ великимъ. Мы не будемъ болѣе игрушкою вѣроломнаго мира и не положимъ оружія до тѣхъ поръ, пока не принудимъ Англичанъ, этихъ вѣчныхъ враговъ нашего народа, отказаться отъ замысла тревожить твердую землю и отъ самовластнаго владычества надъ морями.

«Солдаты, я не могу лучше выразить чувства, мною къ вамъ ощущаемыя, какъ сказавъ, что я ношу въ сердцѣ любовь, которую вы каждый день мнѣ показываете.»

(*) Когда Наполеонъ готовился выступить въ походъ, то на первые его переговоры отвѣтствовали, что Пруссія, для заключенія мира *требуетъ*, чтобы Императоръ отказался отъ всѣхъ своихъ завоеваній и угрожаетъ намъ своимъ гнѣвомъ, если Французскія войска перейдутъ чрезъ Рейнъ.

Это воззваніе было уже не первымъ, изъ сдѣланныхъ Наполеономъ въ продолженіе Прусской кампаніи; я счелъ нужнымъ помѣстить его потому, что находясь, такъ сказать въ срединѣ его похода, оно напоминаетъ то, что Французскія арміи уже сдѣлали при изданіи онаго, возвѣщая въ тоже время будущія намѣренія Императора. Все побуждало его тогда идти впередъ, ибо еслибъ онъ сталъ дожидаться пока Русскіе перейдутъ чрезъ Вислу, то вѣроятно не было бы зимней кампаніи и сила обстоятельствъ принудила бы его расположиться на печальныхъ зимнихъ квартирахъ между этою рѣкою и Одеромъ или перейти обратно за Одеръ для того, чтобы встрѣтить непріятеля въ Пруссіи. Военный его геній и неутомимая дѣятельность, никогда его не оставлявшія, удивительно помогли ему при этомъ обстоятельствѣ; и вышепомѣщенное воззваніе, изданное въ Берлинѣ предъ отъѣздомъ его въ Шарлотенбургъ, доказываетъ, что онъ дѣйствовалъ не на удачу, какъ это съ нимъ часто случалось; но что расчисленія его были заблаговременно сдѣланы.

Этотъ геній завоеваній можетъ имѣть прелесть на полѣ битвы, быстрое, необъятное движеніе, сообщенное громадамъ силъ волею одного человѣка можетъ сверкать подобно молніи преходящимъ блескамъ и ослѣплять глаза толпы; но когда находишся вдалекѣ отъ театра

славы, когда видишь, какъ печальныя послѣдствія оной угнетаютъ народы, то геній завоеванія кажется уже только геніемъ истребленія. Какое зрѣлище я имѣлъ передъ глазами! Я безпрестанно принужденъ былъ слушать жалобы на всеобщее бѣдствіе и исполнять приказы, прибавляющіе новыя великія пожертвованія къ тѣмъ которыя городъ Гамбургъ уже сдѣлалъ. Такъ напримѣръ Императоръ потребовалъ у меня пятьдесятъ тысячъ плащей, которые тотчасъ были мною поставлены. Я чувствовалъ важность этой поставки при наступленіи зимы въ такомъ климатѣ, котораго наши солдаты не испытали еще суровости. Я также получилъ приказаніе захватить въ Любекѣ, подвергавшемся нѣсколько разъ бѣдствіямъ осады, четыреста тысячъ ластовъ муки и прислать ее въ Магдебургъ. Эта мука принадлежала Россіи. Маршалъ Мортье съ своей стороны захватилъ строевой лѣсъ, также принадлежащій Россіи и оцѣненный въ 1,400,000 франковъ. Наконецъ, съ Ганзейскими городами поступали какъ съ дойными коровами; изъ нихъ всякими средствами выжимали все, между тѣмъ какъ въ тоже время Континентальная система начала изсушать источники ихъ благосостоянія.

При этихъ угнетавшихъ народы притѣсненіяхъ, при этихъ бѣдствіяхъ,—были Императорскіе агенты, которые желая себя выказать,

дѣлали эти притѣсненія и эти бѣдствія еще болѣе тяжкими. Такъ напримѣръ я помню, что одинъ Полковникъ по имени Клеманъ, человѣкъ старавшійся прикрыть свою посредственность доказательствами слѣпой преданности, занявъ военною рукою городъ Бременъ издалъ такое воззваніе, которое я принужденнымъ нашелся представить Правительству. Эти воззванія были до чрезвычайности неприличны. Полковникъ Клеманъ дозволилъ себѣ безъ всякаго на то приказанія и уполномочія, сдѣлать жестокія прибавки къ Императорскому Берлинскому указу, касательно Англійскихъ товаровъ. При занятіи Бремена онъ далеко превзошелъ Маршала Мортье, тогда какъ этотъ послѣдній исполнялъ приказаніе занять землю и городъ Гамбургъ. Признаюсь мнѣ больно было видѣть, что такими злоупотребленіями власти раздражаютъ ненависть жителей противъ Франціи. Я сдѣлалъ Маршалу Мортье сильное представленіе о поступкахъ Полковника; и Маршалъ тотчасъ приказалъ ему возстановить вещи въ Бременѣ на тойже самой ногѣ, какъ оныя были въ Гамбургѣ, строжайше ограничась смысломъ Берлинскаго указа. Этотъ духъ притѣсненія слишкомъ часто былъ обнаруживаемъ второстепенными начальниками арміи; и какъ эти притѣсненія, это разореніе жителей городовъ и деревень, эти общія повсемѣстныя жалобы въ эпоху навле-

личайшей славы Императора, не внушили ему, что эти народы, тогда безоружные, черезъ нѣсколько годовъ ополчатся поголовно для того, чтобы положить конецъ своимъ страданіямъ и отомстить за свои бѣдствія?

Однакоже войска наши все шли впередъ съ такою быстротою, что Мюратъ, болѣе всѣхъ другихъ имѣвшій страсть къ войнѣ, пришелъ прежде конца Ноября въ Варшаву съ авангардомъ Большой Арміи, которымъ онъ предводительствовалъ. Тогда Главная Квартира Императора находилась въ Познани и къ нему со всѣхъ сторонъ являлись депутаты, съ просьбою о возстановленіи Королевства Польши и его независимости. Я узналъ отъ Раппа, что принявъ депутатовъ города Варшавы, онъ сказалъ ему: «Я люблю Поляковъ; ревность ихъ мнѣ нравится. Я желалъ бы сдѣлать ихъ независимымъ народомъ, но это очень трудно. Слишкомъ многіе тому воспротивятся. Австрія, Россія, Пруссія; а когда зажжешь фитиль, то кто знаетъ, на чемъ пожаръ остановится. Мой первый долгъ есть къ Франціи и я не долженъ жертвовать ею для Польши; это завело бы насъ слишкомъ далеко. А притомъ надобно предоставить это властителю всѣхъ вещей—времени, оно въ послѣдствіи научитъ насъ, что должно дѣлать.» Еслибъ Сулковскій былъ живъ, то Наполеонъ вспомнилъ бы, что онъ говорилъ въ Египтѣ и

вѣроятно возстановилъ бы державу, которой раздѣленіе начало въ концѣ прошедшаго столѣтія разстроивать это политическое равновѣсіе, которое существовало въ Европѣ со времени Вестфальскаго трактата.

Въ Главную Квартиру въ Познани возвратился къ Императору Дюрокъ послѣ упомянутаго мною порученія своего къ Королю Прусскому. Я съ огорченіемъ узналъ, что дорогою онъ опрокинулся и переломилъ себѣ руку. Всѣ получаемыя мною письма были наполнены жалобами на дурное состояніе дорогъ; дрались такъ сказать въ грязи и не иначе какъ съ наивеличайшимъ трудомъ могли перевозить артиллерію и обозныя фуры арміи. Мнѣ послѣ разсказывали, что карета Г. Талейрана, котораго Императоръ потребовалъ въ Главную Квартиру на случай переговоровъ о мирѣ, такъ завязла въ грязи, что Министръ просидѣлъ около двѣнадцати часовъ на одномъ мѣстѣ. Солдаты очень были не въ духѣ идя по колѣно въ водѣ и въ грязи и когда нѣкоторые изъ нихъ спросили у людей Г. Талейрана, кто это такой, то имъ отвѣчали, что Министръ Иностранныхъ Дѣлъ. «По дѣломъ,» сказалъ одинъ шутникъ, «не ѣздить бы ему со своею дипломатіею въ такую собачью землю!»

Императоръ имѣлъ въѣздъ въ Варшаву перваго Генваря; большая часть полученныхъ имъ донесеній согласно описывали ему неудовольст-

віе войскъ, съ нѣкотораго времени много потерпѣвшихъ отъ ненастной погоды, отъ дурныхъ дорогъ и всякаго рода лишеній. Тогда Бонапарте сказалъ Генераламъ, доносившимъ ему объ уныніи, которое заступило мѣсто восторга въ умѣ его войскъ: «Говорилиль вы имъ о непріятелѣ? Не ужели они не показываютъ порывовъ, увидя его?—Нѣтъ, Государь.—Я былъ въ этомъ увѣренъ: войска мои всѣ тѣ же.» Потомъ онъ сказалъ Раппу: «*Я ихъ разбужу*!» И продиктовалъ слѣдующее воззваніе:

«Солдаты!

«Сего дня годъ тому, какъ въ самый этотъ часъ вы находились на полѣ Аустерлицкой битвы. Устрашенныя непріятельскія войска въ безпорядкѣ предъ вами отступали или, будучи окружаемы, клали оружіе предъ побѣдителями. На другой день они заговорили о мирѣ; но слова эти были обманчивы: едва избѣгнувъ бѣдствій третьяго союза, они замышляли четвертый; но союзникъ, на коего они полагали свою главную надежду, уже болѣе не существовалъ: его укрѣпленныя мѣста, столицы, магазины, арсеналы, двѣсти восемдесятъ знаменъ, семь сотъ орудій и пять большихъ крѣпостей, въ нашей власти. Одеръ, Варта, пустыни Польши, непогоды, ничто ни на минуту васъ не остановило; вы всѣмъ пренебрегли, все преодолѣли; все бѣжитъ предъ вами. Французскій орелъ на-

ритъ надъ Вислою. Храбрый и несчастный Полякъ, видя васъ мнитъ зрѣть легiоны Собiесскаго, возвращающiеся изъ ихъ достопамятнаго похода.

«Солдаты, мы не положимъ оружiя до тѣхъ поръ, пока общiй миръ не утвердитъ и не обеспечитъ могущества нашихъ союзниковъ, не возвратитъ нашей торговлѣ ея свободы и колонiй. Мы завоевали на Эльбѣ и на Одерѣ — Пондишери, наши заведенiя въ Индiи, Мысъ Доброй Надежды и Испанскiя колонiи; кто дастъ Русскимъ право располагать судьбами? кто дастъ имъ право ниспровергать столь справедливыя намѣренiя?»

Когда Бонапарте диктовалъ свои воззванiя, а Богъ знаетъ сколько я переписалъ ихъ со словъ его, то онъ иногда имѣлъ вдохновенный видъ; голова его воспламенялась подобно какъ у Италiанскихъ импровизаторовъ; онъ стоялъ такъ сказать на треножникѣ и надобно было писать съ невѣроятною скоростью для того, чтобы за нимъ поспѣвать ибо диктовка его была импровизацiею; онъ имѣлъ тогда важный видъ и приказывалъ прочитывать себѣ то, что было имъ надиктовано; неоднократно видалъ я, какъ онъ восхищался дѣйствiемъ, которое долженствовало произвести то или другое выраженiе. Вообще воззванiя его основывались на трехъ статьяхъ: хвалить солдатъ за то, что они сдѣ-

лали; показывать имъ то, что имъ предстоитъ еще сдѣлать и хулить своихъ непріятелей. Послѣднее воззваніе, мною приведенное, было распространено по всей Германіи, и, не бывъ очевидцемъ, нельзя представить себѣ непостижимаго дѣйствія, произведеннаго онымъ на армію. Корпуса, стоявшія назади, горѣли желаніемъ перейти ускоренными маршами пространство, отдѣлявшее ихъ отъ Главной Квартиры, а тѣ, которые находились ближе къ Императору, забывали свою усталость, бѣдствія и лишенія, нетерпѣливо ожидая боя. Большею частью они не понимали того, что говорилъ имъ Наполеонъ: не думаю, напримѣръ, чтобы они поняли, какимъ образомъ они завоевали Пондишери и Мысъ Доброй Надежды на Эльбѣ и на Одерѣ, но они говорили между собою. «Императоръ сказалъ это.» Они вспомнили сраженія, въ которыхъ находились; шли весело безъ башмаковъ; и проводили многіе часы безъ съѣстныхъ припасовъ, не жалуясь; такъ великъ былъ восторгъ или лучше сказать изступленіе, которое Наполеонъ умѣлъ внушать своимъ солдатамъ, когда онъ чувствовалъ нужду ихъ *разбудить*.

ГЛАВА XVII.

Воспоминаніе о Герцогѣ Меклембургскомъ.— Цѣль его пріѣздовъ въ Гамбургъ.—Дача моя въ Голштиніи. — Сношенія мои съ Герцогомъ Веймарскимъ —Исходатайствованіе мною возвращенія ему владѣній. — Благодарственное письмо. — Тильзитскій трактатъ и Герцогъ Меклембургскій.—Посѣщеніе, сдѣланное мнѣ наслѣднымъ Принцемъ и поѣздка его въ Парижъ. — Списки представленій и разрядная книга знатныхъ особъ Европы. — Письмо наслѣднаго Герцога Баденскаго.—Моя гостинная и мой кабинетъ.—Предложеніе Бётлера, Англійскаго шпіона. — Осторожность его.— Бётлеръ въ Парижѣ и въ Лондонѣ, и странныя статьи въ журналахъ.—Опасеніе Бонапарте на счетъ сношеній между Франціею и Англіею. — Неудовольствіе Императора противъ Фуше.—Страхъ внушенный купеческими путешественниками (Commis-vogagents).—Упадокъ торговли Голландіи.— Тщательное сопротивленіе Лудовика Берлинскому указу.— Наблюденіе за подозрительными людьми.—Невозможность исполненія.

Я выше упомянулъ о Герцогѣ Меклембургъ-Шверинскомъ, о его фамиліи и въ особенности

о дочери его Принцессѣ Шарлоттѣ, бывшей въ супружествѣ за наслѣднымъ Принцемъ Датскимъ; я забылъ одно обстоятельство, пришедшее мнѣ теперь на память, касательно моихъ съ нимъ сношеній. Будучи изгнанъ изъ своихъ владѣній послѣ Іенской битвы, онъ удалился въ Альтону, откуда чрезъ Министра своего въ Гамбургѣ Графа Плессена, просилъ у меня позволенія пріѣзжать иногда въ этотъ послѣдній городъ: я охотно согласился, но какъ онъ при поѣздкахъ своихъ не бралъ никакихъ предосторожностей, то я сдѣлалъ ему нѣсколько дружескихъ замѣчаній. Мнѣ была извѣстна цѣль этихъ посѣщеній: дѣло состояло въ тайной связи; но въ слѣдствіе моихъ замѣчаній, онъ перемѣстилъ въ Альтону особу, привлекавшую его въ Гамбургъ и очень обязательно увѣрилъ меня, что онъ сдѣлалъ это для большей увѣренности въ томъ, чтобы не навлечь мнѣ собою какой либо непріятности. Послѣ этого онъ сталъ рѣдко ѣздить въ Гамбургъ; но какъ мы находились съ Даніею въ наилучшемъ согласіи, то я продолжалъ видаться съ его зятемъ и дочерью, часто пріѣзжавшими въ загородный домъ, который я имѣлъ въ Голштиніи, близъ Альтоны. Я также принималъ тамъ почти каждый день Герцога Веймарскаго, человѣка добраго, любезнаго, превосходнаго, одареннаго самыми счастливыми качествами. Я имѣлъ

счастіе находиться съ нимъ въ такой короткой связи, что домъ мой сдѣлался для него какъ бы его собственнымъ. Онъ также потерялъ свои владѣнія, но положеніе въ которомъ я находился и обстоятельства пребыванія моего въ Гамбургѣ дозволяли мнѣ имѣть нѣкоторое вліяніе на политическую снисходительность или строгость моего правительства и я имѣлъ счастіе содѣйствовать къ возвращенію ему его владѣній. Я столь искренно былъ къ нему привязанъ, что отъѣздъ его очень меня огорчилъ. По пріѣздѣ своемъ въ Берлинъ, онъ написалъ ко мнѣ письмо, сильно меня тронувшее.

«Милостивый Государь,

«Примите увѣренія въ моей живѣйшей при«знательности за всѣ знаки расположенія, ока«заннаго вами мнѣ въ Гамбургѣ и за госте«пріимство, которымъ я пользовался въ вашемъ «домѣ. Ваши личныя достоинства, Милостивый «Государь, сильно меня поразили, и я считаю «однимъ изъ счастливѣйшихъ дней моей жизни «тотъ, въ который я имѣлъ удовольствіе съ вами «познакомиться.

«Позвольте мнѣ засвидѣтельствовать Г-жѣ Бу«ріеннъ мое почтеніе, и какъ я чрезвычайно «желаю, чтобы воспоминаніе обо мнѣ сохрани«лось въ вашемъ любезномъ семействѣ, то при«лагаю при семъ бриліантъ, который прошу

«отъ меня принять и хранить, какъ залогъ моей «совершенной благодарности и желанія не быть «изглаженнымъ изъ вашей памяти.

«Съ чувствами особеннаго уваженія имѣю «честь быть и проч.

Герцогъ ВЕЙМАРСКІЙ.

Берлинъ, 7 Декабря 1806.

Герцогъ Меклембургскій былъ менѣе счастливъ, чѣмъ Герцогъ Веймарскій, не смотря на свое родство съ царствующимъ Датскимъ Домомъ; онъ принужденнымъ нашелся прожить въ Альтонѣ до Іюля мѣсяца слѣдующаго года, ибо владѣнія его были ему возвращены не прежде, какъ по заключеніи Тильзитскаго трактата. Какъ только узнали о возвращеніи Императора въ Парижъ, то сынъ его, наслѣдный Принцъ, пріѣхалъ ко мнѣ въ Гамбургъ спросить моего мнѣнія, можно ли ему будетъ ѣхать туда повергнуть къ стопамъ Императора изъявленіе признательности отца его и его собственной; это былъ молодой человѣкъ, очень хорошо воспитанный и подававшій большія надежды; онъ отправился въ сопровожденіи Г. Ертцена и Барона Бранштатена. Черезъ нѣсколько времени я увидѣлъ имя его въ Монитёрѣ въ одномъ изъ списковъ представлявшихся Наполеону особъ, списковъ коихъ собраніе въ эпоху Имперіи мо-

жетъ служить разрядною книгою знатнѣйшихъ особъ почти всей Европы.

Вовсе не изъ тщеславія привожу я на память нѣкоторыя изъ связей моихъ со многими Принцами Германіи; я слишкомъ вблизи видѣлъ, какъ возвышались и унижались человѣческія величія, для того чтобы ими обольщаться. Я хочу только доказать, какимъ образомъ посредствомъ умѣренности, даже исполняя волю желѣзнаго Правительства, я успѣлъ внушить довѣренность нѣкоторымъ за-Рейнскимъ Принцамъ; и при этомъ случаѣ приведу еще письмо написанное ко мнѣ въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1806 года Принцемъ Карломъ, Великимъ Герцогомъ Баденскимъ, по случаю отправленія сестры его въ Гамбургъ.

«Имѣю честь извѣстить васъ симъ письмомъ, «что я присовѣтовалъ сестрѣ моей ѣхать въ «Гамбургъ для того, чтобы находиться ближе «къ своему мужу, Принцу Брауншвейгъ Эль«скому. Прошу васъ Г. Министръ оказать ей «ваше участіе во время пребыванія ея въ Гам«бургѣ, за что я буду чрезвычайно вамъ обя«занъ и вы этимъ успокоите меня на счетъ «того, что она будетъ тамъ совершенно одна. «Пользуюсь этимъ случаемъ для засвидѣтель«ствованія вамъ отличнаго уваженія, съ кото«рымъ я имѣю честь быть и проч. и проч.

Не всѣ мои сношенія были столь пріятны

какъ то, о которомъ я упомянулъ, и могу сказать, что существовала величайшая противоположность между особами, посѣщавшими мою гостинную и людьми, которыхъ я по обязанности моей долженъ былъ допускать къ себѣ въ кабинетъ. Говорятъ, что ко всему можно привыкнуть; но для меня это правило подлежитъ исключеніямъ, ибо не смотря на необходимость, часто заставлявшую меня употреблять шпіоновъ, я никогда не могъ смотрѣть на нихъ иначе какъ съ ужасомъ, особенно же когда люди, рожденные для занятія въ обществѣ почетнаго мѣста унижаютъ себя производя это постыдное ремесло и являются съ предложеніемъ услугъ своихъ. Нельзя повѣрить къ какимъ средствамъ такіе люди способны прибѣгать для того, чтобы прикрыться личиною и внушить къ себѣ довѣренность тѣмъ, которыхъ они сбираются предать. Мнѣ пришелъ теперь на память примѣръ, который заслуживаетъ быть извѣстнымъ.

Одинъ изъ этихъ бездѣльниковъ, явился однажды предлагать мнѣ свои услуги. Его звали Бётлеромъ и онъ былъ посланъ изъ Англіи на твердую землю въ качествѣ шпіона при Французскомъ Правительствѣ. Онъ тотчасъ открылся мнѣ во всемъ; потомъ началъ жаловаться на мнимыхъ враговъ, на сдѣланныя ему несправедливости и наконецъ сказалъ мнѣ, что

имѣетъ величайшее желаніе служить дѣлу Императора и что не подорожитъ ничемъ для доказанія своей преданности. Настоящею причиною этого перехода на другую сторону, какъ и у всѣхъ этихъ людей, была только надежда получить лучшую награду. Какъ бы то ни было, а я не думаю, что какой либо другой шпіонъ такъ далеко простеръ свои предосторожности, дабы не возбудить въ прежней своей партіи подозрѣній, что онъ служитъ другой; мнѣ онъ безпрестанно твердилъ, какъ бы онъ былъ счастливъ, еслибъ могъ отмстить своимъ Лондонскимъ врагамъ. Онъ просилъ меня отправить его въ Парижъ для освидѣтельствованія его лично Министромъ Полиціи. Для большей вѣрности, онъ потребовалъ, чтобы по пріѣздѣ туда, его посадили въ Тампль и чтобы въ Англійскихъ журналахъ помѣстили слѣдующую статью: «Джонъ Бётлеръ, называющійся Гра«фомъ Бётлеромъ, задержанъ и отправленъ въ «Парижъ подъ крѣпкою стражею Французскимъ «Министромъ въ Гамбургѣ.» Черезъ нѣсколько недѣль Бётлеръ, получивъ отъ Министра Полиціи нужныя наставленія, отправился въ Лондонъ; но въ слѣдствіе своей осторожной системы и говоря, что его должно какъ можно болѣе обезславить для того, чтобы онъ могъ быть полезнымъ и отмстить своимъ непріятелямъ, Бётлеръ потребовалъ, чтобы въ журналахъ была

напечатана другая статья слѣдующаго содержанія: «Человѣку, по имени Бётлеру, задержанному въ Гамбургѣ въ качествѣ агента Англійскаго Правительства, и привезенному въ Парижъ, приказано выѣхать изъ Франціи и изъ земель, занятыхъ Французскими арміями и ихъ союзниками, съ запрещеніемъ возвращаться туда прежде заключенія общаго мира.» Бётлеръ воспользовался въ Англіи почестью Французскаго гоненія; въ немъ видѣли жертву, достойную полной довѣренности непріятелей Франціи; Фуше получилъ чрезъ него много свѣдѣній, и онъ не былъ повѣшенъ! Дѣйствительно, кто бы не былъ обманутъ такимъ смѣлымъ плутовствомъ? Право есть вещи, къ которымъ надобно быть почти самому способнымъ для того чтобы подозрѣвать ихъ!

Не смотря на мнимую необходимость употреблять тайныхъ агентовъ, Бонапарте не любилъ, чтобы заводили, даже подъ этимъ предлогомъ, слишкомъ много сношеній между Франціею и Англіею; но Фуше тѣмъ не менѣе двигалъ во мракѣ свои подземныя силы. Фуше, въ продолженіе Прусской кампаніи, возбудилъ противъ себя сильное неудовольствіе Императора по одному дѣлу, о которомъ я уже говорилъ. Онъ очень сердился на Министра Полиціи за допущеніе имъ посылки къ нему отъ Сената въ Берлинъ депутаціи съ увѣщаніями не пере-

ходить чрезъ Одеръ. Онъ сказалъ, что Фуше долженъ бы какъ Сенаторъ, отклонить Сенатъ отъ такого поступка безъ его на то соизволенія, и что еслибъ Сенатъ продолжалъ настаивать въ своемъ мнѣніи, то ему слѣдовало бы воспрепятствовать депутаціи отправиться, бывшими въ его власти средствами. Фуше имѣлъ много оныхъ; ибо почти можно сказать, что въ отсутствіе Наполеона, Полиція управляла Франціею. Всегда готовый благопріятствовать тому, что могло придать Полиціи важность и угодить подозрительной недовѣрчивости Императора, Фуше написалъ мнѣ, что многіе Французы, путешествующіе отъ торговыхъ домовъ Франціи, ѣздили въ Манчестеръ покупать предметы Англійскаго издѣлія. Это была правда; но было ли средство тому воспрепятствовать? эти комерческіе агенты проѣзжали чрезъ Голландію, откуда имъ не трудно было отправляться на корабляхъ. Частныя извѣстія, получаемыя мною изъ этой земли, согласно описывали упадокъ ея торговли, со времени возведенія ея на степень Королевства въ пользу Лудовика Бонапарте. Еслибъ роковой Берлинскій указъ могъ быть въ точности исполненъ, то онъ совершенно бы разорилъ эту страну, для которой вѣсть о Континентальной Системѣ была громовымъ ударомъ.

Лудовикъ, при извѣстной его честности, не

думая чтобы Король Голландскій былъ обязанъ жертвовать выгодами своихъ новыхъ подданныхъ волѣ своего брата, въ началѣ слегка и только для вида привелъ въ исполненіе бѣдственную Систему; но Наполеонъ изъявилъ ему гнѣвъ свой такъ, что въ концѣ 1806 года, онъ принужденнымъ нашелся повелѣть строгое исполненіе блокады. Я узналъ, что разсердясь Императоръ сказалъ, что если братъ его не покорился его волѣ, то онъ прикажетъ сдѣлать обыскъ домовъ во всей Голландіи. Какое славное средство привязывать народы къ своей пожирающей политикѣ, начиная тѣмъ, чтобы разорять и унижать ихъ! Удобство, съ которымъ купеческіе прикащики ѣздили изъ Голландіи въ Англію возбуждало во Французскомъ Правительствѣ еще другаго рода ужасъ. Говорили: Если Французы могутъ такъ легко переѣзжать съ твердой земли въ Великобританію, то по тойже причинѣ агенты Англійскаго кабинета могутъ пробираться на твердую землю. Въ слѣдствіе этого, по приказанію Полиціи, Консулы были обязаны наблюдать не только за тѣми лицами, которыя очевидно возвращались изъ Англіи, но и за тѣми, которыя можетъ быть могли оттуда возвратиться. Это, какъ читатели видятъ, былъ законъ о подозрительныхъ людяхъ, относительно путешествующихъ комерческихъ агентовъ, заслуживающій быть постав-

леннымъ на ряду съ Континентальною Системою. Все это было прекрасно соображено; но исполненіе! . . . Что ни дѣлали, и не смотря ни на какіе обыски, угрозы, шпіонства и ободреніе доносовъ, твердая земля тѣмъ не менѣе была наводняема издѣліями Англійскихъ фабрикъ, по той весьма простой причинѣ, что сколь ни сильна была воля Наполеона, а она уступала потребностямъ народовъ и не могла имѣть такой же какъ онѣ продолжительности. Континентальная Система напомнила мнѣ законъ какого-то законодавца, осуждавшій за преступленіе, считаемое имъ невозможнымъ того, кто окажется въ ономъ виновнымъ, перекинуть быка чрезъ гору Тавръ.

ГЛАВА XVIII.

Извлеченія изъ переписки.—Пребываніе Наполеона въ Познани.—Учрежденіе Королевства Саксонскаго.—Уваженіе Германіи къ Королю Саксонскому.—Нерѣшимость Императора на счетъ Польши. — Праздники и смотры въ Варшавѣ.—Способъ продовольствія арміи.—Франція въ Главной Квартирѣ.—Аудиторы и портфели Министровъ.—Военныя распоряженія. — Кампаніи Вѣнская и Прусская. — Извѣстія, мною получаемыя и отъ меня посылаемыя. — Вооруженія Австріи въ Богеміи.—Поведеніе Вѣнскаго кабинета, подобное поведенію Берлинскаго кабинета.—Необходимость дѣйствовать поспѣшно.— Французы предупреждены Русскими. —День Эйлаузскій. — Корпусъ Бернадота опаздываетъ. — Клевета, на него введенная.—Смерть Генерала Гопульта — Бонапарте ссылается на мертвыхъ.—Оправданіе Бернадота.

Я не имѣю, ни притязанія, ни даже намѣренія, начертать здѣсь картину Европы въ концѣ 1806 года. Хочу только собрать здѣсь нѣсколько событій, о которыхъ я тогда узналъ и ко-

торыя нахожу въ перепискѣ моей того времени, относительно эпохи, мною упоминаемой. Я сказалъ, что Императоръ пріѣхалъ въ Варшаву 1 Генваря. Въ продолженіе пребыванія своего въ Познани, всегда стараясь извлекать выгоды изъ побѣдъ своихъ, онъ заключилъ съ Курфирстомъ Саксонскимъ договоръ, коимъ основалъ новое Королевство и слѣдовательно распространилъ власть свою въ Германіи, присоединеніемъ новаго Королевства Саксоніи къ Рейнскому Союзу. Въ силу этого договора, Саксонія, справедливо славящаяся своею кавалеріею, обязывалась дать Императору двадцать тысячъ вспомогательнаго войска. Этою помощью не должно было пренебрегать, не относительно людей, но относительно лошадей, которыми Саксонія, могла изобильно снабдить и снабдила Французскую армію.

Для Германскихъ Принцевъ, привыкшихъ къ стариннымъ правиламъ этикета, было совершенно новымъ зрѣлищемъ видѣть Государя, поступающаго съ ними какъ съ подданными и принудившаго ихъ своею смѣлостью считать себя таковыми. Эти знаменитые Саксонцы, заставлявшіе трепетать Карломана, предавались покровительству Императора, и Наполеонъ конечно не могъ быть равнодушенъ къ тому, что глава Саксонскаго дома соединилъ съ нимъ свою судьбину, ибо новый Король Саксонскій по лѣ-

тамъ своимъ, качествамъ и характеру былъ Государемъ, наиболѣе уважаемымъ во всей Германіи.

Въ Варшавѣ, съ самой минуты пріѣзда своего туда и до начатія съ Русскими военныхъ дѣйствій, Императоръ безпрестанно получалъ просьбы о возстановленіи Польскаго престола и о возвращеніи рыцарской независимости древней державѣ Ягеллоновъ. Человѣкъ, бывшій тогда въ Варшавѣ, сказывалъ мнѣ, что Императоръ находился въ величайшей нерѣшимости на счетъ того, что онъ хотѣлъ сдѣлать для Польши: его всячески улещали, дабы онъ возстановилъ это древнее, геройское Королевство, но онъ не объявилъ впередъ никакого рѣшенія, слѣдуя привычкѣ своей покоряться обстоятельствамъ, дабы лучше имѣть видъ, что онъ повелѣваетъ ими. Въ Варшавѣ Императоръ проводилъ часть своего времени въ удовольствіяхъ, въ праздникахъ, въ торжествахъ и въ принятіи представлявшихся ему особъ, что однакоже не мѣшало ему орлинымъ окомъ наблюдать, чтобы ни въ какой части управленія, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго, не было неисправностей. Самъ онъ былъ въ столицѣ Польши, но обширный геній его повсюду присутствовалъ. Я слышалъ отъ Дюрока, при разговорѣ моемъ съ нимъ о Тильзитскомъ походѣ, что никогда еще Наполеонъ не показывалъ се-

бл въ такой полнотѣ. Онъ являлся на разводахъ и смотрахъ глазамъ одушевляемыхъ восторгомъ солдатъ своихъ; принималъ къ себѣ Принцевъ, съ робостью просящихъ его о возвращеніи имъ владѣній; потомъ являлся на блистательныхъ съѣздахъ, а послѣ того составлялъ исполинскіе замыслы касательно Востока. Война Турціи съ Россіею представляла въ этомъ отношеніи благопріятныя вѣроятности, или лучше сказать химеры его честолюбію. Однакоже всеобъемлящій умъ его, занимаясь важными соображеніями, снисходилъ и до подробностей; такъ напримѣръ, нельзя непризнать образцовымъ произведеніемъ учрежденнаго Императоромъ въ Варшавѣ способа продовольствія его арміи, терпѣвшей во всемъ недостатокъ.

Другою весьма достопримѣчательною вещью въ Императорскихъ войнахъ было то, что за исключеніемъ внутренней Полиціи, коей душею былъ Фуше, — все управленіе Франціею сосредоточивалось въ Главной Квартирѣ Императора. Не только Наполеонъ занимался въ Варшавѣ нуждами своей арміи, но онъ управлялъ Франціею, какъ будто находясь въ Парижѣ. Каждый день эстафеты, а по временамъ безполезные его аудиторы Государственнаго Совѣта, привозили ему депеши отъ тѣни Правительства, оставленнаго имъ въ Парижѣ, равно какъ очень любопытныя донесенія, часто выдумываемыя Поли-

цією; портфёли Министровъ получались каждую недѣлю, за исключеніемъ Министра Внѣшнихъ Сношеній, который оставшись сперва въ Маинцѣ съ Императрицею, былъ призванъ въ Варшаву, и Военнаго Министра Кларка, который къ несчастію Берлина былъ въ немъ Губернаторомъ. Этотъ порядокъ вещей продолжился во всѣ десять мѣсяцевъ отсутствія Императора изъ Парижа. Лудовикъ XIV сказалъ: «Государство составляю я.» Наполеонъ этого не говорилъ, но на дѣлѣ, въ его царствованіе, Правительство Франціи всегда находилось въ его Главной Квартирѣ; что едва было несдѣлалось для него пагубнымъ, какъ ниже увидятъ при описаніи мною заговора Малета, который, можетъ быть, одному мнѣ хорошо извѣстенъ.

Императоръ провелъ Генварь мѣсяцъ въ военныхъ распоряженіяхъ для предстоящаго нападнія на Русскихъ, но не оставляя въ тоже время и кабинетскихъ занятій; у него все шло рядомъ. Меня не удивляло ничто, сообщаемое мнѣ изъ Варшавы, ибо все что говорили о его дѣятельности, о его предвидѣніи и о его невѣроятныхъ ко всему способностяхъ, было мнѣ очень хорошо извѣстно; и зная лучше всякаго другаго его привычки и характеръ, я вполнѣ могъ судить о его дѣйствіяхъ, не только по одной ихъ внѣшности, но и по соображенію его мыслей. Я часто видалъ его на по-

ляхъ битвы, для того чтобы не удивляться разсказамъ о его мгновенныхъ приказаніяхъ, и если положеніе его въ Варшавѣ было затруднительно, то я видѣлъ оное еще болѣе труднымъ подъ Сен-Жанъ д'Акрою и при Маренго, до тѣхъ поръ, пока сраженіе не было выиграно.

Я очень хорошо знаю, что во время бытности Императора въ Варшавѣ, рѣчь шла не объ одномъ только сраженіи; дѣла были гораздо многосложнѣе чѣмъ въ Вѣнскую кампанію: надобно было съ одной стороны наблюдать Пруссію, занимаемую Французскими войсками, а съ другой предупредить Русскихъ, коихъ движенія и распоряженія показывали, что они рѣшились приступить къ дѣлу. Въ предъидущую кампанію, Австрія до взятія Вѣны одна только дѣйствовала; но тутъ дѣло было совсѣмъ иное: Австрія имѣла только солдатъ, а Пруссія, какъ говорилъ мнѣ Блюхеръ, начинала уже имѣть гражданъ. Возвратиться изъ Вѣны было нисколько не трудно; но къ возвращенію изъ Варшавы, въ случаѣ неудачи, представлялись большія затрудненія, не смотря на основаніе Саксонскаго Королевства и на образованіе временнаго управленія Пруссіею и другихъ Германскихъ Государствъ, нами завоеванныхъ. Ничто изъ всего этого не избѣгло прозорливости Наполеона; ничто не было забыто въ нотахъ, письмахъ, запискахъ и офиціяльной перепискѣ, отсюду мною полу-

чаемой. Обстоятельно извѣщаемый моими собственными агентами обо всемъ, происходящемъ въ Германіи, я часто представлялъ Правительству тѣ самыя свѣдѣнія, которыя оно съ своей стороны мнѣ сообщало, не полагая чтобы оныя были мнѣ извѣстны. Такимъ образомъ напримѣръ я думалъ, что извѣщу Правительство о вооруженіи Австріи, о которомъ я получилъ отъ него чрезъ нѣсколько дней увѣдомленіе.

Австрія, въ продолженіи Прусской кампаніи играла ту самую ролю, которую Пруссія играла въ Австрійскую кампанію. Нерѣшительность какъ той, такъ и другой, была совершенно одинакова. Подобно какъ Пруссія ожидала успѣха или разбитія Французскихъ армій до Аустерлица, дабы остаться нейтральною или объявить себя противъ Франціи; такъ и Австрія, вѣроятно полагая, что Россія будетъ счастливѣе, имѣя союзницею Пруссію, чѣмъ тогда какъ она сама была ея союзницею, собрала въ Богеміи сорокатысячный корпусъ. Этотъ корпусъ былъ названъ обсерваціонною арміею; но извѣстно, какъ должно считать этого рода обсерваціонныя войска; они тоже самое, что вооруженный нейтралитетъ или хитрое изобрѣтеніе карантинныхъ кордоновъ. Въ самомъ же дѣлѣ, эти сорокъ тысячъ Австрійцевъ, собранные въ Богеміи, назначались въ случаѣ успѣха со стороны Русскихъ, къ оказанію имъ помощи и содѣйствія; и ка-

кой разсудительный человѣкъ станетъ порицать Австрiйское Правительство, за то, что оно надѣялось имѣть случай законнымъ образомъ отмстить за стыдъ Пресбургскаго трактата?

Въ этомъ положенiи вещей, при этомъ соединенiи непрiязненныхъ чувствъ, не подлежавшихъ никакому сомнѣнiю, хотя по возможности скрываемыхъ, Наполеону не слѣдовало терять ни минуты, а нетерпѣливость его генiя не требовали побужденiй къ дѣятельности. Также какъ онъ поспѣшилъ Аустерлицемъ для предупрежденiя Пруссiи, ему слѣдовало предупредить Россiю для поддержанiя Австрiи въ ея перѣшительности.

И такъ Императоръ отправился изъ Варшавы въ концѣ Генваря, отдавъ приказанiе дабы сойтиться съ Русскою армiею въ первыхъ числахъ Февраля. Но не смотря на свое желанiе атаковать, Императоръ былъ предупрежденъ. Русская армiя напала на него 8 Февраля въ семь часовъ утра въ самую ненастную погоду. Не смотря на сильный, густой снѣгъ, Русскiе все шли впередъ; они подходили къ Прейсишъ-Эйлау гдѣ былъ Императоръ и Императорская Гвардiя остановила Русскую колонну. Почти вся Французская армiя принала участiе въ этой битвѣ, одной изъ самыхъ кровопролитныхъ, которыя до тѣхъ поръ были даны въ Европѣ. Корпусъ Бернадота не сражался, ибо онъ былъ влѣвѣ

въ Морунгенѣ, откуда угрожалъ Данцигу. Развязка битвы была бы совсѣмъ иная, еслибъ четыре дивизіи пѣхоты и двѣ дивизіи конницы, изъ которыхъ состоялъ корпусъ Бернадота, могли поспѣть во время; но по несчастію Офицеръ, посланный къ нему съ приказаніемъ какъ можно поспѣшнѣе итти къ Прейсишъ-Эйлау былъ взятъ Козаками, такъ что Бернадотъ не пришелъ. Бонапарте, всегда любившій сваливать вину на кого нибудь другаго, если дѣла не совершались точно такъ, какъ ему хотѣлось, приписалъ не успѣхъ этого дня отсутствію Бернадота, что было правда; но въ тоже время онъ съ ужасною несправедливостью вмѣнилъ это Маршалу въ упрекъ. Его обвинили, будто бы онъ не захотѣлъ итти къ Прейсишъ Эйлау, хотя, какъ увѣряли, Генералъ Гопуль увѣдомилъ его о нуждѣ, которую въ немъ имѣли. Но какъ это доказать, когда Генералъ Гопуль былъ убитъ въ этотъ самый день? Кто могъ увѣрить, что этотъ Генералъ видѣлся лично съ Маршаломъ Бернадотомъ? Всякой, знавшій Наполеона, его хитрость и выгоды, которыя онъ умѣлъ извлекать изъ словъ, помѣщаемыхъ имъ въ уста мертвыхъ, легко угадаетъ эту загадку; притомъ же для этого достаточно было бы вспомнить, какъ онъ обвинилъ Адмирала Брюйеса въ потерѣ морской битвы при Абукирѣ и въ истребленіи нашего флота, потому что Адмиралъ,

будучи убитъ, не могъ его оспорить. Точно также было при Эйлау относительно Генерала Гопульта.

Какъ бы то ни было, а Эйлаускiй день былъ ужасенъ; кое какъ продержались до ночи, всё еще поджидая, но тщетно, Бернадотова корпуса и послѣ значительной потери, Французская армiя имѣла печальную честь ночевать на полѣ битвы. Бернадотъ пришелъ уже поздно и встрѣтилъ непрiятеля отступающаго, безъ опасенiя быть потревоженнымъ, къ Кенигсбергу, единственной столицѣ, остававшейся у Пруссiи. Король Прусскiй находился тогда въ Мемелѣ, небольшой гавани на Балтiйскомъ морѣ въ тридцати миляхъ отъ Кенигсберга.

Когда послѣ того, въ бытность Бернадота въ Гамбургѣ, я заговорилъ съ нимъ объ упрекахъ, которыми Бонапарте осыпалъ его относительно Эйлаускаго дня, то онъ сказалъ мнѣ: «Вы видите, что этотъ человѣкъ всегда готовъ на меня клеветать; но мнѣ это все равно, я на него плюю!» Я прочиталъ Бернадоту полученный мною изъ Главной Квартиры бюлетень, въ которомъ Бонапарте еще жаловался на Бернадота подобно какъ онъ сдѣлалъ послѣ Ауерштадтскаго сраженiя и упрекалъ его въ томъ, что онъ его оставилъ. Бернадотъ объяснилъ мнѣ всѣ движенiя совершенно въ его пользу и даже

прибавилъ о нѣсколькихъ Генералахъ, которые еще живы, очень неблагопріятныя замѣчанія, о которыхъ я умалчиваю для того, чтобы не поссорить ихъ съ бывшимъ ихъ товарищемъ, Королемъ Шведскимъ.

++

ГЛАВА XIX.

Эйлауская битва. — Константинопольскій бунтъ. — Посольство Себастіани въ Константинополь. — Новые престолы въ Европѣ. — Порученіе Гарданна въ Персію. — Воспоминаніе о Іозефинѣ. — Письмо ея о Г-нѣ Фази. — Статья предназначенная для журнала. — Дѣйствіе, произведенное въ Берлинѣ вѣстью о смерти Герцога Ангенскаго. — Французскій Посланникъ и Французы, оставленные всѣми. — Прусская Королева, обожаемая своимъ супругомъ и подданными, и неприличные относительно ея поступки Наполеона. — Г. Тюренъ въ Гамбургѣ. — Маршалъ Викторъ въ плѣну. — Новыя затрудненія моего положенія. — Злоупотребленія военной власти. — Поддержаніе дипломатическихъ правъ. — Досада на меня Маршала Брюна.

По завладѣніи Ейлаускимъ полемъ сраженія, усѣяннымъ убитыми, обѣ стороны пробыли нѣкоторое время въ бездѣйствіи и нѣсколько дней прошло безъ важныхъ событій; предложенія Императора о мирѣ, правда что не очень

искренно сдѣланныя, были приняты съ гордымъ пренебреженіемъ. Казалось, что побѣда, оспоренная у Наполеона, должна уже была считаться торжествомъ и Русскіе отслужили за нея благодарственный молебенъ; но между тѣмъ какъ Императоръ дѣлалъ новыя распоряженія для того чтобы итти впередъ, дипломатія его дѣйствовала вдали и вооружала противъ Россіи новаго врага, долгое время ее устрашавшаго: Турція объявила ей войну. Эта важная диверсія принуждала Россію вывести войска съ западныхъ границъ своихъ для того чтобы обеспечить себѣ оборонительную линію на южныхъ границахъ, столь далеко отодвинутыхъ со временъ Петра Великаго до Екатерины. Наполеонъ отправился въ Финкенштейнъ ожидать минуты, когда ему будетъ нужно принять начальство надъ арміею. Во время пребыванія своего въ этомъ городѣ, онъ узналъ о Константинопольскомъ бунтѣ, который стоилъ жизни сперва Султану Селиму, потомъ знаменитому Визирю Мустафѣ Барайктару, и наконецъ возвелъ на Оттоманскій престолъ Султана Махмуда. Порта, исторгнутая изъ подъ Англійскаго вліянія искусными переговорами Генерала Себастіани, съ величайшею торжественностью сдѣлала объявленіе войны Россіи, развернувъ при этомъ случаѣ знамя Пророка.

Въ тоже время какъ Французскій Посланникъ

въ Константинополѣ успѣлъ вооружить Турцiю противъ Союза, Императоръ потребовалъ отъ Испанiи, въ силу договора существовавшаго между сею Державою и Францiею корпусъ вспомогательнаго войска. Императоръ назначилъ его для занятiя линiи Эльбы, и ниже будетъ сказано, что произошло отъ исполненiя воли Императора.

Черезъ нѣсколько времени воспослѣдовало знаменитое Посольство въ Персiю Генерала Гарданна, посольство къ коему путь былъ проложенъ удачнымъ исполненiемъ порученiя, даннаго другу моему Амедею Жоберту; и читатель вспомнитъ о желанiи моемъ ему сопутствовать, изъявленномъ мною Императору при послѣднемъ свиданiи моемъ съ нимъ предъ отъѣздомъ его на коронацiю въ Италiю. Съ того времени не прошло еще и двухъ лѣтъ, а сколько уже свершилось событiй. Австрiя была завоевана, Пруссiя занята, Россiя угрожаема, Неаполь отнятъ у Бурбонскаго Дома, Батавская Республика преобразована въ Голландское Королевство, и три Королевства возникли изъ лона древняго Германскаго Корпуса, въ коемъ скоро еще долженствовало основаться Королевство Вестфальское, вопреки договору его имени. Всё это сдѣлалось какъ бы волшебствомъ: старой Европейской Дипломатiи за сто лѣтъ передъ симъ гораздо болѣе этого стоило

дать титулъ Короля Прусскаго Маркизамъ Брандебургскимъ. Люди, которымъ Императоръ давалъ наиболѣе занятія, были конечно Географы; имъ бы должно чрезвычайно скоро работать, для того чтобы успѣть составить политическую карту Европы, прежде чѣмъ Наполеонъ сдѣлаетъ въ ней новыя перемѣны.

Посольство Горданна въ Персію, не было только однимъ пышнымъ поѣздомъ, подобно посольствамъ, отправленнымъ къ Карломану и къ Лудовику XIV Императрицею Ириною и Королемъ Сіамскимъ; а къ Лудовику XVI-му Типпо-Саибомъ. Это посольство имѣло связь съ первыми мыслями, родившимися въ головѣ Наполеона на самой зарѣ его могущества. Дѣйствительно свѣтъ Востока первоначально озарилъ предъ его глазами будущее его величіе. Свѣтъ сей не переставалъ обращать на себя его вниманія. Я даже навѣрное узналъ, что посольство Горданна въ Персію было сначала предположено Императоромъ гораздо въ бо́льшемъ объемѣ, нежели какъ оно исполнилось. Онъ рѣшился послать къ Персидскому Шаху четыре тысячи человѣкъ пѣхоты подъ начальствомъ избранныхъ, опытныхъ Офицеровъ, десять тысячъ ружей и пятьдесятъ пушекъ; даже и приказанія на счетъ сего были уже отданы. Цѣль, которую предоположилъ себѣ Императоръ и въ которой онъ сознавался, состояла въ томъ,

чтобы привести Шаха въ возможность сдѣлать важную диверсiю съ осмьюдесятью тысячами человѣкъ въ областяхъ Восточной Россiи. Но онъ имѣлъ еще и другую мысль давнюю, настоящую, постоянную безпрестанно царствовавшую въ умѣ его, а именно желанiе поразить Англiю въ сердцѣ ея Азiятскихъ владѣнiй. Такова была главная причина Гарданнова посольства, но обстоятельства не позволили Императору дать оному всю желаемую имъ важность; онъ удовольствовался посылкою нѣсколькихъ Инженерныхъ и Артиллерiйскихъ Офицеровъ, которые удивились множеству Англичанъ, найденныхъ ими въ Персiи.

Отлагая мои замѣчанiя и политическiя воспоминанiя о эпохѣ мною описываемой, я обращаюсь теперь къ вещамъ, лично до меня относящимся. Iозефина проводила Императора до Маинца и остались тамъ нѣсколько времени послѣ него, кажется до тѣхъ поръ, пока Г. Талейранъ, также находившiйся въ Маинцѣ, былъ потребованъ въ Варшаву; послѣ чего она возвратилась въ Парижъ. Совершенно увѣренная въ томъ, что я за счастiе почту въ чемъ нибудь угодить ей, Iозефина писала мнѣ въ пользу нѣсколькихъ человѣкъ, въ которыхъ она принимала участiе и не нужно говорить, съ какимъ усердiемъ я всегда старался дѣлать все, что отъ меня зависѣло въ пользу покро-

вительствуемыхъ ею. Вотъ одно изъ этихъ одобрительныхъ писемъ, доказывающихъ, что со времени моего удаленія изъ Парижа, она не перемѣнила относительно меня чувствъ своихъ.

«Господинъ Бурієнъ! Женевскій уроженецъ «Г. Фази ѣдетъ въ Гамбургъ по дѣлу о наслѣд«ствѣ, у него оспориваемомъ. Онъ желаетъ, что«бы я поручила его вашему расположенію и я «пишу къ вамъ въ его пользу тѣмъ охотнѣе, «что пользуюсь этимъ случаемъ, дабы возобно«вить вамъ увѣреніе въ моей дружбѣ.

«ІОЗЕФИНА.»

Парижъ, 11 Февраля 1807.

Съ этимъ письмомъ Г. Фази явился ко мнѣ и я принялъ его какъ требовало такое покровительство, котораго впрочемъ онъ лично заслуживалъ.

Въ бумагахъ моихъ этой эпохи отыскалъ я незнаю кѣмъ и какимъ образомъ сообщенную мнѣ записку, относительно того, какое дѣйствіе произвела въ Пруссіи смерть Герцога Ангенскаго и вражды Прусаковъ къ Французамъ при начатіи Іенской кампаніи. Впрочемъ я могу поручиться за справедливость обстоятельствъ, въ ней содержащихся. Вѣроятно, что это статья, назначенная для Гамбургскаго Корреспондента, которая была перехвачена и потому въ немъ

не напечатана. Какъ бы то ни было, а вотъ она:

«Въ тотъ день, какъ узнали въ Берлинѣ о «смерти Герцога Ангенскаго, то при Дворѣ было назначено собраніе. Когда пріѣхалъ курьеръ «съ этимъ ужаснымъ извѣстіемъ, то уже поздо «было отмѣнить собраніе. Большое затрудненіе «встрѣтили вечеромъ тѣ, коимъ было поручено «принимать гостей и устроивать партіи. Какъ «только вѣсть о смерти умерщвленнаго юнаго «Принца была узнана, то умы пришли въ та«кое раздраженіе, что большая часть находив«шихся въ Берлинѣ Французовъ, сдѣлались «предметами ненависти, или по крайней мѣрѣ «отвращенія. Это конечно было чувство необ«думанное, несправедливое, но добровольное. На«конецъ вечеромъ, когда пришлось устраивать «партіи, не нашли никого, кто бы захо«тѣлъ сѣсть за одинъ столъ съ Французскимъ «Посланникомъ и играть съ нимъ. Объ этомъ «заранѣе условились всѣ представленныя ко «Двору особы. Въ этомъ не было ничего лично «оскорбительнаго для Г. де Лафоре, ибо все от«носилось къ представителю того, который столь «безчестно умертвилъ Принца Бурбонскаго Дома. «Не смотря на уваженіе, питаемое къ его особѣ «и имъ заслуживаемое, какъ только онъ пріе«халъ во дворецъ, то всѣ обернулись къ нему «спиною и отказались играть съ нимъ и съ

«принадлежащими къ его посольству. Составляв-«шій партіи былъ въ жестокомъ замѣшатель-«ствѣ ибо, по причинѣ положенія Короля, онъ «не могъ оставить Посланника въ бездѣйствіи «тамъ гдѣ всѣ играли и наконецъ принужден-«нымъ нашелся составить ему партію изъ его «же приближенныхъ.»

Эта статья, за исключеніемъ нѣсколькихъ словъ, которыхъ я не хотѣлъ смягчить, дабы ничего въ ней не перемѣнять, безъ большаго преувеличенія выражала мнѣніе всей Пруссіи о смерти Герцога Ангенскаго; невозможно себѣ вообразить ненависти, которую съ этой эпохи чувствовали къ Императору Прусаки и которая превратилась почти въ ярость. Вотъ вообще какіе плоды приносятъ оскорбленія; рѣдко чтобы оныя наконецъ не обращались ко вреду тѣхъ, которые ихъ причиняютъ.

Я невольно увлекся размышленіями, внушенными мнѣ вышеприведенною статьею; обращаюсь теперь къ нѣкоторымъ происшествіямъ. Между особами, видѣнными мною въ Гамбургѣ въ началѣ 1807 года, я помню Г. Тюренна, Императорскаго ординарца. Онъ-то увѣдомилъ меня, что Маршалъ Викторъ взятъ въ плѣнъ близъ Колберга и что онъ, какъ полагаютъ отвезенъ въ Петербургъ. Эта вѣсть очень насъ опечалила.

Между тѣмъ внутреннія дѣла городовъ, на

которые распространялось мое дипломатическое влiянiе, обременяли меня болѣе чѣмъ когда либо занятiями. Мое положенiе Министра въ Гамбургѣ и при Ганзейскихъ городахъ было чрезвычайно затруднительно, ибо я хотѣлъ по возможности поддержать и сохранить права этихъ нейтральныхъ городовъ во всей ихъ неприкосновенности. Для сего я часто долженъ былъ бороться, не противъ этихъ городовъ, столь различнымъ образомъ притѣсняемыхъ, но за нихъ съ Французскими начальствами и въ особенности съ военными. Величайшимъ несчастiемъ Имперiи, по моему мнѣнiю было злоупотребленiе власти, присвояемой себѣ Генералами. Другой на моемъ мѣстѣ не могъ бы сдѣлать того же, что я дѣлалъ; я говорю это съ увѣренностью, ибо дѣйствительно я находился совсѣмъ *въ особомъ положенiи,* какъ мнѣ то сказалъ Императоръ. Зная, что мнѣ разрѣшено писать прямо къ нему, военные начальники, не исполнявшiе моихъ справедливыхъ представленiй боялись, чтобы я не донесъ о томъ Наполеону; и этотъ спасительный страхъ иногда удивительнымъ образомъ помогалъ мнѣ поддерживать права городовъ, принявшихъ меня въ званiе своего перваго гражданина.

Встрѣтилось обстоятельство, при которомъ я долженъ былъ поддерживать права дипломатическихъ и комерческихъ агентовъ противъ

притязаній военной власти. Маршалъ Брюнъ, во время управленія его Гамбургомъ отправился въ Бременъ для наблюденій за строгимъ исполненіемъ знаменитой и мечтательной блокады противъ Англіи, о которой я уже говорилъ, не сказавъ однакоже всего, что она имѣла въ себѣ ненавистнаго при ближайшемъ ея разсмотрѣніи. Вотъ что тогда произошло: Маршалъ Брюнъ, вѣроятно по наставленіямъ Кларка, бывшаго тогда Военнымъ Министромъ и Берлинскимъ Губернаторомъ, вздумалъ присвоить себѣ право разрѣшенія о призахъ, взятыхъ Корсарами. Онъ хотѣлъ отнять у Консула Лаго право продажи конфискованныхъ судовъ, для того чтобы продавать ихъ самому. Г. Лаго обратился ко мнѣ съ жалобою, и не тщетно. Чѣмъ болѣе военные начальники старались захватить себѣ власти, тѣмъ я считалъ приличнѣе поддерживать права Консуловъ и благопріятствовать ихъ вліянію, безъ чего они бы лишились всякаго уваженія. На жалобы Г. Лаго, я отвѣчалъ, что ему одному принадлежитъ право произносить въ первой инстанціи рѣшенія на счетъ жребія судовъ; что это право не будетъ у него отнято если не перемѣнится на счетъ сего законъ; что онъ властенъ продавать конфискованные Прусскіе корабли; что Маршалъ Брюнъ находится въ Бременѣ только для исполненія указа о блокадѣ Англіи; и что онъ не долженъ

мѣшаться въ дѣла, посторонніе этому указу.— Лаго показалъ это письмо Маршалу Брюну, который оставилъ его въ покоѣ; но дѣло тутъ шло о деньгахъ и Маршалъ долго на меня сердился.

Бернадотъ былъ очень безкорыстенъ, но очень любилъ заставлять о себѣ говорить. Чѣмъ болѣе Императоръ старался очернять его, тѣмъ болѣе онъ употреблялъ усилій къ обнародованію своихъ дѣлъ. Онъ прислалъ ко мнѣ реляціи о блистательномъ Браунсбургскомъ дѣлѣ, въ которомъ одна дивизія перваго корпуса въ особенности отличилась. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ, онъ изъявлялъ мнѣ свое желаніе о напечатаніи этой реляціи: «Посылаю вамъ любезный Министръ статью о Браунсбургскомъ дѣлѣ; «вы можетъ быть найдете нужнымъ объявить «ее; въ такомъ случаѣ я буду вамъ обязанъ, «если вы прикажете помѣстить ее въ Гамбургскихъ журналахъ.» Я исполнилъ желаніе Бернадота, котораго дѣйствительно, несправедливость Императора и неблагопріятные о немъ отзывы, приводили въ необходимость, для своей собственной чести, выставлять дѣла въ настоящемъ ихъ видѣ.

ГЛАВА XX.

Требованія разныхъ поставокъ для арміи.—Англійскія сукна и кожи.—Уклоненіе отъ Берлинскаго договора.—Императорскія таможни.—Неудобоисполнимый законъ.—Выгоды для Франціи свободной торговли съ Гамбургомъ.—Затрудненія, во мнѣ предстоящія.—Правительство беретъ мою сторону.—Мои главныя занятія въ Гамбургѣ.—Преемникъ Г. де Жимеля.—Двойное назначеніе изъ Лондона и изъ Митавы.—Отзывъ Графа Дюмутье о Маліарѣ — Г. Гю, камердинеръ Людовика XVI.—Неосновательныя свѣдѣнія отъ Парижской Полиціи.—Кавалеръ Баліоль.—Неисполненіе слишкомъ нелѣпыхъ приказаній. — Освобожденіе мною типографщика, напечатавшаго Нѣмецкую сатиру.—Прибытіе Г-на Гю въ Альтону.—Нѣкоторые новые эмигранты.—Баронъ д'Эмберъ и Генералъ Даникаръ.—Полковникъ Блакасъ. — Дюмурье вступаетъ въ службу. — Движеніе Большой Арміи.—Сподвижники Императора.

Я кратко упомянулъ о поставленныхъ мною для арміи пятидесяти тысячахъ плащахъ; къ этой поставкѣ, которая не одна только была

мнѣ поручена, относятся нѣкоторыя обстоятельства, заставляющія меня къ оной возвратиться, что я тотчасъ и сдѣлаю.

Императоръ требовалъ у меня столько вещей для одежды его войскъ, что всего содержащагося въ Гамбургѣ и того, что могли доставить города Бременъ и Любекъ, не было бы достаточно. Я заключилъ съ однимъ Гамбургскимъ торговымъ домомъ договоръ, которымъ я предоставлялъ ему, не смотря на Берлинской указъ, право выписывать изъ Англіи сукна и кожи, чрезъ что я получалъ ихъ вѣрнымъ образомъ и за половинную цѣну. Солдаты наши перемерли бы отъ холода, еслибъ во всей строгости придерживаться Континентальной системы и неисполнимыхъ постановленій объ Англійскихъ товарахъ. Директоръ таможни въ Гамбургѣ разсердился; но я устоялъ на своемъ; мои сукна и кожи прибыли; плащи, мундиры, башмаки были поспѣшно изготовлены и наши солдаты защитились такимъ образомъ отъ суроваго времени года. Дабы сохранить миръ съ Императорскими таможнями, я написалъ къ Г. Коллению, бывшему тогда Главнымъ Директоромъ, что Г. Эйдель, желая привести въ исполненіе законъ 10 Брюмера 5 года, возбудилъ тѣмъ многочисленныя требованія со всѣхъ сторонъ: что Маршалъ Брюнъ спросилъ у меня мнѣнія, и что я объявилъ ему оное; наконецъ я сказалъ Г. Кол-

лено, что строгое исполненіе закона 31 Октября 1796 года, было совершенно невозможно, вредно Франціи и Ганзейскимъ городамъ, не причиняя ущерба Англіи. Дѣйствительно, что было сказано въ 5-й Статьѣ этого закона? »Считать издѣліями Англійскихъ фабрикъ всѣ ввозимые изъ чужихъ краевъ предметы, какое бы ни было ихъ происхожденіе.» По этой статьѣ Франція дѣлалась для Ганзейскихъ городовъ *чужимъ краемъ*, и ни одинъ изъ предметовъ, исчисленныхъ въ этой статьѣ не долженствовалъ быть ввозимъ въ Гамбургъ Но этотъ городъ получалъ изъ Франціи большое количество тонкихъ суконъ, пуговицъ, мелочныхъ товаровъ, токарныхъ издѣлій, фарфора; и изъ одной только Франціи часы, бронзы, драгоцѣнныя вещи, ленты, шляпы, газы и перчатки. Пусть спросятъ у Парижской таможни, говорилъ я Г. Эйделю, сколько вывозится изъ одного Парижа предметовъ этого рода и тогда увидятъ, сколь важно не останавливать торговли, тѣмъ болѣе выгодной для Франціи, что работа составляетъ главную цѣну предметовъ, заключающихся въ этой торговлѣ. Что произойдетъ если совершенно запретятъ ввозъ этихъ предметовъ въ Гамбургъ? Заказы прекратятся и скоро изсякнетъ одинъ изъ самыхъ прибыльныхъ источниковъ для торговли Франціи и въ особенности Парижа.

Въ это время, ни въ Гамбургѣ, ни на земляхъ

его не было суконныхъ фабрикъ ибо всякія шерстяныя матеріи, по мнѣнію Г. Эйделя, запрещались; а между тѣмъ я долженъ былъ поставить и поставилъ пятьдесятъ тысячъ плащей Большой Арміи. Новый Императорскій указъ повелѣвалъ мнѣ немедленно изготовить шестнадцать тысячъ мундировъ и тридцать семь тысячъ куртокъ; Императоръ требовалъ у меня двѣсти тысячъ паръ башмаковъ, кромѣ сорока тысячъ паръ, которыя я ему уже послалъ и Г. Эйдель говорилъ, что выдѣланныя кожи не долженствовали быть ввозимы въ Гамбургъ. Еслибъ сдѣлали такое странное примѣненіе закона 1796 года, то это значило бы обратить его противъ Франціи, не исполнивъ цѣли указа 21 Ноября 1806.

Эти размышленія, къ которымъ я присовокупилъ еще нѣсколько подробностей, заставили Правительство взять мою сторону и я завелъ торгъ съ Англіею къ великой выгодѣ нашихъ армій, которыя были одѣты и обуты. И можетъ ли быть, что либо въ свѣтѣ страннѣе торговыхъ законовъ, исполняемыхъ къ собственному ущербу?

Въ первые мѣсяцы 1807 года, мои главныя занятія въ Гамбургѣ раздѣлялись между требованіями поставокъ, безпрестанно возобновлявшимися, и проклятымъ надзоромъ за эмигрантами, которыхъ Фуше показывалъ видъ будто

боится для того, чтобы придать болѣе важности своему Министерству. Узнавъ черезъ меня о смерти Г. Жимеля и полагая, что онъ непременно будетъ имѣть себѣ преемника, Фуше потребовалъ отъ меня свѣдѣній обо всемъ, относящемся къ человѣку, который будетъ назначенъ на его мѣсто. Г. Маліаръ былъ избранъ Г-мъ де ла Шапеллемъ и какъ только я объ этомъ узналъ, то не ожидая приказаній Фуше, тотчасъ послалъ ему записку о Г. Маліарѣ, котораго изображенію невозможно было бы польстить, не лишивъ его всякаго сходства Изъ письма Графа Дюмутье, находившагося тогда въ Англіи, я узналъ что этотъ Маліаръ былъ начальникомъ Жандармовъ въ Валанеіеннѣ и уголовнымъ судьею арміи Конде. Графъ Дюмутье описывалъ его человѣкомъ запальчивымъ, упрямымъ, грубымъ и чрезвычайно ограниченнаго ума, замѣтивъ что партія Короля должна быть въ весьма отчаянномъ положеніи, когда избираетъ такихъ людей.

Между тѣмъ, какъ Маліара отправляли изъ Лондона къ Альтонскимъ эмигрантамъ для замѣщенія Г. Жимеля въ качествѣ агента эмигрантовъ, Лудовикъ XVIII, съ своей стороны, назначилъ въ туже должность Г. Греміона, Голштинскаго жителя и имѣвшаго тамъ собственность. Впрочемъ оба эти назначенія были только временныя и я положительнымъ образомъ

узналъ, что Г. Гю былъ окончательно назначенъ для управленія дѣлами эмигрантовъ вмѣсто Графа де Жимеля. Г-на Гю ожидали въ Альтону въ первыхъ числахъ Маія мѣсяца. Это былъ тотъ вѣрный камердинеръ Людовика XVI, который раздѣлялъ заключеніе своего злополучнаго Государя и котораго имени сообщено почетнѣйшее безсмертіе въ завѣщаніи Лудовика XVI. Это имя долженствовало возбудить въ Фуше странныя воспоминанія; почему онъ и хотѣлъ чтобы я удвоилъ мою бдительность. Недовѣрчивость, истинная или притворная, этого Министра къ эмигрантамъ была такова, что онъ часто присылалъ мнѣ приказанія о надзорѣ за такими людьми, которые вовсе и не подозрѣвали, что они могутъ сдѣлаться предметомъ малѣйшихъ розысковъ. Такимъ образомъ однажды Фуше сообщилъ мнѣ о Г. Баліолѣ, какъ объ Англійскомъ агентѣ для устроенія козней. Я собралъ всѣ возможныя свѣдѣнія и удостовѣрился, что Кавалеръ Баліоль не выѣзжалъ изъ Митавы, гдѣ онъ оставался даже послѣ отъѣзда оттуда Графа Лильскаго, будучи принужденъ по болѣзни продолжать пребываніе свое въ этомъ городѣ: на основаніи такихъ-то достовѣрныхъ свѣдѣній, иногда очень дорого продаваемыхъ самому Фуше, Французскіе Посланники принуждены были вооружаться строгостью или терять время въ отыскиваніи отсутствующихъ людей.

Я никогда не пропускалъ случая смягчать строгость приказаній Фуше; я даже иногда вовсе не исполнялъ ихъ, когда они слишкомъ были нелѣпы, и могу привести этому примѣръ, пришедшій мнѣ на память. Въ Гамбургѣ взяли подъ стражу одного типографщика, за то что въ его типографіи была напечатана сатира на Нѣмецкомъ языкѣ. Почувствовавъ жалость къ этому человѣку, который настоятельно увѣрялъ въ своей невинности и котораго держали въ тюрьмѣ только за то, что онъ не хотѣлъ объявить имени человѣка, принесшаго ему рукопись, я велѣлъ привести этого типографщика ко мнѣ и допросилъ его. Онъ съ такою, повидимому, искренностью объявилъ мнѣ, что онъ только одинъ разъ видѣлъ принесшаго рукопись сатиры, что я убѣдился въ его невинности. Я приказалъ выпустить его изъ тюрьмы, а дабы не прогнѣвить этимъ Министра Полиціи, я написалъ къ нему слѣдующія строки: «Эта сатира есть «самая жалкая нелѣпость, когда либо читанная. «Авторъ, вѣроятно для того, чтобы книжка его «лучше продалась въ Голштиніи, предсказываетъ «что Данія побѣдитъ всѣ народы и сдѣлается «величайшимъ Государствомъ на землѣ. Одной «этой черты достаточно для того, чтобы доказать вамъ, сколь мало опасны подобныя глу«дости.»

Я сказалъ, что ожидали Г-на Гю въ Альтону

въ началѣ Мая мѣсяца; онъ пріѣхалъ не прежде какъ 20 числа утромъ, отправясь изъ Лондона 15 числа. Меня увѣряли, что многіе эмигранты воспользовались привезшимъ его пакетботомъ для переѣзда на твердую землю. Это оказалось справедливымъ: съ нимъ дѣйствительно пріѣхало нѣсколько эмигрантовъ, и въ числѣ ихъ нѣкто Баронъ д'Эмберъ съ Секретаремъ своимъ Г. Луи и съ эмигрантами Гг. Планіесомъ и Бартелеми. Въ присланномъ мнѣ отъ Фуше спискѣ, Планіесъ былъ означенъ Офицеромъ Морскихъ войскъ, а Бартелеми таможеннымъ чиновникомъ. Д'Эмберъ утверждалъ, что онъ былъ высланъ изъ Англіи съ этими тремя человѣками за требованіе отъ Г. Кука, Помощника Государственнаго Секретаря по Военному Министерству 5000 фунтовъ стерлинговъ, выданныхъ агентамъ, которыхъ онъ отправилъ во Францію по приказанію Министерства; и что не желая заплатить ему этой суммы, нашли гораздо удобнѣе выслать его, не объявивъ тому причины. Дѣйствительно я почти въ тоже время прочиталъ въ Англійскихъ журналахъ, что два Французскіе эмигранта Мартелло и Дюбленъ содержатся въ Лондонѣ, и что человѣкъ тридцать Французскихъ эмигрантовъ будутъ высланы изъ Англіи. Между ними были наименованы Баронъ д'Эмберъ и Даниканъ, сражавшійся противъ Конвента съ частями города, которыя на-

зывали бунтующими 13 Вандеміера. Извѣстно, какимъ образомъ Даниканъ палъ предъ тактикою и отважностью молодаго Генерала Бонапарте. Онъ спасся бѣгствомъ отъ приговора, произнесеннаго противъ него заочно военнымъ Совѣтомъ, собраннымъ по этому случаю въ залѣ Французскаго театра. Съ тѣхъ поръ онъ былъ постояннымъ, но мало искуснымъ агентомъ Королевскаго дѣла. 20 Мая Даниканъ пріѣхалъ изъ Лондона въ Альтону. Какъ вѣроятно было, что онъ пріѣдетъ въ Гамбургъ повидаться съ однимъ изъ его пріятелей, то я сообщилъ его примѣты Начальнику Жандармовъ.

Даниканъ говорилъ, что онъ ѣдетъ въ Швецію, по приглашенію Короля, который всячески старался сбирать къ себѣ враговъ Франціи. Онъ видѣлъ отправленіе Нѣмецкаго легіона; тридцать человѣкъ этого легіона хотѣли было бѣжать и были отправлены въ Лондонъ со скованными ногами и руками. По мнѣнію Даникана, духъ этого легіона былъ, для Англичанъ очень неблагопріятенъ и болѣе склонялся въ пользу Французовъ. Я узналъ также отъ Даникана, разсказывавшаго всѣ эти обстоятельства въ трактирѣ, въ присутствіи одного человѣка, который сообщилъ ихъ мнѣ, что Дероль, повѣренный Графа д'Артуа укралъ 30,000 франковъ изъ наслѣдства Пишегрю и подвергшись за это преслѣдованію. Графа де ла Шапелля,

причинилъ тѣмъ раздоръ въ партiи, ибо Графъ д'Артуа хотѣлъ защитить своего любимца. Даникань сдѣлалъ отъ имени Англiйскаго Правительства нѣкоторыя предложенiя Г. Белькомбу (Аббату Деламарру). Этотъ послѣднiй, отвергнулъ оныя, сказавъ ему: *Можно ли имѣть какую либо довѣренность къ Правительству, которое беретъ себѣ въ главные агенты такого человѣка, какъ Фошъ-Борель?* Это относилось къ сказанному ему за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ Даниканомъ, что *Г. Гаммондъ видитъ только глазами Фошъ-Бореля и дѣйствуетъ только по его совѣтамъ.*

Даникань прiѣзжалъ однажды въ Гамбургъ, но Жандармы не захватили его, а задержали другаго Француза, принятаго ими за него. Онъ уѣхалъ обратно въ Англiю 29 Iюля; и не знаю почему онъ не отправился къ Королю Шведскому, какъ онъ сперва это объявилъ. Въ пылкомъ своемъ рвенiи противъ *Господина Бонапарте*, Король Шведскiй объявлялъ о всѣхъ своихъ сношенiяхъ съ Бурбонами. Я читалъ въ одномъ бюлетенѣ изъ Стральзунда: «Полковникъ «Блакасъ, присланный съ особымъ порученiемъ «отъ Короля Лудовика XVIII, прибылъ сюда «изъ Митавы и имѣлъ сегодня аудiенцiю у его «Величества.»

Я не хотѣлъ отдѣлять одно отъ другаго различныя обстоятельства относительно нѣкото-

рыхъ, вновь прибывшихъ эмигрантовъ. Между ими былъ еще человѣкъ, имѣвшій по ролѣ, которую онъ игралъ при началѣ Революціи, гораздо болѣе вѣсу, чѣмъ Баронъ д'Эмберъ. О немъ часто упоминалось въ моихъ Запискахъ: дѣло идетъ о Дюмурье. Генералъ сей, какъ видѣли, долго былъ главнымъ начальникомъ жестокой войны бранными сочиненіями противъ Французскаго Правительства. Наконецъ онъ рѣшился опять приняться за свое прежнее оружіе. Одинъ изъ моихъ агентовъ въ Лондонѣ, увѣдомилъ меня, что послѣ многихъ увертокъ, Дюмурье принялъ начальство надъ Шведскими войсками, предназначенными къ высадкѣ въ Стральзундѣ и къ коимъ долженствовалъ присоединиться Гановрскій легіонъ, бывшій уже въ морѣ. Но въ продолженіе всѣхъ этихъ колебаній, Наполеонъ, дѣйствовавшій рѣшительно, шелъ исполинскими шагами, хотя и не безъ затрудненій, къ границамъ Россіи, между тѣмъ какъ искусные его сподвижники быстро завоевывали сѣверныя области Пруссіи на обширной операціонной линіи.

ГЛАВА XXI.

Депеша Г. Талейрана. — Требованіе Императора о напечатаніи реляціи Эйлауской битвы.— Письмо ко мнѣ Владѣтельнаго Герцога Веймарскаго.—Высшая степень славы Наполеона. —Ранъ отправленъ въ Данцигъ.—Князь Витгенштейнъ.— Большое мѣсто въ моей памяти.—Извѣстія изъ Лондона, привезенныя Княземъ Витгенштейномъ. — Взаимная довѣренность.—Г. Алопеусъ, и лаконическая депеша изъ Тильзита. — Торговый договоръ между Англіею и Россіею.— Объясненіе сговорчивости Англійскаго Министерства.— Посредство Россіи, предложенное Англіи Г-мъ Алопеусомъ.— Замѣчательный словесный отвѣтъ Г. Каннинга.—Расположеніе къ миру Принца Валлійскаго и Г. Каннинга.—Жестокое положеніе Пруссіи между Франціею и Англіею.— Лесть нѣкоторыхъ несвѣдущихъ писателей.—Невозможность возстановленія Польши въ 1807 году.—Русскіе и Австрійцы.—Основаніе Вестфальскаго Королевства.—Великое Герцогство Варшавское и Король Саксонскій.—Признаніе въ совокупности Королевскихъ титуловъ.

После Эйлаускаго сраженія, я получилъ отъ Г. Талейрана депешу съ приложеніемъ на Фран-

цузскомъ языкѣ реляціи объ этомъ достопамятномъ сраженіи, въ которомъ Русскихъ я не могу назвать побѣжденными, ибо очень помню принятыя въ цѣлой Германіи предосторожности, дабы Французская реляція сдѣлалась извѣстною прежде Русской. Императоръ считалъ очень важнымъ, чтобы объ этомъ днѣ судили такъ, какъ онъ самъ о немъ судилъ. Другія реляціи, кромѣ составленной имъ, могли произвести на Сѣверѣ неблагопріятное впечатлѣніе и потому мнѣ приказано было немедленно напечатать эту реляцію; я напечаталъ 2,000 экземпляровъ оной, чего было очень достаточно для распространенія въ Ганзейскихъ городахъ и земляхъ.

Владѣтельный Герцогъ Саксенъ-Вермарскій прислалъ ко мнѣ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ одного изъ своихъ Шталмейстеровъ для вытребованія довольно большаго числа молодыхъ лошадей, которыя въ суматоху Октября мѣсяца прошедшаго года, были забраны въ Веймарѣ и уведены въ Голштинію. Шталмейстеръ привезъ мнѣ отъ Герцога слѣдующее письмо:

«Милостивый Государь,

«Шталмейстеръ мой Мюллеръ, вручитъ вамъ «это письмо. Въ суматохѣ Октября мѣсяца про«шедшаго года, принадлежащія мнѣ молодыя «лошади были уведены отсюда въ Голштейнъ, «гдѣ онѣ и донынѣ находятся, ибо дурная по«года не позволяла ихъ перевести. При насту-

«пленіи весны и при водвореніи у насъ спокой-«ствія, надѣюсь теперь, что мнѣ можно будетъ «съ безопасностью перевести мое стадо. На сей «конецъ я поручилъ Шталмейстеру моему Мюл-«леру, условиться съ вашимъ Превосходитель-«ствомъ касательно необходимыхъ для сего ра-«споряженій, покорнѣйше прося васъ, Милости-«вый Государь о исполненіи моихъ и его «просьбъ. Съ удовольствіемъ пользуюсь этимъ «случаемъ, дабы напомнить о себѣ Вашему «Превосходительству и поручить себя вашей «дружбѣ. Свидѣтельствуя мое почтеніе и при-«вязанность Г-жѣ де Буріеннъ, имѣю честь «быть съ чувствами особеннаго уваженія и «проч.

Герцогъ ВЕЙМАРСКІЙ»

»Веймаръ, 31 Марта 1807.

Читатель можетъ быть пожалуется на то, что я почти совершенно умалчиваю о великихъ дѣйстіяхъ Французской арміи съ Эйлаускаго дня, до Фридландской битвы, коей успѣхъ въ нашу пользу былъ уже оспоримъ. Не было нужды печатать о ней снисходительныя реляціи, а притомъ и важныя послѣдствія этой побѣды, скоро распространились по всей Европѣ. Свиданіе въ Тильзитѣ есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ обстоятельствъ новѣйшей исторіи

и воды Нѣмана отразили въ себѣ образъ Наполеона на высшей степени его славы. До тѣхъ поръ онъ все возвышался; нѣсколько лѣтъ послѣ того умѣлъ еще поддерживаться; но потомъ!... Я не видалъ всѣхъ этихъ чудесъ и кромѣ извѣстныхъ всѣмъ подробностей о свиданіи двухъ Императоровъ въ Тильзитѣ и о печальномъ положеніи Короля Прусскаго, мало узналъ особенныхъ вещей, ибо Раппъ былъ тогда отправленъ въ Данцигъ, а онъ то охотнѣе всѣхъ пересказывалъ мнѣ все что дѣлалъ, все что говорилъ Императоръ и все что вокругъ него происходило.

Однакоже я узналъ одно достойное вниманія обстоятельство касательно того, что произошло въ покояхъ Императора въ Тильзитѣ при первомъ посѣщеніи его Королемъ Прусскимъ. Этотъ Государь, съ коимъ находилась и Королева Вильгельмина, жилъ внѣ города, пока два Императора занимали противоположные берега, раздѣляемые Нѣманомъ. Нижеприведенное обстоятельство сообщено мнѣ однимъ человѣкомъ, который слышалъ объ ономъ отъ очевидца Офицера Императорской Гвардіи, бывшаго въ тотъ день дежурнымъ во внутренности Наполеоновыхъ покоевъ; посему я сообщаю его съ увѣренностью тѣмъ болѣе, что оно кажется мнѣ совершенно свойственнымъ характеру Бонапарте. Когда Императоръ Александръ

пріѣхалъ къ Наполеону, то они долго разговаривали на балконѣ, подъ коимъ безчисленныя толпы людей, привѣтствовали ихъ свиданію радостными кликами. Наполеонъ, подобно какъ въ прошломъ году съ Императоромъ Австрійскимъ, началъ тѣмъ, что сказалъ Александру нѣсколько обязательныхъ словъ на счетъ перемѣнчивости судьбы оружія. Между тѣмъ какъ они разговаривали, было доложено о Королѣ Прусскомъ. Наполеонъ, пригласилъ его съ Королевою къ себѣ обѣдать; а садясь за столъ Наполеонъ съ большою обязаностью объявилъ Королевѣ, что онъ возвращаетъ ей Силезію, которую она очень желала удержать за собою при предстоящихъ распоряженіяхъ. Если впрочемъ я мало узналъ подробностей о пребываніи въ Тильзитѣ, то въ замѣну того имѣю обстоятельныя свѣдѣнія о дѣйствіи произведенномъ Тильзитскимъ свиданіемъ въ другихъ мѣстахъ и о заключеніи договора, бывшаго слѣдствіемъ онаго. Это сей часъ увидятъ, но я не могу достигнуть моей цѣли иначе какъ сдѣлавъ небольшое отступленіе.

Я еще не упоминалъ о человѣкѣ, о которомъ часто буду говорить съ читателемъ при любопытныхъ обстоятельствахъ, — о Князѣ Витгенштейнѣ, или, если имя его и было произнесено въ моихъ Запискахъ, то развѣ при какихъ нибудь невозможныхъ случаяхъ; не то

будетъ, когда я дойду до эпохи гнусныхъ кововъ, коихъ онъ былъ предметомъ и коихъ едва было не сдѣлался жертвою. Князь Витгенштейнъ занимаетъ большое мѣсто въ моей памяти и есть одинъ изъ тѣхъ людей, о которыхъ я вспоминаю съ наибо́льшимъ удовольствіемъ. Мы имѣли съ нимъ частыя сношенія въ обществѣ и даже могу сказать, что жили въ тѣсной дружбѣ во время пребыванія его въ Гамбургѣ. Не будучи облеченъ никакимъ явнымъ порученіемъ, онъ тѣмъ не менѣе пользовался полною довѣренностью Короля Прусскаго, которому во многихъ случаяхъ политическіе его таланты и мудрые его совѣты принесли большую пользу.

Лѣтомъ 1807 года Князь Витгенштейнъ ѣздилъ въ Англію. Возвратясь оттуда, онъ навѣстилъ меня; разговоръ нашъ, весьма естественно обратился на великія политическія дѣла, вокругъ насъ происходившія; и какъ онъ имѣлъ ко мнѣ величайшую довѣренность, то я узналъ отъ него много любопытныхъ вещей касательно Англійскаго кабинета. Князь Витгенштейнъ сказалъ мнѣ, что Русскій курьеръ отправленный изъ Тауропена, привезъ 30 Іюля Г-ну Алопеусу, Россійскому Министру въ Лондонѣ, очень важныя депеши. Въ одной изъ этихъ депешей, которую Князь Витгенштейнъ самъ читалъ, было сказано, что время слишкомъ ко-

ротко *для присылки копій съ договоровъ, подписанныхъ въ Тильзитѣ.* Въ тотъ же самый день, Г. Алопеусъ отправилъ курьера въ Россію съ торговымъ договоромъ, имъ заключеннымъ и подписаннымъ. Говоря объ этомъ торговомъ договорѣ между Англіею и Россіею, мнѣ кажется кстати замѣтить одно обстоятельство, къ оному относящееся; конечно не потому чтобы этотъ договоръ могъ нынѣ возбуждать собою участіе, но потому что въ немъ увидятъ довольно разительный примѣръ Британской политики. Договоръ сей есть тотъ самый, который Г. Алопеусъ предложилъ, по пріѣздѣ своемъ въ Лондонъ, въ началѣ Марта мѣсяца. Тогда не хотѣли о немъ и слышать; но по мѣрѣ какъ въ Лондонѣ получались извѣстія изъ Французской арміи, Англійское Министерство дѣлало уступки, такъ что отъ побѣды къ побѣдѣ съ одной стороны, и отъ уступки, къ уступкѣ съ другой, договоръ былъ заключенъ точно такой какъ предложила его Россія. Впрочемъ я право не знаю, для чего было Англіи такъ затрудняться на счетъ условій, ибо когда того требуютъ выгоды, это ни къ чему ее не обязываетъ.

Продолжаю сообщать сказанное мнѣ Княземъ Витгенштейномъ о томъ, что онъ видѣлъ или узналъ въ Англіи. На другой день послѣ того какъ Г. Алопеусъ получилъ изъ окрестностей

Тильзита лаконическую депешу, мною приведенную, онъ офиціяльно предложилъ Лондонскому двору посредство Россіи для заключенія новаго мирнаго договора между Франціею и Англіею и для достиженія общаго мира. Перваго Августа, былъ въ Виндзорѣ большой совѣтъ, въ коемъ присутствовалъ Георгъ III. Черезъ два дня послѣ того Г. Каннингъ отвѣчалъ Г. Алопеусу, но *словесно*, а довольно извѣстна существующая въ дипломатіи разница между вещами сказанными и вещами написанными; и такъ Г. Каннингъ сказалъ, «что Лондонскій Дворъ принимаетъ посредство Россіи, но съ условіемъ, чтобы ему сообщили копію съ заключеннаго договора, ибо Король желаетъ удостовѣриться не содержится ли въ немъ чего либо противнаго выгодамъ его короны и народа.» Г. Каннингъ прибавилъ: «что какъ Австрія до начатія кампаніи предлагала свое посредство воюющимъ державамъ, то справедливость требуетъ, чтобы она дѣйствовала совокупно съ Россіею въ нынѣ предлагаемомъ посредствѣ, и что это посредство тѣмъ болѣе прилично Вѣнскому Двору, что онъ тогда добровольно принималъ на себя оное.»

9 Августа курьеръ Г. Алопеуса отправился въ С. Петербургъ, съ донесеніемъ объ этомъ словесномъ отвѣтѣ Г. Каннинга.

Г. Каннингъ сверхъ того объявилъ Г-ну Яко-

би, Прусскому Министру въ Лондонѣ, «что Король соболѣзнуетъ о бѣдствіяхъ, постигшихъ «его Государя и принимаетъ въ нихъ величай«шее участіе; но какъ Прускія гавани закрыты «для Англійскихъ кораблей, то выгоды его на«рода и честь его флага, принуждаютъ его при«нять враждебныя мѣры противъ Пруссіи» Г. Якоби отправилъ съ нарочнымъ этотъ отзывъ къ своему Королю.

Ко всѣмъ этимъ свѣдѣніямъ Князь Витгенштейнъ прибавилъ, что Принцъ Валлійскій и въ особенности Г. Каннингъ очень расположены къ миру и что большая часть Англійскаго народа пламенно онаго желаетъ.

Можно ли себѣ представить, каково было при этомъ случаѣ положеніе Пруссіи и являлась ли когда либо Британская гордость въ болѣе жестокомъ видѣ, какъ угрожая Пруссіи враждебными мѣрами, за то что она не открыла ей портовъ своихъ? Такимъ образомъ двѣ Державы, столь другъ противъ друга ожесточенныя, казалось соглашались только въ одной статьѣ —въ угнетеніи Пруссіи. Франція занимала всѣ ея владѣнія твердой земли, а Англія хотѣла захватить ея гавани въ отмщеніе за вину, которую невозможно было приписать ничему иному, кромѣ какъ непреклонному закону необходимости.

Тильзитскій мирный договоръ, между Фран-

ціею и Россіею, заключенный 7 Іюля и на другой день ратификованный, не менѣе измѣнилъ карту Европы, какъ и въ прошедшемъ году Пресбургскій трактатъ. Тильзитскій договоръ не имѣлъ ничего постыднаго для Россіи, коей земли остались неприкосновенными; но несчастная Пруссія! какъ съ нею было поступлено!.... Есть историки, которые вовсе не зная прошеднаго, не предвидя ничего на счетъ будущаго,— изъ суетнаго желанія осыпать похвалами мнимую увѣренность Наполеона, почти упрекаютъ его въ томъ, что онъ дозволилъ еще существовать нѣкоторымъ остаткомъ Монархіи Фридерика Великаго!—Хвалите его славу, его геній, мгновенность его рѣшеній, быстроту ума его и всякой пойметъ васъ; но хвалить умѣренность его въ Тильзитѣ!.... Право вы подвергаетесь опасности, что надъ вами станутъ смѣятся всѣ тѣ, которые знали его, такъ какъ я. Есть впрочемъ одна статья, въ которой его несправедливо обвиняютъ; покрайнѣй мѣрѣ въ эпоху кампаніи 1807 года. Говорятъ, что ему тогда же бы слѣдовало возстановить Польское Королевство. Да позволено мнѣ будетъ, сказать, что это требованіе могло быть слѣдствіемъ одного толь-Французскаго легкомыслія; я самъ желалъ чтобы Польское Королевство было возстановлено; но изъ того что желаніе, хотя бы и основательное, не исполнилось, развѣ слѣдуетъ заклю-

чать, что оно должно было исполниться не смотря ни на какія препятствія? Тогда, то есть въ Тильзитскую кампанію, эти препятствія были непреодолимы. Не ужели должно было, возмутить Поляковъ, блеснувъ предъ ихъ глазами лучемъ близкой независимости, объявить себя ихъ защитникомъ? Но вся Польша не принадлежала Пруссіи; многія изъ областей ея достались въ удѣлъ Австрійскому Дому, а большая часть, Россіи, при послѣдовательныхъ раздѣлахъ сего Королевства. Тогда сорокъ тысячъ обсерваціонныхъ войскъ, которыя Австрія имѣла въ Богеміи, пошли бы противъ насъ и стѣснили бы правый флангъ нашей арміи. Но наиболѣе воспрепятствовало Императору объявить возстановленіе независимости Польши, желаніе не помѣшать тѣмъ заключенію мира съ Россіею, до перехода чрезъ Нѣманъ. Весьма было очевидно, что еслибъ нѣкоторыя изъ областей, принадлежащихъ великой Россійской Имперіи, были бы отдѣлены отъ оной Императорскимъ опредѣленіемъ, то Наполеону пришлось бы, или отмѣнить свое опредѣленіе или поддержать оное съ оружіемъ въ рукахъ и ни въ томъ, ни въ другомъ изъ этихъ случаевъ, не было бы Тильзитскаго договора. Эти размышленія, надобно замѣтить, относятся къ эпохѣ, о которой я говорю, и не къ возстановленію Польши. Послѣ

какъ увидятъ, *когда груша созрѣла*, козни второстепенныхъ сподвижниковъ и честолюбцевъ воспрепятствовали Наполеону исполнить мысли, всегда имъ питаемыя и выведя изъ рядовъ своей Гвардіи героя Понятовскаго, сдѣлать его главою Поляковъ.

Впрочемъ, если Тильзитскимъ договоромъ Польскій тронъ не былъ возстановленъ, съ тѣмъ чтобы сдѣлаться преградою между старою Европою и Россійскою Имперіею, то Наполеонъ, какъ выше сказано, основалъ Вестфальское Королевство, коего Монархомъ онъ сдѣлалъ того молодаго Флотскаго Мичмана, котораго онъ журилъ какъ школьника и котораго онъ тогда пожаловалъ въ Короли для того, чтобы имѣть въ своихъ повелѣніяхъ еще одного коронованнаго Префекта. Вестфальское Королевство было сначала составлено изъ владѣній Гессенъ-Кассельскихъ, послужившихъ ему основаніемъ; изъ части областей, исторгнутыхъ у Пруссіи *умѣренностью* Императора, изъ земель Подерборна, Фульды, Брауншвейга и изъ части Гановрскаго Курфиршества. Въ тоже время Наполеонъ, хотя и не любившій полу-мѣръ, дабы не прикоснуться къ Русскимъ и Австрійскимъ областямъ старой Польши, *основалъ* на берегахъ Вислы Великое Герцогство Варшавское, которое онъ отдалъ Королю Саксонскому, предоставивъ себѣ

въ послѣдствіе распространить оное, или вовсе уничтожить. Этимъ онъ дозволялъ Полякамъ надѣяться лучшаго въ будущемъ и обеспечивалъ себѣ приверженцевъ на Сѣверѣ, въ случаѣ еслибъ судьба опять привела его туда.

ГЛАВА XXII.

Мои замѣтки и воспоминанія.—Дѣйствіе, произведенное въ Альтонѣ Тильзитскимъ договоромъ —Два лундора присланные ко мнѣ эмигрантомъ.—Пруссія въ полномъ распоряженіи Императора.—Отъѣздъ Герцога Меклембургскаго.—Проходъ чрезъ Зундъ Англійскаго флота.—Г. Дидло въ Гамбургѣ.—Бомбардированіе Копенгагена.—Вѣроломство Англичанъ.—Прежнее воспоминаніе и слова Наполеона Г-ну Лемерсье.—Пруссія, вычеркнутая съ ландкарты.—Возвращеніе Наполеона въ Парижъ.—Запутанныя дѣла.—Вліяніе Англіи на диванъ.—Новая политика. — Уничтоженіе Трибуната.—Нѣмые и угодники.—Упорство Мустафы Байрактара.—Требованіе Россіи.—Грабежъ въ управленіи.—Конфискація Англійскихъ товаровъ.—Я доставляю Франціи девять миліоновъ выгоды.—Князь Нешательскій и Г. Дарсо.—Прибыльныя пожертвованія.

Теперь я займусь частными подробностями относительно вещей, о которыхъ я только упомянулъ въ предъидущей главѣ. Полагаясь единственно на мои собственныя замѣтки, на воспоминанія, въ коихъ я увѣренъ, и на то, чего

я самъ былъ очевидцемъ, я конечно принужденъ умолчать о предметахъ, болѣе важныхъ чѣмъ тѣ, которые могу изложить съ совершеннымъ знанiемъ оныхъ; но покрайней мѣрѣ никто не упрекнетъ меня въ неосновательномъ разсказѣ и читатели могли замѣтить, что я не заимствую изъ другихъ книгъ, а если дѣлаю это, то единственно для исправленiя слишкомъ явныхъ ошибокъ и лживости. Словомъ сказать мнѣ столько же желательно представить въ истинномъ видѣ, то что я видѣлъ и узналъ въ Гамбургѣ, какъ и то что я видѣлъ и узналъ въ Италiи, въ Египтѣ, въ Парижѣ, въ Люксембургѣ, въ Тюлiери, въ Мальмезонѣ и въ Сен-Клу.

Тильзитскiй договоръ, сдѣлавшись извѣстнымъ въ Альтонѣ, распространилъ ужасъ между эмигрантами. Одинъ изъ нихъ однакоже, не объявившiй своего имени и котораго я никакъ не могъ открыть, прислалъ мнѣ два луидора для выдачи двумъ Французскимъ солдатамъ, раненымъ въ продолженiе кампанiи (*).

Что касается до Нѣмецкихъ Принцевъ прiѣхавшихъ въ Альтону и въ Гамбургъ ожидать развязки происшествiй, когда они узнали, что начались уже окончательные переговоры о ми-

(*) Я не хотѣлъ умолчать объ этомъ обстоятельствѣ; но разсматривая число, когда оно у меня было записано, я вижу, что оно должно относиться къ эпохѣ, послѣдовавшей за Аустерлицкою битвою.

рѣ между Франціею и Россіею, и что Пруссія черезъ два дня послѣ заключенія Тильзитскаго договора находилась въ полномъ распоряженіи у Наполеона, то каждый пріѣзжавшій курьеръ повергалъ ихъ въ невыразимый ужасъ: отъ воли Наполеона зависѣло, чтобы они были или не были.

Герцогъ Мекленбургъ - Шверинскій, какъ выше сказано, не былъ подобно Герцогу Веймарскому возстановленъ въ своихъ владѣніяхъ, чрезъ сдѣланное для него исключеніе; но наконецъ онъ получилъ ихъ обратно по ходатайству за него Императора Александра и 28 Іюля выѣхалъ изъ Гамбурга съ тѣмъ, чтобы возвратиться въ свое Герцогство.

Около этого времени Датскій повѣренный въ дѣлахъ сообщилъ мнѣ официяльное объявленіе своего Правительства. Въ немъ было сказано, что въ Понедѣльникъ 3 Августа, дивизія изъ двѣнадцати линейныхъ кораблей и изъ двѣнадцати фрегатовъ подъ начальствомъ Адмирала Гамбіе, прошла чрезъ Зундъ; остальная часть эскадры находилась въ Категатѣ. Въ тоже время Англійскія войска, бывшія на островѣ Рюгенѣ, сѣли на суда. Мы не могли тогда угадать, что предпримутъ столь значительныя силы; увы! наше недоумѣніе скоро прекратилось: Г. Дидло, Французскій Министръ въ Копенгагенѣ, прибылъ въ Гамбургъ 12 Августа въ девять

часовъ вечера. Ему посчастливилось проѣхать чрезъ Большой Бестъ, не будучи задержаннымъ Англичанами. Я послалъ его донесенія въ Парижъ съ нарочнымъ.

Англичане послали въ Балтику двадцать тысячъ человѣкъ и двадцать семь судовъ; Лордъ Каткартъ ими предводительствовалъ. Берега Зеландіи были блокированы девяносто судами; Г. Джаксонъ, посланный Англіею для переговоровъ съ Даніею, въ которую первая опасалась вторженія Французскихъ войскъ, — былъ подкрѣпленъ этими значительными силами въ требованіи, которое ему поручено было сдѣлать Даніи. Это требованіе заключалось не менѣе какъ въ томъ, чтобы Король Датскій отдалъ весь свой флотъ съ принадлежностями. Правда, что его брали только на сохраненіе, какъ залогъ, но въ условіи было словцо не успокоивавшее на счетъ будущаго; сказано было *до тѣхъ поръ* пока не будетъ болѣе нужды въ таковомъ обезпеченіи. Угроза и исполненіе оной послѣдовали непосредственно за этимъ наглымъ требованіемъ. Послѣ благороднаго, но тщетнаго сопротивленія, Копенгагенъ сдался, и Датскій флотъ былъ уничтоженъ. Трудно найти въ исторіи болѣе низкое, болѣе ненавистное злоупотребленіе силы противъ слабости. Черезъ нѣсколько времени явилась книжка подъ заглавіемъ *Германія*, которую я перевелъ, и послалъ прямо къ Импера-

тору. Она была написана съ большимъ краснорѣчіемъ и съ негодованіемъ, возбужденнымъ въ сочинителѣ, равно какъ и во всѣхъ, поступкомъ Англичанъ.

Я сказалъ, какія были главныя послѣдствія Тильзитскаго договора; весьма вѣроятно, что еслибъ бомбардированіе Копенгагена случилось прежде заключенія онаго, то Императоръ еще хуже бы поступилъ съ Пруссіею. Онъ могъ исключить ее изъ числа Державъ но не сдѣлалъ сего изъ уваженія къ ходатайству Императора Александра; впрочемъ уничтоженіе Пруссіи было не новымъ замысломъ въ умѣ Императора и я помню, что Бонапарте сказалъ на этотъ счетъ Г-ну Лемерсье въ первые дни пребыванія нашего въ Мальмезонѣ. Лемерсье прочиталъ Первому Консулу не помню какую-то поэму, въ которой упоминалось о Фридрихѣ Великомъ. « Такъ вы очень ему удивляетесь, » сказалъ Бонапарте Г-ну Лемерсье. « Чтоже вы находите въ немъ столь удивительнаго? Онъ не равняется съ Тюреннемъ.—Генералъ,» отвѣчалъ Лемерсье, «я уважаю въ Фридрихѣ не одного только воина; но вы конечно не запретите намъ удивляться человѣку, который и на престолѣ показалъ философію. — Нѣтъ, мой добрый Лемерсье,» возразилъ Бонапарте, «я вовсе не имѣю этого намѣренія .... но это не помѣшаетъ мнѣ исключить съ карты его Королевство. Если Г.

Лемерсье прочтетъ это, то я увѣренъ, что онъ подтвердитъ совершенную точность словъ моихъ. И такъ Королевство Фридриха Великаго не было исключено съ карты потому, что Императоръ Россійскій не захотѣлъ покинуть вѣрнаго союзника, который вмѣстѣ съ нимъ подвергался случайностямъ судьбы. Тогда-то Прусскому Кабинету пришлось пожалѣть о нерѣшительности, воспрепятствовавшей ему объявить себя противъ Франціи въ Аустерлицкую кампанію.

Наполеонъ возвратился въ Парижъ въ концѣ Іюля, послѣ десятилѣтняго отсутствія, самаго продолжительнаго съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ главою Французскаго Правительства, какъ въ званіи Консула, такъ и Императора. Свиданіе въ Тильзитѣ, о которомъ вездѣ говорили съ большими преувеличеньями и заключенный на твердой землѣ миръ, придали ему въ общемъ мнѣніи нравственную силу, которой онъ еще не имѣлъ со времени своего коронованія. Ничто въ продолженіе Прусской и Польской кампаніи не возмутило спокойствія въ Парижѣ, также какъ и въ продолженіе предшествовавшаго Австрійскаго похода. Однакоже дѣла были еще во многихъ отношеніяхъ запутаны. Война съ Англіею находилась въ полной дѣятельности, а Шведскій Король, послѣ заключеннаго имъ перемирія, опять принялся за свои

ратные подвиги. Это конечно ничего не значило и вовсе не могло тревожить Наполеона, но на политическую его раздражительность, очень подѣйствовала перемѣна въ расположеніи Дивана, который, по смерти Султана Селима, сблизился съ Англіею. Лондонскій кабинетъ очень былъ расположенъ помирить Турцію съ Россіею; и должно сказать, что это была совершенно новая для Англіи политика. Привыкшая разсѣвать семяна раздора и раздѣлять между собою другіе народы, Англія оказывалась миротворною, но единственно для того, чтобы съ бо́льшею дѣйствительностью сразиться со страшнымъ врагомъ, занимавшимъ всѣ ея мысли.

По возвращеніи въ Парижъ, Наполеонъ, продолжая питать всегдашнюю свою ненависть къ совѣщательнымъ собраніямъ, составленнымъ по его словамъ изъ говоруновъ, изъ пустомель и изъ адвокатовъ, уничтожилъ наконецъ Трибунатъ, надоѣдавшій ему съ самой минуты учрежденія онаго. Императоръ, умѣвшій искуснѣе всякаго другаго извлекать выгоды изъ благопріятнаго расположенія общаго мнѣнія, воспользовался при этомъ случаѣ восторгомъ, возбужденнымъ свиданіемъ его съ Александромъ на Нѣманѣ. Такимъ образомъ изчезло изъ коренныхъ правительственныхъ учрежденій то, которое могло еще представить хоть тѣнь народности. Надобно сознаться, что это была со

стороны Наполеона большая неблагодарность; ибо Трибунату онъ былъ обязанъ какъ за пожизненное Консульство, такъ и за Императорскій санъ; но ему нужно было чтобы остался одинъ только Сенатъ для опредѣленія наборовъ людей и нѣмой Законодательный Корпусъ для доставленія денегъ. Никакого сопротивленія въ одномъ, никакихъ размышленій со стороны другаго; никакой ни отъ кого повѣрки; возможность дѣлать все, что заблагоразсудится и ограниченіе свободы тисненія: вотъ чего желалъ Наполеонъ. Онъ получилъ все это; но Мартъ мѣсяцъ 1814 года рѣшилъ вопросъ его самовластія.

Въ необычайной запутанности, въ коей находились дѣла Европы послѣ Тильзитскаго мира, не льзя было не удивляться, видя что вліяніе Императора на Турцію, столь удачно вооружившее ее противъ Русскихъ, не смотря на всѣ его усилія, совершенно уничтожилось и разрушенное онымъ доброе согласіе возстановилось. Всѣ покушенія у Мустафы-Байрактара въ продолженіе кратковременнаго его царствованія, были тщетны; Гиліемино не могъ поправить того, что запуталъ Себастіани, и Турки упорствовали въ томъ, чтобы воевать съ Россіею. Дѣйствительно легко себѣ представить, что Англія не имѣла нужды прибѣгать къ слишкомъ сильнымъ убѣжденіямъ, дабы вразумить

Мустафу, что Россіи послѣ борьбы съ Франціею не совмѣстно уже настаивать въ требованіи объ уступкѣ двухъ Княжествъ, орошаемыхъ Дунаемъ. Султанъ началъ самъ почти требовать, а Императоръ Александръ не хотѣлъ склониться ни на какія распоряженія, не бывшія совершенно въ его пользу. Наполеонъ обѣщалъ Александру употребить посредство всей своей власти для возстановленія мира; и дабы доказать свою искренность, онъ далъ Гиліемино сообразныя съ тѣмъ повелѣнія; но все было тщетно: Мустафа оказался непреклоннымъ, война продолжалась, и вскорѣ сдѣлалась еще болѣе запутанною, когда злосчастная звѣзда Императора вовлекла его въ роковое дѣло Испаніи. Хотя будучи въ отдаленіи, я имѣлъ случай собрать объ этомъ дѣлѣ любопытныя свѣдѣнія, которыя представлю съ увѣренностью; ибо не могу имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ чистоты источника, изъ котораго я почерпнулъ оныя.

Между тѣмъ, какъ производились эти великія дѣла, и какъ Наполеонъ мечталъ о всемирной Монархіи, я видѣлъ въ кругу менѣе обширномъ, неизбѣжныя послѣдствія честолюбія одного человѣка. Грабили, воровали повсемѣстно въ несчастныхъ земляхъ, на которыя распространялось мое дипломатическое вліяніе. Грабежъ былъ такъ сказать введенъ въ самое

управленіе и производимъ неистовствомъ; а притомъ съ такимъ невѣжествомъ, что часто даже незнали цѣны вещей, которыя забирали. Такимъ образомъ, на примѣръ, Императоръ велѣлъ захватить въ Гамбургѣ, въ Берлинѣ и въ Любекѣ всѣ Англійскіе товары, какого бы рода и какого бы происхожденія оные ни были. Князь Нёшательскій написалъ мнѣ отъ имени Императора, что я долженъ вытребовать отъ трехъ Ганзейскихъ городовъ десять тысячъ франковъ. Генералъ-Интендантъ Арміи Дарю, имѣвшій порученіе принимать этого рода взятки, къ которымъ Наполеонъ сдѣлалъ привычку въ Египтѣ, написалъ мнѣ съ своей стороны, прося объ исходатайствованіи скораго и благопріятнаго по сему рѣшенія. Эти несчастные города, которые мнѣ предписывалось такимъ образомъ притѣснять, и безъ того уже довольно перенесли прижимокъ. Посредствомъ переговоровъ, я получилъ болѣе чѣмъ требовалось за выкупъ Англійскихъ товаровъ, которые было приказано захватить. Еще до полученія писемъ отъ Князя Нёшательскаго и отъ Г. Дарю, я исходатайствовалъ отъ Гамбурга шестнадцать миліоновъ вмѣсто десяти, и сверхъ того около трехъ миліоновъ отъ Бремена и отъ Любека; такимъ образомъ я доставилъ Правительству девятью миліонами болѣе противъ того, сколько оно полагало, и старался устроить это та-

кимъ образомъ, что бы эти огромныя пожертвованія не были тягостны для тѣхъ, которые оныя дѣлали. Я поспѣшилъ опредѣлить цѣну Англійскимъ товарамъ; ибо зналъ, что высокая цѣна этихъ товаровъ на твердой землѣ, не только вознаградитъ выкупъ, за оные требуемый, но и доставитъ приличный барышъ. Таково было странное дѣйствіе континентальной системы, что когда конфисковали какой либо товаръ и потомъ выдавали за деньги позволеніе свободно продать оный, то цѣна при продажѣ была столь велика, что вознаграждала ущербъ и приносила еще значительную прибыль.

ГЛАВА XXIII.

Коленкуръ назначенъ Посланникомъ въ Россію.—Уничтоженное предубѣжденіе и расположеніе Императора Александра. — Затруднительность порученія Коленкура. — Отвращеніе Англіи къ посредству Россіи.—Португальскія дѣла.—Странный выборъ предводителя арміею. — Желаніе избавиться отъ Жюно. — Легкое вторженіе и объявленіе Принца Регента.—Взятіе Гельголанда Англичанами. — Существенная выгода этого внезапнаго удара. — Приказъ о взятіи подъ стражу Г-на Гю —Графъ Бентинкъ, и желаніе его попасть въ Адъютанты къ Императору.—Обнародованіе Наполеонова уложенія, объявленнаго Государственнымъ Уставомъ. — Введеніе Французскихъ законовъ въ Германіи.—Снисходительность присяжныхъ въ Гамбургѣ. — Украденный плащъ, Синдинъ Дорманъ и оправданіе.—Законы Беккарія и воспоминаніе о мятежѣ въ Италіи.—Имперія Римская и Имперія Французская.—Невѣжество нѣкоторыхъ предсѣдателей судовъ. — Французское легкомысліе и справедливое неудовольствіе.

По заключеніи мира съ Россіею, надобно было избрать Посланника, не только для поддер-

жанія новыхъ дружественныхъ сношеній между Наполеономъ и Александромъ, но въ особенности дабы выхлопотать обѣщанное Россіею у Англіи посредство для заключенія наконецъ мира между кабинетами Парижскимъ и Лондонскимъ. Императоръ далъ это порученіе Коленкуру, на счетъ коего существовали неосновательныя предубѣжденія, относительно нѣкоторыхъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ смерти Герцога Ангенскаго. Это мнѣніе неблагопріятное и несправедливое упредило имя Коленкура въ С. Петербургѣ, и опасались, что онъ не будетъ тамъ такъ хорошо принятъ, какъ слѣдовало Французскому Посланнику, и какъ онъ заслуживалъ своими личными качествами. Я въ то время положительнымъ образомъ узналъ, что послѣ краткаго розговора съ Императоромъ Александромъ, Монархъ сей не могъ уже сохранить никакого неблагопріятнаго подозрѣнія на счетъ нашего Посланника, который заслужилъ его расположеніе и уваженіе.

Порученіе Коленкура не во всѣхъ отношеніяхъ было легко къ исполненію, ибо къ числу замѣчательныхъ вещей въ политикѣ того времени, можно причесть непреодолимое отвращеніе и постоянные отказы Англіи, вступить въ переговоры съ Франціею, чрезъ посредство Россіи. Я положительно узналъ, что Англія рѣшилась никогда не допускать завладѣнія

Твердою Землею, которое Наполеонъ замышлялъ съ такою малою скрытностью, что ни кто не могъ въ томъ ошибаться. Два года уже какъ онъ дѣйствительно шелъ большими шагами; но Англія не унывала; надѣясь на раздраженіе Государей и на не удовольствіе народовъ, она была увѣрена, что когда захочетъ,—ея золотые рычаги вновь вооружатъ твердую землю и заставятъ ее возстать противъ притѣснительнаго могущества Наполеона. Онъ же, видя что всѣ попытки его безполезны и что Англія ничему не внимаетъ, вооружился новыми соображеніями, и сталъ помышлять о возстановленіи противъ Англіи новыхъ враговъ.

Читатели помнятъ, что въ 1801 году Франція принудила Португаллію воевать съ нею противъ Англіи. Въ 1807 году Императоръ возобновилъ, то что сдѣлалъ Первый Консулъ. По непостижимой случайности Жюно сдѣлался предводителемъ войскъ, шедшихъ противъ Португалліи. Я говорю противъ, потому что это дѣйствительно было, хотя онъ и шелъ какъ покровитель, дабы избавить Португаллію отъ вліянія Англичанъ. Какъ бы то ни было, а сдѣланный Императоромъ выборъ удивилъ весь свѣтъ. Не ужели Жюно, заключавшему въ себѣ странную смѣсь гордости съ посредственностью, слѣдовало ввѣрять начальство надъ арміею въ отдаленной странѣ, гдѣ политика предводителя

оной, долженствовала соединиться съ великими воинскими талантами. Что касается до меня, знавшаго Жюно, то признаюсь, что этотъ выборъ поразилъ меня совершеннымъ изумленіемъ; однажды, когда я заговорилъ объ этомъ съ Бернадотомъ, онъ показалъ мнѣ письмо, въ которомъ было сказано, что Императоръ послалъ Жюно въ Парижъ, единственно для того чтобы найти предлогъ взять у него Парижское Губернаторство. Жюно надоѣлъ Императору своимъ дурнымъ поведеніемъ, своими безразсудствами и невѣроятною расточительностью. Жюно не имѣлъ ни осанки, ни достоинства, ни возвышенныхъ чувствъ. Такимъ образомъ Португаллія два раза сдѣлалась мѣстомъ ссылки, выбраннымъ прихотью Консула и Императора:— тогда какъ надобно было удалить Ланна, говорившаго Первому Консулу *ты*, и тогда какъ Императору надоѣло дурное поведеніе и расточительность его любимца.

Вторженіе въ Португаллію не представило никакого затрудненія; это была вооруженная прогулка а не война; но сколько происшествій сцѣплялось съ этимъ занятіемъ. Не хотя измѣнить Англіи, съ коею онъ былъ соединенъ договорами и не въ состояніи будучи воспротивиться всемогуществу Наполеона, Принцъ Регентъ Португальскій, отъѣзжая въ Бразилію объявилъ, что всякая оборона будетъ безполез-

на; онъ въ тоже время приказывалъ дѣлать хорошій пріемъ Французскимъ войскамъ и говорилъ, что уповаетъ на провидѣніе касательно послѣдствій вторженія, къ которому онъ ничѣмъ не подалъ причины. Ему отвѣчали отъ имени Императора, что какъ Португаллія была союзницею Англіи, то Французы вели войну съ Англіею, занимая Португальскія владѣнія. Но между тѣмъ какъ наши орлы приближались къ Лиссабону, Англія овладѣла островомъ Гейльголандомъ. Этому подвигу придали гораздо болѣе важности, чѣмъ онъ въ самомъ дѣлѣ заслуживалъ. Гарнизонъ, приведенной въ Глюхштадтъ, стостоялъ только изъ тридцати Инвалидовъ. Единственная вещь, придающая нѣкоторую важность небольшому островку Гейльголанду, есть положеніе его при устьѣ Эльбы и Эйдера; съ него берутъ лоцмановъ на суда, желающія войти въ которую либо изъ этихъ двухъ рѣкъ.

Поступокъ Англіи съ Даніею и бомбардированіе Копенгагена, возбудили всеобщее негодованіе даже въ людяхъ, нерасположенныхъ въ пользу Наполеонова дѣла, къ коему Данія присоединилась съ большою искренностью и благородствомъ. Желая отмстить за жестокую обиду, нанесенную его столицѣ, Наслѣдный Принцъ Датскій сталъ считать неиначе какъ своими врагами, всѣхъ бывшихъ за одно съ Англіею и

отдалъ приказъ взять подъ стражу Г-на Гю. Ему предложили отправиться въ Россію или въ Выборгъ къ Англичанамъ, содержащимся тамъ до отсылки ихъ въ Англію. Это кажется было исполнено Г-мъ Гю, весьма всѣми уважаемымъ.

Когда Германія начала нѣсколько успокоиваться послѣ событій, коихъ она была поприщемъ и жертвою, то многіе Нѣмецкіе Принцы захотѣли ѣхать во Францію; между ими я долженъ упомянуть о Графѣ Бентинкѣ, котораго очень много видали во время Имперіи. Онъ былъ владѣлецъ Книпгаузенскій и Варельскій; пріѣхавъ ко мнѣ, съ просьбою о паспортѣ для проѣзда въ Парижъ, онъ сказалъ, что путешествіе его не имѣетъ другой цѣли кромѣ того, чтобы представиться Его Величеству Императору и Королю, и засвидѣтельствовать ему свое глубочайшее уваженіе. Графъ Бентинкъ всѣми средствами старался попасть къ Императору въ Адъютанты, но никакъ не могъ успѣть въ томъ. Наполеону надобны были не готовые Принцы, а люди, коихъ лучь его славы могъ бы возвысить на степень Принцевъ.

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, Сводъ Французскихъ Законовъ, надъ которымъ самые свѣдущіе люди съ неутомимою ревностью трудились съ самаго начала Консульства, былъ объявленъ Государственнымъ Уставомъ и обнародованъ подъ именемъ Наполеонова Уложенія.

Конечно этотъ памятникъ законодательства сдѣлаетъ честь Наполеону въ исторiи, но неужели полагаютъ, что одни и тѣже законы могли быть примѣнены повсемѣстно въ такомъ обширномъ Государствѣ, каковымъ сдѣлалась Французская Имперiя? не думаю. Не возможно, чтобы тѣже самые законы были приличны и утонченности Генуезцевъ и доброй искренности обитателей Гамбурга; однакоже, тотчасъ по обнародованiи Наполеонова Уложенiя, я получилъ приказъ ввести его въ Ганзейскихъ городахъ. Продолжительные и частые разговоры, которые я имѣлъ объ этомъ предметѣ съ Сенаторами и съ искуснѣйшими законовѣдцами того края, убѣдили меня въ чрезвычайныхъ затрудненiяхъ, долженствовавшихъ встрѣтиться, и въ опасности вдругъ круто повернуть старинные нравы и обычаи, не измѣненные еще временемъ. Сверхъ того, для исполненiя этого Уложенiя, надобно было учредить много должностей, которыя не существовали. Гражданское управленiе, столь отечественное и столь любимое жителями этихъ городовъ, находилось въ противоположности съ новыми законами. Торговля имѣла совсѣмъ не тѣ обычаи и правила, какъ у насъ. Одно и тоже платье не всякому бываетъ въ пору. Я сдѣлалъ много замѣчанiй; мнѣ не отвѣчали, и дѣло осталось нерѣшеннымъ. Но едва только произошло присоединенiе, какъ сдѣлали попытку ввести это преобразованiе. Такъ какъ

попытка сія не имѣла послѣдствій по причинѣ обстоятельствъ, то я скажу о ней лишь нѣсколько словъ.

Учрежденіе присяжныхъ оказалось довольно удачнымъ; но жители, привыкшіе видѣть назначеніе наказаній, гораздо менѣе строгихъ, чѣмъ предписанныя въ Уложеніи за нѣкоторыя вины и преступленія, отказывались соглашаться на это отягченіе; изъ чего происходило весьма частое и весьма важное злоупотребленіе, что оправдывали такихъ людей, коихъ вина была доказана Присяжнымъ. Они лучше хотѣли объявить ихъ невинными, чѣмъ осудить ихъ къ такому наказанію, которое по ихъ привычкамъ они считали слишкомъ тяжкимъ. Снисходительность ихъ сверхъ того основывалась и на той причинѣ, что граждане, незная еще новыхъ законовъ, не полагали за такое-то преступленіе подвергнуться такому-то наказанію. Я помню, что одинъ человѣкъ, обвиненный въ кражѣ плаща, оправдывался предъ Гамбургскими присяжными тѣмъ, что онъ сдѣлалъ это преступленіе, будучи пьянъ; когда начали отбирать мнѣнія, то Г. фонъ Эйнингенъ, объявилъ его не виновнымъ; потому, сказалъ онъ, что однажды Синдикъ Дорманъ, обѣдая у него и выпивъ нѣсколько болѣе обыкновеннаго, унесъ у него плащъ. Это забавное защищеніе имѣло полный успѣхъ; доводъ, основанный на сходствѣ между обвиненнымъ и Синдикомъ, дѣй-

ствительно долженствовалъ восторжествовать, безъ чего небольшая шалость Синдика, была осуждена въ особѣ другаго человѣка. Говоря безъ шутокъ, это дѣло, столь забавнымъ образомъ оконченное, тѣмъ не менѣе доказываетъ, что лучшія постановленія, заключающія въ себѣ наиболѣе важности, могутъ часто быть обращаемы въ смѣхъ, если ихъ вдругъ ввести въ такія земли, гдѣ нравы не расположены еще къ принятію оныхъ.

Я узналъ уже въ послѣдствіи, сколько надобно было употреблять строгостей въ несчастной Италіи, и какая предстояла опасность повсемѣстныхъ бунтовъ въ странѣ, которой хотѣли предписать Французскій уставъ тамъ, гдѣ царствовали отеческіе законы Беккарія. Въ этихъ законахъ не было смертной казни, а вездѣ гдѣ они находились въ употребленіи, менѣе чѣмъ гдѣ либо происходило убійствъ, и въ день первой смертной казни въ Піаченцѣ, весь городъ вдругъ опустѣлъ; какъ будто бы небесный огнь готовился разразиться надъ несчастными его жителями.

То, что я видѣлъ въ Гамбургѣ, напоминало мнѣ узнанное мною изъ донесеній о возмущеніи Піаченцы; не потому, чтобы добрые Гамбургцы были склонны къ бунтамъ; но, по истинѣ, очень безразсудно было думать, что можно привязать къ себѣ народы, сокрушая всѣ ихъ привычки и всѣ ихъ понятія. Римляне

были гораздо искуснѣе въ своемъ владычествѣ: они всегда имѣли въ Капитоліи запасное мѣсто для боговъ побѣжденнаго ими народа. Римляне желали присовокуплять области и Государства къ Имперіи; Наполеонъ хотѣлъ болѣе; онъ хотѣлъ напротивъ того раздвинуть свою Имперію и осуществить невозможную мысль превращенія въ одинъ народъ десяти народовъ, имѣющихъ разные нравы и нарѣчія. Какъ напримѣръ правосудіе, эта охрана правъ человѣческихъ, могло быть оказываемо въ Ганзейскихъ городахъ, когда изъ нихъ сдѣлали Французскіе Департаменты? Въ эти Департаменты назначили множество судей, неговорившихъ нислова по Нѣмецки и совершенно незнавшихъ правовѣдѣнія. Предсѣдатели судовъ въ Любекѣ, Стадѣ, Бремерле и Минденѣ, такъ мало понимали по Нѣмецки, что имъ надобно было объяснять всѣ обстоятельства дѣлъ. Не нелѣпо ли было вводить такое судопроизводство, а особенно назначать такихъ людей, въ столь важныя для Франціи страны, какъ Гамбургъ и Ганзейскіе города? Прибавьте къ этому легкомысленную наглость нѣкоторыхъ молодыхъ выскочекъ, которыхъ посылали изъ Парижа учиться управленію или судопроизводству въ завоеванныя области, и можно заключить, какова была любовь обитателей оныхъ къ великому Наполеону.

++

ГЛАВА XXIV.

Начало Испанскихъ дѣлъ.—Необращеніе на оныя въ началѣ Наполеономъ вниманія.—Годой и любимцы. — Ненависть Испанцевъ къ Князю Мира.—Взаимныя обвиненія между Королемъ и его сыномъ.—Испанія, предложенная Лудовику.—Лживое обѣщаніе Наполеона.—Всеобщее негодованіе, возбужденное присутствіемъ Французовъ.—Отреченіе Карла IV-го.—Князь Мира подъ стражею.—Мюратъ въ Мадритѣ. —Важное извѣстіе, сообщенное купеческимъ письмомъ. — Агенты правительства, вводимые въ заблужденіе.—Необузданное честолюбіе Мюрата. — Взятіе имъ Годоя подъ свое покровительство.—Отреченіе, приписанное насилію.—Наполеонъ посредникъ между отцемъ и сыномъ.—Разставленныя сѣти.—Испанскій престолъ, назначенный Іосифу. — Всеобщее порицаніе поступка Наполеона.

Въ концѣ 1807 года, начались Испанскія дѣла, которыя въ скоромъ времени такимъ ужаснымъ образомъ запутались. Хотя и удаленный отъ мѣста произшествій, я однакоже узналъ о нихъ тогда и въ послѣдствіи, положительнымъ

образомъ; одинъ Гамбургскій купецъ сообщилъ мнѣ первыя о нихъ извѣстія, которыя вскорѣ официяльно подтвердились, а потомъ я часто имѣлъ случай разговаривать о нихъ съ однимъ человѣкомъ, находившимся при Французскомъ Посольствѣ въ Мадритѣ. Нашимъ Посланникомъ былъ тогда Г. Богарне. Однакоже, такъ какъ эта статья нашей исторіи есть одна изъ наиболѣе и можно сказать наилучше извѣстныхъ, то я исключу изъ моихъ записокъ и воспоминаній многія вещи, которыя были бы только повтореніемъ для всякаго, кто хотя не много читалъ. Довольно важное обстоятельство, которое я могу засвидѣтельствовать, состоитъ въ томъ, что Бонапарте, имѣвшій попеременно виды на всѣ Государства Европы, никогда не занимался Испаніею, пока величіе его основывалось еще на однихъ только предположеніяхъ; во всемъ, что онъ говорилъ мнѣ о своей будущности, о своей судьбѣ, о своихъ намѣреніяхъ, о своей звѣздѣ — рѣчь всегда шла объ Италіи, о Германіи, о Востокѣ и о уничтоженіи Англійскаго могущества; но никогда объ Испаніи; а потому, когда онъ узналъ о первыхъ признакахъ безпорядковъ, то онъ сначала не обратилъ на это большаго вниманія и пропустилъ нѣсколько времени прежде чѣмъ принялъ дѣятельное участіе въ событіяхъ, долженствовавшихъ имѣть столь большое вліяніе на судьбу его.

Въ какомъ положеніи находились дѣла? Годой царствовалъ въ Испаніи подъ именемъ слабаго Карла IV. Этотъ любимецъ сдѣлался предметомъ ненависти всѣхъ, которые не были его тварями, и даже сами приставшіе къ его судьбинѣ, питали къ нему глубочайшее презрѣніе. Ненависть народа почти всегда бываетъ праведною мздою любимцевъ, ибо эта роля почти всегда возвѣщаетъ нѣчто низкое и подлое въ душѣ и въ чувствахъ. Если это можно примѣнить ко всѣмъ любимцамъ вообще, то какія чувства долженствовалъ внушать человѣкъ, который съ вѣдома всей Европы, былъ обязанъ за благоволеніе Короля, благосклонности къ нему Королевы. Годой былъ пагубный человѣкъ, имѣвшій не ограниченное вліяніе на Королевскую фамилію; власть его была самодержавна; сокровища Америки находились въ его распоряженіяхъ, и онъ употреблялъ ихъ на подлые подкупы; наконецъ онъ превратилъ Мадритскій дворъ въ одно изъ тѣхъ мѣстъ, куда негодующая муза Ювенала привела мать Британника. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Годой былъ одною изъ главныхъ причинъ всѣхъ бѣдствій, которыя въ послѣдствіи не переставали удручать Испанію подъ разными видами.

Ненависть Испанцевъ противъ Князя Мира, была всеобщая. Принцъ Астурійскій раздѣлялъ оную и открыто объявилъ себя непріятелемъ

Годоя. Этотъ послѣдній присоединился къ Франціи, отъ которой онъ надѣялся могущественнаго покровительства противъ многочисленныхъ враговъ своихъ; это присоединеніе не понравилось Испаніи и заставило смотрѣть на Францію неблагопріятнымъ окомъ. Принца Астурійскаго поощрили и поддержали жалобы Испанцевъ, желавшихъ погибели Годоя.

Карлъ IV со своей стороны считалъ умысломъ противъ себя все, что дѣлали противъ Князя Мира, и въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1807 года, обвинилъ сына своего въ намѣреніи свергнуть его съ престола.

Г. Богарне, родственникъ перваго мужа Іозефины, былъ человѣкъ весьма осторожный. Какъ тогда положеніе его въ Мадритѣ сдѣлалось щекотливо и затруднительно! отдавая полную справедливость его прекраснымъ общественнымъ качествамъ, я долженъ сознаться, что это положеніе было сверхъ силъ его. Однакоже, не обладая высокимъ умомъ, Г. Богарне былъ одаренъ смѣтливостью, которая показывала ему вещи въ настоящемъ ихъ видѣ и онъ прежде всего увѣдомилъ Правительство о несогласіяхъ, существовавшихъ между Королемъ Испанскимъ и Принцемъ Астурійскимъ. Онъ дѣйствительно не могъ не увѣдомить свой Дворъ обо всемъ чего онъ былъ свидѣтелемъ; нѣсколько разъ онъ старался войти въ посредничество всею властью,

которую давало ему его положенiе, прежде чѣмъ донесъ объ этомъ Императору; но наконецъ дѣла дошли до того, что дальнѣйшее его молчанiе было бы важною ошибкою. Можно ли было скрыть отъ Императора, что въ порывѣ раздраженiя своего противъ сына, Карлъ IV громогласно изъявилъ желанiе объ отмѣнѣ закона, призывавшаго Принца Астурiйскаго къ наслѣдiю Испанскимъ престоломъ? Карлъ IV не ограничился одними жалобами и словеснымъ изъявленiемъ своего гнѣва:—онъ сталъ дѣйствовать или лучше сказать, Князь Мира сталъ дѣйствовать отъ его имени, и ревностнѣйшiе приверженцы Принца Астурiйскаго были взяты подъ стражу. Этотъ послѣднiй, совершенно узнавъ о чувствахъ отца своего, писалъ къ Наполеону, прося у него пособiя. Тогда увидѣли отца и сына, въ явной враждѣ, просящихъ одинъ противъ другаго помощи у того, кототый желалъ только отдѣлаться отъ обоихъ для того, чтобы посадить на ихъ мѣсто своего брата, и имѣть еще одного родственника въ числѣ Государей Европы; но какъ уже сказано, это новое честолюбiе не было прежде у него въ мысляхъ, и если какъ ниже увидятъ, онъ отдалъ Испанскiй престолъ брату своему Iосифу, то это было въ слѣдствiе отказа брата его Лудовика, бывшаго уже Королемъ Голландскимъ. Я читалъ письмо Наполеона къ Лудовику по это-

му случаю; я даже сохранилъ съ онаго копію, но здѣсь не мѣсто приводить ее.

Какъ бы то ни было, а Императоръ обѣщалъ Карлу IV поддержать его противъ сына; не желая унижать себя вмѣшиваясь въ эти гадкія семейныя дѣла, онъ не отвѣчалъ на первыя письма Принца Астурійскаго. Но видя, что Мадритскія козни становятся важными, онъ началъ тѣмъ, что послалъ въ Испанію свои войска. Это поразило Испанцевъ. И точно Испанскій народъ не имѣлъ никакого спорнаго дѣла съ Франціею. Испанцы не были соучастниками мерзостей Годоя и несогласій Короля съ его сыномъ. Въ областяхъ, чрезъ которыя проходили Французскія войска, спрашивали другъ друга за чѣмъ дѣлается это нашествіе; смотря потому, кто какой держался партіи, одни приписывали его Князю Мира, другіе Принцу Астурійскому; но всѣ негодовали на оное и мятежъ вспыхнулъ въ Мадритѣ съ пылкостью, свойственною Испанскому характеру.

Въ этихъ ужасныхъ обстоятельствахъ, угрожавшихъ еще бо́льшею бѣдою въ будущемъ, Годой предложилъ Карлу IV отвезти его въ Севилу, откуда ему будетъ удобнѣе принять строгія мѣры противъ бунтовщиковъ. Предложеніе Годоя его Государю было менѣе совѣтомъ, чѣмъ приказаніемъ. И такъ Карлъ IV рѣшился ѣхать; но съ этой минуты, народъ счелъ Годоя

измѣнникомъ. Народъ взбунтовался, ворвался во дворецъ и едва не умертвилъ Князя Мира, скрывшагося на чердакъ. Одно только имя Принца Астурійскаго, въ пользу его приведенное, спасло его отъ вѣрной смерти.

Однакоже Карлъ IV не сохранилъ своего престола; зная, какъ легко его устрашить, воспользовались минутою ужаса для того, чтобы потребовать у него отреченія, въ которомъ отказать онъ не имѣлъ ни мужества, ни силы. Онъ уступилъ права свои сыну, и съ этой поры исчезло наглое могущество Князя Мира; его посадили подъ стражу, и народъ Испанскій, легко возмущающійся подобно всѣмъ невѣжествующимъ народамъ, изъявилъ свою радость свирѣпымъ восторгомъ. Въ продолженіе сего времени, несчастный Король, спасшійся чрезъ свою слабость отъ насильствъ и опасностей, болѣе мнимыхъ, чѣмъ существенныхъ и довольный тѣмъ, что пріобрѣлъ право жить въ замѣну своей короны, перемѣнилъ мысли, какъ только увидѣлъ себя въ безопасности. Охота царствовать къ нему возвратилась, и онъ написалъ къ Императору протестуя противъ своего отреченія. Онъ дѣлалъ его судьею и предоставлялъ ему рѣшеніе будущей судьбы своей.

Въ продолженіе этихъ внутреннихъ раздоровъ, Французская армія подвигалась къ Пиренеямъ, вскорѣ перешла чрезъ эти горы, и Мю-

ратъ вступилъ въ Мадритъ въ началѣ Апрѣля 1808 года. Очень чувствую, что я излагаю здѣсь происшествія, случившіеся послѣ разныхъ вещей, къ которымъ я долженъ буду возвратиться; но читатель конечно уже привыкъ къ такимъ моимъ переходамъ, а потому я продолжаю разсказывать здѣсь то, что мнѣ извѣстно о предварительныхъ дѣйствіяхъ предъ Испанскою войною. Я узналъ напримѣръ, не получивъ еще въ Гамбургѣ никакой депеши отъ Правительства, что присутствіе Мюрата въ Мадритѣ не только не произвело благопріятнаго дѣйствія, но напротивъ того еще болѣе увеличило безпорядки. Это извѣстіе было мнѣ сообщено однимъ Любекскимъ купцемъ, который изъ угожденія ко мнѣ, нарочно пріѣхалъ въ Гамбургъ для того, чтобы показать мнѣ письмо, полученное имъ отъ его корреспондента изъ Мадрита. Я уже выше говорилъ, что купеческіе дома Ганзейскихъ городовъ, всегда прежде всѣхъ получали важныя извѣстія, могу прибавить, что первина этихъ извѣстій, не составляла еще единственнаго ихъ достоинства; они были точнѣе самихъ офиціяльныхъ извѣстій и я не одинъ разъ имѣлъ случай удостовѣриться, что Французское Правительство не совѣстилось вводить въ заблужденіе своихъ собственныхъ агентовъ. Фуше именно отличался этимъ въ своей перепискѣ. Что же касается до письма,

мною упомянутаго, то испанія была представлена въ немъ добычею, которую Мюратъ хотѣлъ захватить для себя, и все, узнанное мною въ послѣдствіи, доказало мнѣ основательность показаній, написавшаго оное. Дѣйствительно правда, что Мюратъ не думалъ завоевывать Испанію ни для кого другаго, кромѣ какъ для себя, и неудивительно что Мадритскіе жители узнали о его замыслахъ, ибо онъ былъ такъ нескроменъ, что громогласно объявлялъ желаніе свое сдѣлаться Королемъ Испаніи. Императоръ, узнавъ объ этомъ, очень ясно далъ ему уразумѣть, что тронъ Испаніи и Индіи не ему назначается, но что онъ объ немъ подумаетъ. И такъ Мюратъ, Великій Герцогъ Бергскій, Клевскій и Жюліерскій, былъ недоволенъ! Право, когда я нынче хладнокровно подумаю объ этой горячкѣ честолюбія, которой сѣмя возродилось въ самомъ Наполеонѣ, и которою онъ заразилъ своихъ сподвижниковъ, то я теряюсь въ моихъ воспоминаніяхъ!

Какъ бы то ни было, а сдѣланныя Наполеономъ замѣчанія, не имѣли довольно дѣйствительности, дабы удержать Мюрата въ его безразсудномъ поведеніи, и если чрезъ свою наглость онъ не пріобрѣлъ Испанской короны, то онъ сильно содѣйствовалъ къ потерѣ оной Карломъ IV-мъ. Монархъ сей, привязанный къ старой привычкѣ къ Князю Мира, ходатайство-

валъ у Императора о возвращеніи свободы его любимцу, и потомокъ Лудовика XIV, преемникъ Карла Анжуйскаго, рѣшился испрашивать какъ милости дозволенія отправиться жить со своимъ семействомъ въ безопасное мѣсто, лишь бы только Годой былъ съ нимъ. Злополучный Карлъ IV достигъ до той точки, когда отвращеніе къ величію становится неограниченнымъ, какъ будто бы существовало отрицательное честолюбіе, которое столь же трудно удовлетворить какъ и обыкновенное честолюбіе.

Король и Королева убѣдительнѣйшимъ образомъ просили Мюрата объ освобожденіи Годоя; Мюратъ, коего тщеславіе было пріятнымъ образомъ польщено Королевскими просьбами, взялъ Князя Мира подъ свое покровительство; но въ тоже время объявилъ, что не смотря на отреченіе Карла IV, онъ не признаетъ никого кромѣ его Королемъ Испаніи, до тѣхъ поръ, пока не получитъ отъ Императора противныя сему приказанія. Это объявленіе поставило Мюрата въ явное противорѣчіе съ Испанскимъ народомъ, который смертельно ненавидѣлъ Князя Мира, и въ слѣдствіе этого чувства, принималъ сторону наслѣдства короны, въ пользу коего Карлъ IV отрекся отъ престола.

Говорятъ, будто бы Наполеонъ находился въ затруднительномъ положеніи посреди этой борьбы отца съ сыномъ. Это несправедливо: Ко-

роль Карлъ, хотя онъ и говорилъ послѣ своего отреченія, что оно исторгнуто у него насиліемъ и угрозами, тѣмъ не менѣе сдѣлалъ оное, и Наполеонъ могъ основываться на этомъ первомъ актѣ.

По этому акту, Фердинандъ дѣйствительно былъ Королемъ; но Карлъ IV говоритъ, что это сдѣлалось противъ его воли и отрекался; надобно было утвержденіе Императора: онъ былъ властенъ дать его и отказать въ немъ. Ему оставалось только завладѣть обоими Королями, сказать имъ, что ни одинъ изъ нихъ не будетъ царствовать и прислать въ Мадритъ того, кого ему будетъ угодно посадить на престолъ. Этого-то онъ и добивался. Аранжуецскій бунтъ былъ всѣми одобренъ, и еслибъ принять послѣдствія онаго, то Іосифу пришлось бы проститься съ Испаніею.

При такомъ положеніи вещей, Наполеонъ прибылъ въ Байону. Фердинанда уговорили пріѣхать туда же для того, чтобы вмѣстѣ съ Императоромъ распорядиться на счетъ несогласій, существовавшихъ у него съ отцемъ. Онъ нѣсколько времени на это не рѣшался; но наконецъ обманутые друзья преклонили его, и онъ отправился въ Байону. По пріѣздѣ въ Витарію онъ одумался, началъ недовѣрять намѣреніямъ Императора и возъимѣлъ подозрѣніе что ему разставляютъ какія нибудь сѣти. При-

томъ же Г. Урквижо увѣрилъ юнаго Короля, что Императоръ хочетъ захватить его особу и возложить Испанскую корону на главу одного изъ членовъ своей фамиліи. Тогда Фердинандъ увидѣлъ сдѣланную имъ ошибку. Онъ уже находился почти посреди Французскихъ войскъ; воля его не была уже свободна; онъ поколебался и хотѣлъ остаться въ Витторіи, устрашаемый мыслію, что по прибытіи его въ Байону, ему уже нельзя будетъ оттуда выѣхать. Всѣ друзья его и многія особы, пріѣхавшія для свиданія съ нимъ въ Витторію, совѣтовали ему тамъ остаться. Надобно было послать въ Байонну за новыми приказаніями и совѣтами Императора.

Тотъ, которому было дано это порученіе, возвратился въ Витторію. Онъ вручилъ Фердинанду отъ Наполеона письмо, наполненное самыми вѣроломными увѣреніями, самыми хитрыми обѣщаніями и въ которомъ Наполеонъ намекалъ, что Испанскій престолъ будетъ принадлежать Карлу или Фердинанду, смотря по убѣжденію его въ истинѣ того, что говорилъ ему Фердинандъ или въ насиліи, на которое ссылался Карлъ IV. Непостижимо, какимъ образомъ разсудительный человѣкъ могъ вдаться въ такія сѣти. Къ письму Наполеона, посланный присовокупилъ словесно самыя положительныя увѣренія въ томъ, что Испанская ко-

рона будетъ возложена на главу Фердинанда и что къ этому сдѣланы уже въ Байонѣ всѣ распоряженiя. Извѣстно, какимъ образомъ онъ сдѣлался жертвою вѣроломства и какъ поступлено съ отцемъ его Карломъ IV-мъ, который прiѣхалъ въ Байону послѣ него, со своимъ неразлучнымъ Годоемъ. Онъ прибылъ съ тѣмъ, чтобы взять назадъ свое отреченiе и въ Байонѣ увидѣли Карла, сошеднаго съ престола по своей волѣ, отъ которой онъ отпирался; сына его, Короля по праву наслѣдiя, и Наполеона, посредника между ими обоими, отдающаго для соглашенiя ихъ престолъ Iосифа. Это очень походило бы на басню о двухъ тяжущихся, еслибъ эти два Принца имѣли только каждый по раковинѣ. Бунтъ 2 Маiя въ Мадритѣ, ускорилъ жребiй Фердинанда, котораго въ немъ обвиняли; по крайней мѣрѣ подозрѣнiе падало на друзей его и приверженцевъ.

Карлъ IV, какъ было сказано, не захотѣлъ возвратиться въ Испанiю и испросилъ себѣ убѣжище во Францiи. Онъ подписалъ отреченiе отъ правъ своихъ на Испанiю; это отреченiе было подписано и Инфантами.

Наслѣдный Принцъ Шведскiй, находившiйся тогда въ Гамбургѣ и Министры всѣхъ Державъ, громогласно порицали поступокъ Наполеона съ Испанiею. Не могу увѣрительно сказать, чтобы Г. Талейранъ старался отклонить это

низверженіе отрасли Бурбонскаго дома; здравый умъ его и возвышенные его виды заставляютъ это думать; но могу сказать, согласно съ общимъ мнѣніемъ, что еслибъ онъ оставался Министромъ Иностранныхъ дѣлъ, то эта Революція кончилась бы съ большимъ приличіемъ, съ большею правотою и болѣе благородными средствами, чѣмъ траги-комедія, сыгранная въ Мадритѣ и въ Байонѣ.

Вотъ что я узналъ положительнаго объ Испанскихъ дѣлахъ, начиная съ первыхъ признаковъ несогласія, возникшаго между отцемъ и сыномъ, относительно Князя Мира, до той минуты, пока Императоръ вздумалъ повысить Іосифа, переведя его съ Неаполитанскаго на Испанскій престолъ, на которомъ онъ никогда не могъ твердо усидѣть. Я буду имѣть случай говорить объ этомъ во многихъ обстоятельствахъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

LAZIO · REGIONE · ASSESSORATO CULTURA
SOPRINTENDENZA AI BENI LIBRARI
1234445
RL028707

ДОКЛАДЪ

МИНИСТРА ВНѢШНИХЪ СНОШЕНІЙ О ВЗАИМНОМЪ ПОВЕДЕНІИ ФРАНЦІИ И АВСТРІИ СО ВРЕМЕНИ ЛЮНЕВИЛЬСКАГО МИРА (*).

Вся Европа знаетъ, что въ войнѣ, даже посреди успѣховъ самыхъ отличныхъ, и самыхъ рѣшительныхъ, Императоръ Французовъ не переставалъ желать мира; что онъ часто предлагалъ его своимъ непріятелемъ; что принудивъ ихъ принять оный какъ благодѣяніе, онъ даровалъ имъ его на такихъ условіяхъ, которыхъ бы они не смѣли надѣяться и которыя сдѣлали его умѣренность не менѣе блистательною, какъ и его побѣды. Онъ чувствуетъ всю цѣну славы, пріобрѣтенной въ войнѣ, столь справедливой и столь необходимой; но есть слава, болѣе пріятная и болѣе драгоцѣнная его сердцу: первымъ его желаніемъ, всегдашнею цѣлью его усилій, были всегда спокойствіе Европы, миръ и благоденствіе народовъ.

Австрія, испытавъ дважды, при развязкѣ двухъ несчастныхъ войнъ, въ эпоху трактатовъ Кампо-Формійскаго и Люневильскаго, до какой степени Франція любитъ показываться великодушною предъ побѣжденнымъ непріятелемъ,—не исполнила въ точности подобно Франціи, своихъ договоровъ. Не смотря на формальныя условія; долгъ Венеціи не былъ уплаченъ; его даже объявили уничтоженнымъ. Императоръ зналъ, что его Миланскимъ и Мантуйскимъ подданнымъ отказывали въ правосудіи и что Вѣнскій Дворъ никому изъ нихъ не платилъ не взирая на самыя торжественныя его обязательства.

[*] Докладъ сей чрезвычайно длиненъ, а потому мы исключили изъ него все что не относится непосредственно къ вещамъ о коихъ упомянуто въ текстѣ сихъ Записокъ.

При раздѣлѣ вознагражденій въ Германіи, Австріи была оказана такая благосклонность, которая долженствовала удовлетворить ея желаніямъ и даже превзойти ея надежды. Однакоже поступки ея показывали, что самолюбіе ея не удовольствовалось.

Средствомъ къ распространенію, она не убоялась употребить самыхъ очевидныхъ хищеній, стараясь прикрыть оныя законными формами. Такимъ-то образомъ она присвоила себѣ помѣстья, подъ предлогомъ неимѣнія законныхъ наслѣдниковъ, хотя именно было постановлено причислить оныя къ раздѣлу возмездій.

Постановленіе Имперіи, слѣдствіе и дополненіе Люневильскаго трактата имѣло цѣлью, независимо отъ распредѣленія возмездій, учредить для сего самаго распредѣленія на югѣ Германіи, равновѣсіе, которое обезпечило бы независимость оной и предупредило бы предварительныя причины раздоровъ и войны, которыя могли бы часто возраждаться отъ непосредственной смежности земель Франціи и Австріи.

И такъ Австрія ниспровергла то, что столь мудро было постановлено, когда своими пріобрѣтеніями въ Швабіи, она ослабляла границу, долженствовавшую отдѣлять ее отъ Франціи, когда она старалась войти въ посредничество между Франціею и главными Державами Южной Германіи, и когда чрезъ секвестры, притязанія, ласки и угрозы она усильно добивалась исключительнаго вліянія на эту часть Германской Имперіи. И такъ она очевидно нарушала все договоры. . . . .

Со времени разрыва Аміенскаго мира, Австрія неоднократно показывала пристрастіе въ пользу Англіи.

Всѣ эти дѣла были извѣстны Императору: многія потребовали его попеченій. Они моглибы сдѣлаться справедливыми причинами къ войнѣ; но по любви своей къ миру, Императоръ воздержался отъ всякихъ жалобъ, и Вѣнскій Дворъ увидѣлъ отъ него только новые знаки уваженія.

Австрія отвѣтствовала столь же дружескими, миролюбивыми обнадеживаніями и Императоръ оставилъ Италію съ пріятною увѣренностью, что миръ твердой земли сохранится.

Каково же было его удивленіе, когда по возвращеніи своемъ во Францію, находясь въ Булони, спѣша пріуготовленіями къ экспедиціи, которую онъ наконецъ готовился привести въ испол-

ненiе,—онъ получилъ со всѣхъ сторонъ извѣстiя, что всеобщее движенiе произошло во всѣхъ силахъ Австрiйской Монархiи, что онѣ идутъ ускоренными маршами къ Адижу, въ Тироль, къ берегамъ Инна, и что устроиваются магазины.

Сначала Императоръ никакъ не могъ повѣрить, чтобы Австрiя въ самомъ дѣлѣ хотѣла войны. . . . .

Имѣвъ два раза власть лишить Австрiйскiй Домъ навсегда его наслѣдственныхъ владѣнiй, онъ не только не уменьшилъ его могущества, но еще увеличилъ оное: если онъ не могъ надѣяться на его признательность, то покрайней мѣрѣ полагался на его правоту.

Императоръ за удовольствiе считалъ питать эти благопрiятныя предположенiя. Австрiйскiй Дворъ не пощадилъ ничего для того, чтобы продолжить ослѣпленiе; онъ умножилъ миролюбивыя объявленiя; старался правдоподобными объясненiями или явными отрицанiями разсѣять подозрѣнiя, которыя могли быть возбуждены этими мѣрами.

Однакоже вскорѣ сдѣлалось труднѣе оправдывать враждебныя прiуготовленiя, коихъ дѣятельность и объемъ, съ каждымъ днемъ возрастали. Четыре дня съ ряду Г. Кобенцель, по приглашенiю Императора ѣздилъ къ Министру Внѣшнихъ Сношенiй, который сообщалъ ему для прочтенiя депеши, прежде полученныя и вновь получаемыя изо всѣхъ мѣстъ Германiи и Италiи. Императоръ не могъ дать болѣе убѣдительнаго доказательства своей искренности. Вѣнскiй Посланникъ видѣлъ самыя положительныя донесенiя, отовсюду возвѣщавшiя скорое возгорѣнiе войны, безпрестанно прiуготовляемой и столь тщательно скрываемой. . . . .

Не смотря на сiе Императоръ не хотѣлъ еще оставить всю надежду къ сближенiю. Онъ представлялъ себѣ, что Австрiя могла быть увлекаема чуждыми внушенiями; онъ представилъ ей, что если она не желаетъ войны, то всѣ ея прiуготовленiя были дѣлаемы безъ цѣли: ибо всѣ ея сосѣди находились въ мирѣ; что чрезъ сiе она, сама того не вѣдая, услуживала Англiи, дѣлая въ ея пользу диверсiю не менѣе могущественную и болѣе вредную для Францiи, чѣмъ моглабъ быть открытая война. . . . .

Поведенiе Вѣнскаго Двора съ каждымъ днемъ ослабляло на-

дежду. Не только не прекращая своихъ пріуготовленій; онъ ихъ увеличивалъ. Онъ устрашалъ своими вооруженіями народы Баваріи и Швабіи; онъ заставилъ обитателей Гельвеціи опасаться похищенія у нихъ спокойствія, дарованнаго имъ актомъ посредничества. Всѣ призывали Францію, какъ свою подпору, какъ охранительницу правъ своихъ.

Однакожъ Австрія все еще притворялась, и въ залогъ своихъ мирролюбивыхъ намѣреній, предлагала родъ посредничества, коего трудно обозначить свойства, но которое, разсматривая видимый предметъ онаго, могло быть сочтено пустымъ и ничтожнымъ. Императоръ Россійскій потребовалъ паспортовъ для одного изъ своихъ Камергеровъ, котораго онъ намѣревался послать въ Парижъ. Императору неизвѣстно было, какіе виды имѣлъ присемъ Петербургскій кабинетъ; но всегда готовый дѣлать все, могшее привести къ сближенію, онъ далъ паспорты немедленно и безъ объясненій. Намѣреніе Россійскаго Двора состояло въ томъ, чтобы употребить въ Парижѣ посредство, по коему она въ тоже время договаривалась и для себя и для Англіи, по уполномочію сей послѣдней. . . .

Наконецъ Австрія, въ поздомъ отвѣтѣ объявила на словахъ то, что она возвѣщала своими пріуготовленіями; она начала оправдывать Англію и объявивъ, что открываетъ свои владѣнія двумъ Русскимъ арміямъ, явно призналась въ соглашеніи, въ которое она вступила съ Россіею въ пользу Англіи.

Этотъ отвѣтъ Вѣнскаго Двора, долженствовалъ естественнымъ образомъ возбудить негодованіе Императора; но усматривая еще сквозь эти оскорбленія и угрозы нѣкоторыя мысли, дозволявшія, какъ казалось, надѣяться возможности соглашенія, Императоръ принудилъ врожденную свою гордость уступить отношеніямъ, все могущимъ надъ его сердцемъ. . . .

Онъ рѣшился еще ждать отъ Вѣнскаго Двора объясненія касательно основаній, на которыхъ можно будетъ договариваться. Онъ приказалъ Министру Внѣшнихъ Сношеній приготовить по сему предмету депешу: курьеръ, долженствовавшій отвезти оную, собрался уже въ путь, какъ въ самую эту минуту, Императоръ узналъ о вторженіи въ Баварію. . . .

Послѣ такого поступка Вѣнскаго Двора, Императоръ не могъ уже ничего болѣе у него просить. Очевидно стало, что самый

Конгрессъ, столь повелительно предложенный, былъ только новою сѣтью, разставленною его правдолюбію. Перемѣна курса во всѣхъ мѣстахъ очевидно доказывала, что часть суммъ, предоставленныхъ Англійскому Министру для употребленія по его видамъ на Твердой Землѣ, достигла своего назначенія.

Поелику всякое объясненіе съ Вѣнскимъ Дворомъ сдѣлалось чрезъ сіе невозможнымъ, то одинъ только путь оружія остается совмѣстнымъ съ честью.

Пусть Англія радуется тому, что она нашла себѣ союзниковъ; и потому, что кровь прольется на Твердой Землѣ; пусть она ласкаетъ себя тѣмъ, что ея кровь будетъ сохранена; пусть она надѣется обрѣсти свою безопасность въ раздорахъ прочихъ Державъ;—радость ея будетъ кратковременна; надежды ея будутъ тщетны и не далекъ уже день, когда права народовъ наконецъ отомстятся.

Императоръ, принужденный отразить несправедливое нападеніе, которое онъ тщательно старался предупредить, долженъ отмѣнить исполненіе своихъ первыхъ намѣреній. Онъ отозвалъ съ береговъ Океана свои старыя войска, столько разъ побѣждавшія и принимаетъ надъ ними начальство. Онъ не положитъ оружія до тѣхъ поръ, пока не получитъ полнаго, совершеннаго удовлетворенія и не утвердитъ безопасности, какъ своихъ собственныхъ владѣній, такъ и земель своихъ союзниковъ.

КОНЕЦЪ СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

Стр.

ГЛАВА I.

Первое время пребыванія моего въ Гамбургѣ. — Уничтоженіе Республиканскаго словаря. — Вооруженія Австріи.—Сообщеніе Дипломатической ноты —Жалобы Наполеона противъ Императора Австрійскаго.—Бонапарте выхваляетъ самъ свое поведеніе. — Императоръ въ Сенатѣ.—Проэктъ учрежденія Національной Гвардіи.—Наполеонъ въ Страсбургѣ.—Отзывъ его о Макѣ.—Воззваніе Императора.—Желаніе Наполеона выставлять себя всегда атакованнымъ.— Рекогносцировка подъ стѣнами Вѣны.—Планъ кампаніи.—Притворный гнѣвъ и внутреннее удовольствіе Императора. —Капитанъ Бернаръ въ Иллиріи. — Продолжительное забвеніе.—Нужда узнать Рагузу. — Полковникъ Бернаръ, Адъютантъ Наполеона.—Быстрое и заслуженное повышеніе. — Первый Нижеперъ и глупость Кларка. 1

ГЛАВА II.

Каждый день по побѣдѣ.—Быстрота Наполеонова похода.—Мюратъ въ Вертингенѣ.—Завоеваніе Неева Герцогства. — Французская армія предъ Ульмомъ.—Извлеченіе изъ моей переписки. — Порученіе Генерала Сегюра. — Ненастная погода. — Генералъ Сегюръ у Мака.—Странное упорство Мака, и заблужденіе его на счетъ движенія Русскихъ. — Образъ положенія Ульма.—Жалобы Мака, на Нея.—Отчаяніе и твердость Мака.—Восемь дней или смерть.—Князь Лихтенштейнъ въ главной квартирѣ Императора. — Отвергнутое предложеніе и надменность Наполеона.—

Стр.

—Смерть Полковника Морланда. — Раппъ подъ Аустерлицемъ и Келлерманъ при Маренго. — Раненый Раппъ и картина Жерарда. 51

ГЛАВА V.

Конецъ враждебныхъ дѣйствій съ Австріею.—Пріѣздъ къ Императору Князя Лихтенштейна.— Свиданіе двухъ Императоровъ.—Порученія Савари къ Императорамъ Франциску II и Александру. — Пресбургскій трактатъ.—Король Италіи не связанъ обѣщаніями Императора Французовъ. — Баварія и Виртембергъ, возведенные въ Королевства.— Г. Гаувицъ въ Шёнбруннѣ.—Надменность и суровость Наполеона. — Договоръ, заключенный Г-мъ Гаувицемъ безъ уполномочія.—Второй договоръ Пруссіи, заключенный въ Берлинѣ съ Англичанами. — Затруднительное положеніе Короля Прусскаго и неудовольствіе на Г. Гаувица. —Отказъ Александра въ Императорскомъ титулѣ Наполеону.—Власть Наполеона надъ самимъ собою. —Поѣздка Раппа послѣ Аустерлица.—Бракъ Евгенія. 66

ГЛАВА VI.

Вѣнскій походъ.—Упадокъ курса банковыхъ билетовъ.— Неблагоразумныя выдачи денегъ Казначействомъ.—Г. Увраръ.—Шестьдесятъ миліоновъ до 18 Брюмера.— Невѣроятная скромность Г. Уврара и нетерпѣніе Наполеона.—Воспоминанія о Консульствѣ.—Мнѣніе Бонапарте о богатыхъ людяхъ.—Ненависть его противъ подрядчиковъ и поставщиковъ. — Деньги, данныя въ заемъ Г-жѣ Бонапарте. — Бертье и Г-жа Висконти. —Договоръ между Королемъ и частнымъ лицемъ.— Любопытныя подробности, сообщенныя мнѣ Г-мъ Увраромъ въ Гамбургѣ.—Гг. Барбе-Марбуа, Депре и Вандербергъ.—Поѣздки Г. Уврара. — Возвращеніе Наполеона въ Парижъ.—Суровое отрѣшеніе Г. Бар-

Стр

бе-Марбуа.—Восемдесятъ семь миліоновъ, требуемые Наполеономъ.—Неудача большаго дѣла. 82

. . . . . .

ГЛАВА VII.

Декларація Лудовика XVIII. — Пересылка оной чрезъ почту.—Требованіе Фуше о доставленіи ему конвертовъ.—Отвѣтъ мой Министру Полиціи.—Надзоръ за Дюмурье.—Гнусная сатира. — Типографія Фошъ-Бореля.—Бернаръ.—Два достопримѣчательныя мошенника.—Доносъ соучастника.— Война на кладбищѣ.— Лесемиль.—Бумаги, необычайнымъ образомъ спрятанныя.—Мошенникъ, шпіонъ, поддѣльщикъ и убійца, отправленъ въ Парижъ.—Искусный шпіонъ.—Замѣчательная черта мужества и присутствія духа шпіона. — Шефпё —Приказъ Фуше о наблюденіи за Г. де ла Ферроннe и о взятіи его подъ стражу.—Г. де ла Ферронне въ Гамбургскомъ театрѣ.—Предостереженіе, во время сдѣланное. 106

ГЛАВА VIII.

Необходимость бдительнаго надзора въ Гамбургѣ. — Сосѣдство Короля Шведскаго.—Донъ-Кихотъ Вестфальскаго трактата.—Гнѣвъ Короля Шведскаго и бюлетени его *большой арміи* — Докторъ Галлъ.—Пруссія желаетъ получить Гамбургъ. — Англо-Россіяне и замыслы на Голландію.—Частая посылка курьеровъ. —Непріязненное расположеніе Россіи къ Франціи.— Донесеніе мое Г-ну Талейрану. — Гг. Форшманъ и Алонеусъ.— Попытки къ возстановленію мира.—Неизбѣжность войны. — Неблагопріятственное расположеніе къ Французамъ.—Г. Фоксъ, правящій Британскимъ кабинетомъ —Убійца, обнаруженный Наполеону Г-мъ Фоксомъ.—Порученіе, данное Лорду Ярмуту.—Оцѣнка предложеній Наполеона.—Возрастающее его честолюбіе.— Порученныя мнѣ переговоры безъ

Стр.

надежды успѣха.—Покровительство Наполеона, предложенное Ганзейскимъ городамъ.—Требованіе шести миліоновъ.—Вѣжливый отказъ.—Размышленія о Ганзейскихъ городахъ.—Гамбургъ и Эльба.—Честность Гамбургцевъ. 118

ГЛАВА IX.

Пожалованіе новыхъ Принцевъ.— Благосостояніе Императорской фамиліи.—Ни миръ, ни война.—Себастіани въ Константинополѣ и успѣхъ его порученія.—Лордъ Лаудердаль въ Парижѣ.—Г. де Шампаньи и Кларкъ въ Лондонѣ.—Вознагражденіе за Пресбургскій трактатъ.—Вексель въ семь миліоновъ. — Прекращеніе пансіоновъ эмигрантамъ. — Козни Дюмурье.—Нерѣшимость Принца Мекленбургъ — Шверинскаго.—Графъ Паоли, Питтъ и Фоксъ.—Луазо.— Умыселъ убійства, отвергнутый Графомъ Жимелемъ.—Задержаніе Луазо.—Отсылка его въ Парижъ. — Приказъ о строгомъ наблюденіи за Мартелли. — Я беру его къ себѣ въ агенты. — Аббатъ Лажарръ.— Услуги и искуство Мартелли. 132

ГЛАВА X.

Угрозы Пруссіи.— Несовмѣстность предложенныхъ условій.—Статья о возвращеніи Ганновра Англіи.—Воинственный духъ Пруссіи. — Разрывъ переговоровъ съ Англіею.—Первый Полководецъ новѣйшихъ временъ. —Г. Якоби въ Гамбургѣ. — Полученный имъ приказъ отправиться въ Лондонъ—Начало враждебныхъ дѣйствій между Франціею и Пруссіею. — Вѣсть о великой побѣдѣ, полученная въ Гамбургѣ.—Ауерштетская битва.—Прибытіе Герцога Брауншвейскаго въ Гамбургъ. — Герцогиня Брауншвейская.—Огорченіе эмигрантовъ. — Бернадотъ въ Гамбургѣ. — Даву и Бернадотъ.—Росбахская колонна. — Шведы въ Лю-

Стр.

бекѣ.— Маіоръ Амель.—Изъявленіе мнѣ признательности Гамбургскимъ Сенатомъ. 143

ГЛАВА XI.

Нужда въ покровительствѣ и пожертвованія Гамбурга.— Послѣдствія, извѣстныя прежде причинъ.—Затруднительность моего положенія.—Свѣдѣнія, сообщенныя мною Правительству. — Услуги, оказанныя Англійскому Министру.—Наименованіе меня Министромъ Короля Неаполитанскаго.—Подчиненіе почтъ Французскому управленію. — Благоволеніе за то Наполеона.—Попытка Барона Грота у Ганзейскихъ городовъ.—Тщетный замыселъ Сѣвернаго Союза.—Девизъ Ганзейскихъ городовъ. — Доброта ихъ Правительства.—Объявленіе въ Монитёрѣ.—Маршалъ Мортье.— Занятіе Гамбурга именемъ Императора.—Берлинскій указъ. — Военное управленіе Гамбургомъ.—Поправленная ошибка на счетъ Маршала Брюна. — Генералъ Мишо и Бернадотъ. — Строгости, смягченныя Княземъ Понте-Корво. 155

ГЛАВА XII.

Генералъ Перронъ и Г. Бургіанъ.—Дѣти Г. Перрона и золотыя ожерелья.—Взаимная ненависть и богатство Гг. Перрона и Бургіана. — Участіе, принимаемое мною въ эмигрантахъ.—Исключеніе изъ числа оныхъ Г-на Буало.—Признаки войны съ Россіею.— Указъ Императора Александра. — Порученіе Дюроку въ Веймарѣ.—Восторгъ Прусаковъ. — Неудача Дюрока и двуличность Наполеона. — Побѣда, одержанная Французскою армією.— Сдача Князя Гогенлоэ.—Любопытныя письма Мюрата.—Генералъ Моро и Фошъ-Борель. — Подати нашихъ Генераловъ.—Взятіе Любека.—Ложныя слухи о Моро.— Разбитіе Блюхера. —Изъясненіе сказки на счетъ Моро. 169

Стр.

ГЛАВА XIII.

Великодушный поступокъ Наполеона. — Обычай его съ почтовыми конторами.—Письмо Князя Гатцфельда къ Королю Прусскому, перехваченное въ Берлинѣ.— Военный судъ.—Княгиня Гатцфельдъ, представленная Императору Дюрокомъ.—Письмо Бонапарте къ Іозефинѣ. — Помилованіе, дарованное Императоромъ — Письма Бернадота.—Блюхеръ въ плѣну.—Характеръ этого страннаго человѣка. — Склонность его къ удовольствіямъ. — Увѣренность Блюхера въ будущей судьбѣ Германіи — Предвидѣніе того, что случилось. —Желаніе мира и сходство мнѣній. — Принцъ Павелъ Виртембергскій въ плѣну. — Стеченіе знатныхъ эмигрантовъ въ Альтонѣ.— Продолженіе пребыванія Императора въ Берлинѣ. — Депутація Сената и дурной пріемъ оной.— Германскіе Принцы, удалившіеся въ Альтону.—Фошъ Боренъ выгнанной отъ Г. Жимеля.—Смерть сего послѣдняго. 182

ГЛАВА XIV.

Ненависть къ притѣснительному самовластію и польза правосудія —Вознагражденіе Г. Граеппеля за причиненный ему ущербъ.—Опасенія города Гамбурга.— Французы въ Бергдорфѣ. — Письмо Бернадота.—Невѣроятныя притѣсненія въ Пруссіи. — Поддѣльныя надписи на векселяхъ. — Воспоминаніе о Кларкѣ въ Берлинѣ.—Лихоимство Голландцевъ. — Король Голландскій и осада Гамельна. — Попеченія Наполеона о раненыхъ. — Порученіе Дюрока. — Обоюдная необходимость въ мирѣ. — Непомѣрныя требованія.— Дюрокъ въ Остеродѣ, и отказъ Короля Прусскаго. —Печальное положеніе Пруссіи—Переговоръ, порученный мнѣ въ Гамбургѣ.—Соглашеніе между Министрами и гнѣвъ Короля Шведскаго.—Гг. Нетцель и Ветерштедтъ. 196

Стр.

ГЛАВА XV.

Рожденіе Континентальной системы.— Берлинскій указъ. —Система безумія и тиранія. — Товары, бросаемые въ море.—Смертная казнь за голову сахару. — Война противъ ревеня.—Наущенія Совѣтниковъ Наполеона. —Фонтенблосскій лѣсъ засѣянный свекловицею.—Суровость исполненія Континентальной системы. —Всеобщее негодованіе.—Золото и обманъ.— Гамбургскія таможни. — Частное письмо мое къ Императору.— Совѣты мои, принятые Императоромъ и полученные имъ шестьдесятъ миліоновъ выгоды.—Политическое вліяніе и причина разрыва съ Россіею. — Дозволенія на вывозъ товаровъ. — Проѣздъ чрезъ Гамбургъ Бернадота Наслѣднаго Принца Шведскаго.— Совѣты на счетъ таможенъ.—Невозможность исполненія. — Вліяніе Континентальной системы на паденіе Наполеона. 208

ГЛАВА XVI.

Величайшій полководецъ.—Новая система войны.—Прежнія зимнія квартиры.—Движеніе противъ Русскихъ. —Воззваніе Императора.— Перечень военныхъ дѣйствій. — Четыре сраженія и одна большая битва.— Новыя арміи, составленныя внутри Государства. — Мечты Прусаковъ.—Необходимость итти на встрѣчу къ Русскимъ.—Геній завоеваній и геній истребленія. —Жалобы и бѣдствія Ганзейскихъ областей.—Пятьдесятъ тысячъ плащей, поставленные мною для арміи. — Русскій хлѣбъ, найденный въ Магдебургѣ.— Ложное усердіе слишкомъ преданныхъ агентовъ. — Полковникъ Клеманъ въ Бременѣ. — Неприличное воззваніе, представленное мною къ Правительству.— Прибавки къ строгостямъ Континентальной системы. —Быстрота похода Мюрата и вступленіе его въ Варшаву.—Депутація Поляковъ.— Нерѣшительность На-

Стр.

полеона на счетъ Польши.— Дюрокъ и переломленная рука — Завязшая въ грязи карета Г. Талейрана и солдатскія рѣчи.—Уныніе войскъ.—Средство Наполеона для того чтобы *разбудить* своихъ солдатъ.— Бонапарте импровизаторъ. 221

ГЛАВА XVII.

Воспоминаніе о Герцогѣ Меклембургскомъ. — Цѣль его пріѣздовъ въ Гамбургъ.—Дача моя въ Голштиніи. — Сношенія мои съ Герцогомъ Веймарскимъ —Исходатайствованіе мною возвращенія ему владѣній.— Благодарственное письмо —Тильзитскій трактатъ и Герцогъ Меклембургскій. — Посѣщеніе, сдѣланное мнѣ наслѣднымъ Принцемъ и поѣздка его въ Парижъ. —Списки представленій и разрядная книга знатныхъ особъ Европы.—Письмо наслѣднаго Герцога Баденскаго.—Моя гостинная и мой кабинетъ.—Предложеніе Бётлера, Англійскаго шпіона. — Осторожность его.—Бётлеръ въ Парижѣ и въ Лондонѣ, и странныя статьи въ журналахъ.—Опасеніе Бонапарте на счетъ сношеній между Франціею и Англіею.—Неудовольствіе Императора противъ Фуше.—Страхъ внушенный купеческими путешественниками (Commis-voyageurs). —Упадокъ торговли Голландіи.—Тщательное сопротивленіе Лудовика Берлинскому указу.— Наблюденіе за подозрительными людьми.—Невозможность исполненія. 233

ГЛАВА XVIII.

Извлеченія изъ переписки. — Пребываніе Наполеона въ Познани. — Учрежденіе Королевства Саксонскаго.— Уваженіе Германіи къ Королю Саксонскому.—Нерѣшимость Императора на счетъ Польши. — Праздники и смотры въ Варшавѣ.— Способъ продовольствія арміи.—Франція въ Главной Квартирѣ.—Аудиторы и

Стр.

портфели Министровъ. — Военныя распоряженія. — Кампаніи Вѣнская и Прусская.—Извѣстія мною получаемыя и отъ меня посылаемыя.—Вооруженія Австріи въ Богеміи.—Поведеніе Вѣнскаго кабинета, подобное поведенію Берлинскаго кабинета.—Необходимость дѣйствовать поспѣшно.—Французы предупреждены Русскими.—День Эйлаузскій. — Корпусъ Бернадота опаздываетъ.—Клевета, на него взведенная.—Смерть Генерала Гопульта.—Бонапарте ссылается на мертвыхъ. — Оправданіе Бернадота. 244

ГЛАВА XIX.

Эйлауская битва.—Константинопольскій бунтъ.—Посольство Себастіани въ Константинополь. — Новые престолы въ Европѣ.—Порученіе Гарданна въ Персію. — Воспоминаніе о Іозефинѣ. — Письмо ея о Г-нѣ Фази.—Статья предназначенная для журнала.—Дѣйствіе, произведенное въ Берлинѣ вѣстью о смерти Герцога Ангенскаго. — Французскій Посланникъ и Французы, оставленные всѣми.—Прусская Королева, обожаемая своимъ супругомъ и подданными, и неприличные относительно ея поступки Наполеона.—Г. Тюренгъ въ Гамбургѣ. — Маршалъ Викторъ въ плѣну.—Новыя затрудненія моего положенія. — Злоупотребленія военной власти.—Поддержаніе дипломатическихъ правъ.—Досада на меня Маршала Брюна. 255

ГЛАВА XX.

Требованія разныхъ поставокъ для арміи. — Англійскія сукна и кожи. — Уклоненіе отъ Берлинскаго договора.—Императорскія таможни. — Неудобоисполнимый законъ.— Выгоды для Франціи свободной торговли съ Гамбургомъ.—Затрудненія, во мнѣ предстоя-

Стр.

ція. — Правительство беретъ мою сторону. — Мои главныя занятія въ Гамбургѣ. — Преемникъ Г. де Жимеля.—Двойное назначеніе изъ Лондона и изъ Митавы.—Отзывъ Графа Дюмутье о Маліарѣ. — Г. Гю, камердинеръ Людовика XVI.—Неосновательныя свѣдѣнія отъ Парижской Полиціи. — Кавалеръ Баліоль.—Неисполненіе слишкомъ нелѣпыхъ приказаній. —Освобожденіе мною типографщика, напечатавшаго Нѣмецкую сатиру.—Прибытіе Г-на Гю въ Альтону. —Нѣкоторые новые эмигранты.—Баронъ д'Эмберъ и Генералъ Даникаиъ.— Полковникъ Блакасъ. — Дюмурье вступаетъ въ службу. — Движеніе Большой Арміи.—Сподвижники Императора. 266

ГЛАВА XXI.

Депеша Г. Талейрана. — Требованіе Императора о напечатаніи реляціи Эйлауской битвы. — Письмо ко мнѣ Владѣтельнаго Герцога Веймарскаго. — Высшая степень славы Наполеона. —Рапиъ отправленъ въ Данцигъ.—Князь Витгенштейнъ. — Большое мѣсто въ моей памяти.— Извѣстія изъ Лондона, привезенныя Княземъ Витгенштейномъ.— Взаимная довѣренность. —Г. Алопеусъ, и лаконическая депеша изъ Тильзита.—Торговый договоръ между Англіею и Россіею. —Объясненіе сговорчивости Англійскаго Министерства.—Посредство Россіи, предложенное Англіи Г-мъ Алопеусомъ. — Замѣчательный словесный отвѣтъ Г. Каннинга.—Расположеніе къ миру Принца Валлійскаго и Г. Каннинга.—Жестокое положеніе Пруссіи между Франціею и Англіею.—Лесть нѣкоторыхъ несвѣдущихъ писателей.—Невозможность возстановленія Польши въ 1807 году.—Русскіе и Австрійцы.—Основаніе Вестфальскаго Королевства. — Великое Герцогство Варшавское и Король Саксонскій.—Признаніе въ совокупности Королевскихъ титуловъ. 277

Стр.

ГЛАВА XXII.

Мои замѣтки и воспоминанія. — Дѣйствіе, произведенное въ Альтонѣ Тильзитскимъ договоромъ —Два лундора присланные ко мнѣ эмигрантомъ.—Пруссія въ полномъ распоряженіи Императора. — Отъѣздъ Герцога Меклембургскаго.—Проходъ чрезъ Зундъ Англійскаго флота.—Г. Дидло въ Гамбургѣ.—Бомбардированіе Копенгагена. —Вѣроломство Англичанъ. — Прежнее воспоминаніе и слова Наполеона Г-ну Лемерсье. — Пруссія, вычеркнутая съ ландкарты.— Возвращеніе Наполеона въ Парижъ.—Запутанныя дѣла.—Вліяніе Англіи на диванъ.—Новая политика. — Уничтоженіе Трибуната.—Нѣмые и угодники.—Упорство Мустафы Байрактара.—Требованіе Россіи.—Грабежъ въ управленіи.—Конфискація Англійскихъ товаровъ — Я доставляю Франціи девять миліоновъ выгоды. — Князь Нешательскій и Г. Дарсо.—Прибыльныя пожертвованія. 290

ГЛАВА XXIII.

Коленкуръ назначенъ Посланникомъ въ Россію.—Уничтоженное предубѣжденіе и расположеніе Императора Александра. — Затруднительность порученія Коленкура. — Отвращеніе Англіи къ посредству Россіи.— Португальскія дѣла.—Странный выборъ предводителя арміею.—Желаніе избавиться отъ Жюно. — Легкое вторженіе и объявленіе Принца Регента. — Взятіе Гельголанда Англичанами. — Существенная выгода этого внезапнаго удара. — Приказъ о взятіи подъ стражу Г-на Гю. — Графъ Бентинкъ, и желаніе его попасть въ Адъютанты къ Императору.—Обнародованіе Наполеонова уложенія, объявленнаго Государственнымъ Уставомъ. —Введеніе Французскихъ законовъ въ Германіи. — Снисходительность присяжныхъ

Стр.

въ Гамбургѣ. — Украденный плащъ, Синдикъ Дорманъ и оправданіе. — Законы Беккарія и воспоминаніе о мятежѣ въ Италіи. — Имперія Римская и Имперія Французская. — Невѣжество нѣкоторыхъ предсѣдателей судовъ. — Французское легкомысліе и справедливое неудовольствіе. 301

ГЛАВА XXIV.

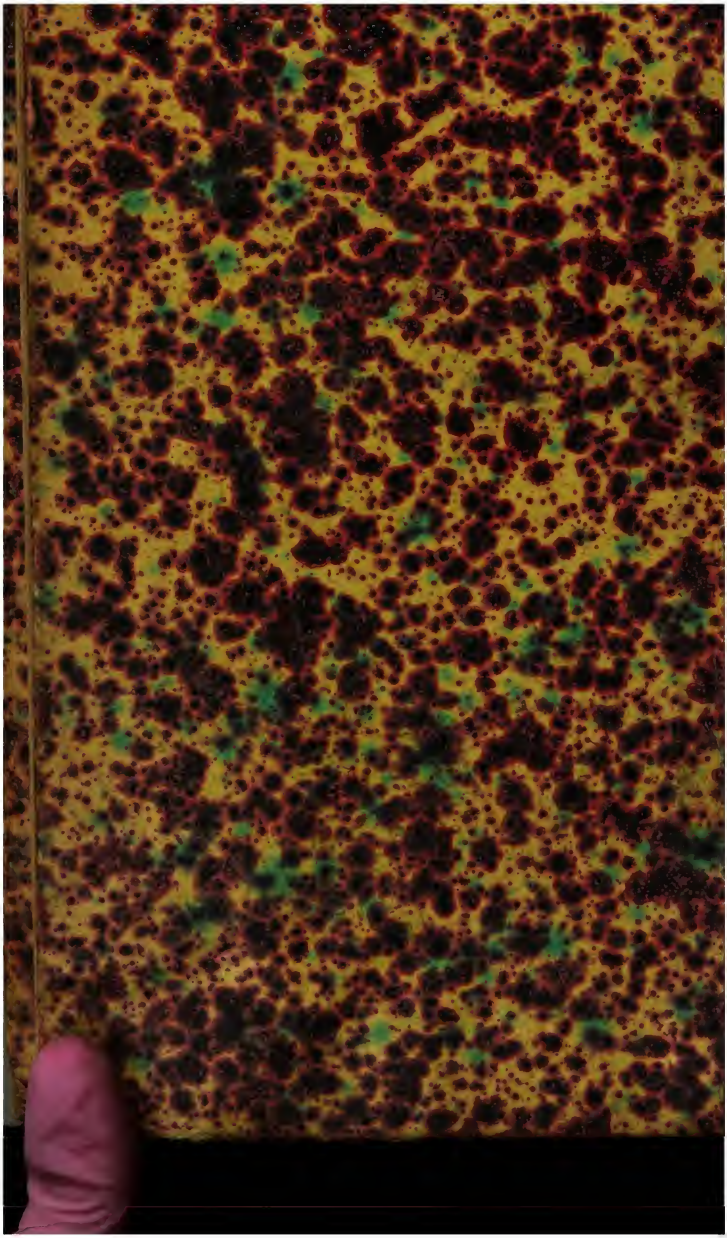
Начало Испанскихъ дѣлъ. — Необращеніе на оныя въ началѣ Наполеономъ вниманія. — Годой и любимцы. — Ненависть Испанцевъ къ Князю Мира. — Взаимныя обвиненія между Королемъ и его сыномъ. — Испанія, предложенная Лудовику. — Лживое обѣщаніе Наполеона. — Всеобщее негодованіе, возбужденное присутствіемъ Французовъ. — Отреченіе Карла IV-го. — Князь Мира подъ стражею. — Мюратъ въ Мадритѣ. — Важное извѣстіе, сообщенное купеческимъ письмомъ. — Агенты правительства, вводимые въ заблужденіе. — Необузданное честолюбіе Мюрата. — Взятіе имъ Годоя подъ свое покровительство. — Отреченіе, приписанное насилію. — Наполеонъ посредникъ между отцемъ и сыномъ. — Разставленныя сѣти. — Испанскій престолъ, назначенный Іосифу. — Всеобщее порицаніе поступка Наполеона. 311

ПРИЛОЖЕНІЯ

к ъ

СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

Докладъ Министра Внѣшнихъ Сношеній о взаимномъ поведеніи Франціи и Австріи со времени Люневильскаго мира. 327

Digitized by Google

Digitized by Google